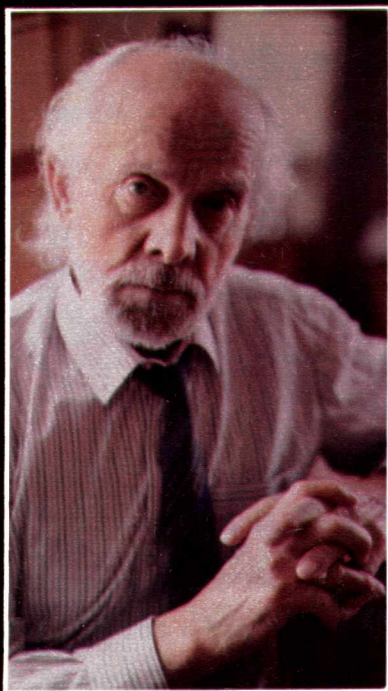

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 42 ОКТЯБРЬ 1989

ЧЕЛОВЕК С НЕГНУЩЕЙСЯ СПИНОЙ

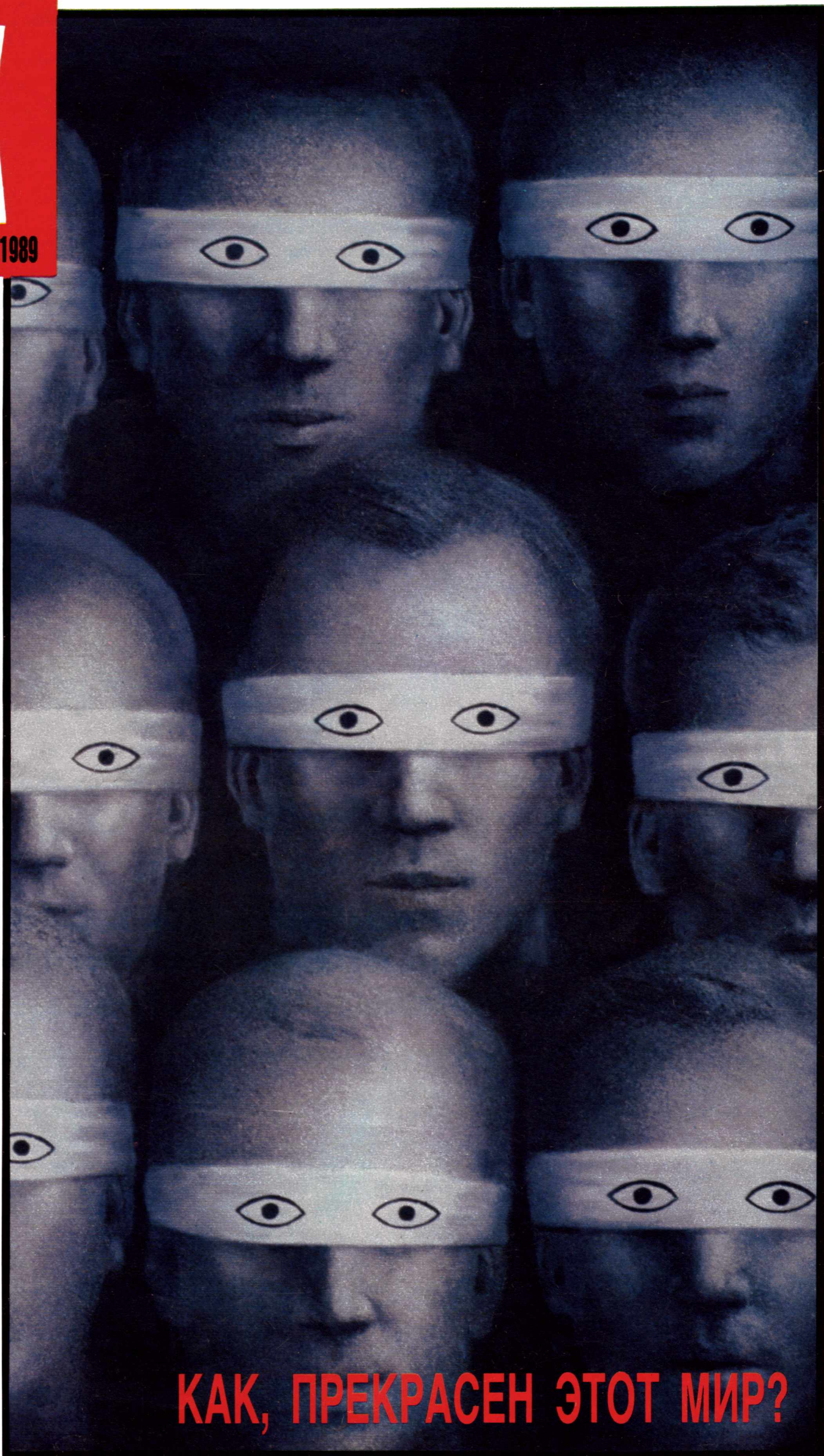

МЕРЕЖКОВСКИЙ О ЛЕРМОНТОВЕ

КРУГ ЧТЕНИЯ

НЕНАГЛЯДНАЯ АГИТАЦИЯ

КАК, ПРЕКРАСЕН ЭТОТ МИР?

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 42 (3247)
14—21 ОКТЯБРЯ

Главный редактор
В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
А. Ю. БОЛОТИН,
В. В. ГЛОТОВ
(ответственный секретарь),
Л. Н. ГУЩИН
(первый заместитель главного редактора),
Н. А. ЗЛОБИН,
В. Д. НИКОЛАЕВ
(заместитель главного редактора),
Ю. В. НИКУЛИН,
А. Г. ПАНЧЕНКО,
С. Н. ФЕДОРОВ,
А. В. ХРОМОВ,
Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,
В. Б. ЧЕРНОВ,
В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Плакат Александра ЛОЗЕНКО.
(См. материал Г. Попова «Два цвета времени»).

Оформление **В. В. ВАНТУСОВА**
при участии **Г. Н. СИДОРОВОЙ**

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 25.09.89. Подписано к печати 10.10.89. А 08917. Формат 70×108¹/₈. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 300 000 экз. Заказ № 1248. Цена 40 копеек.

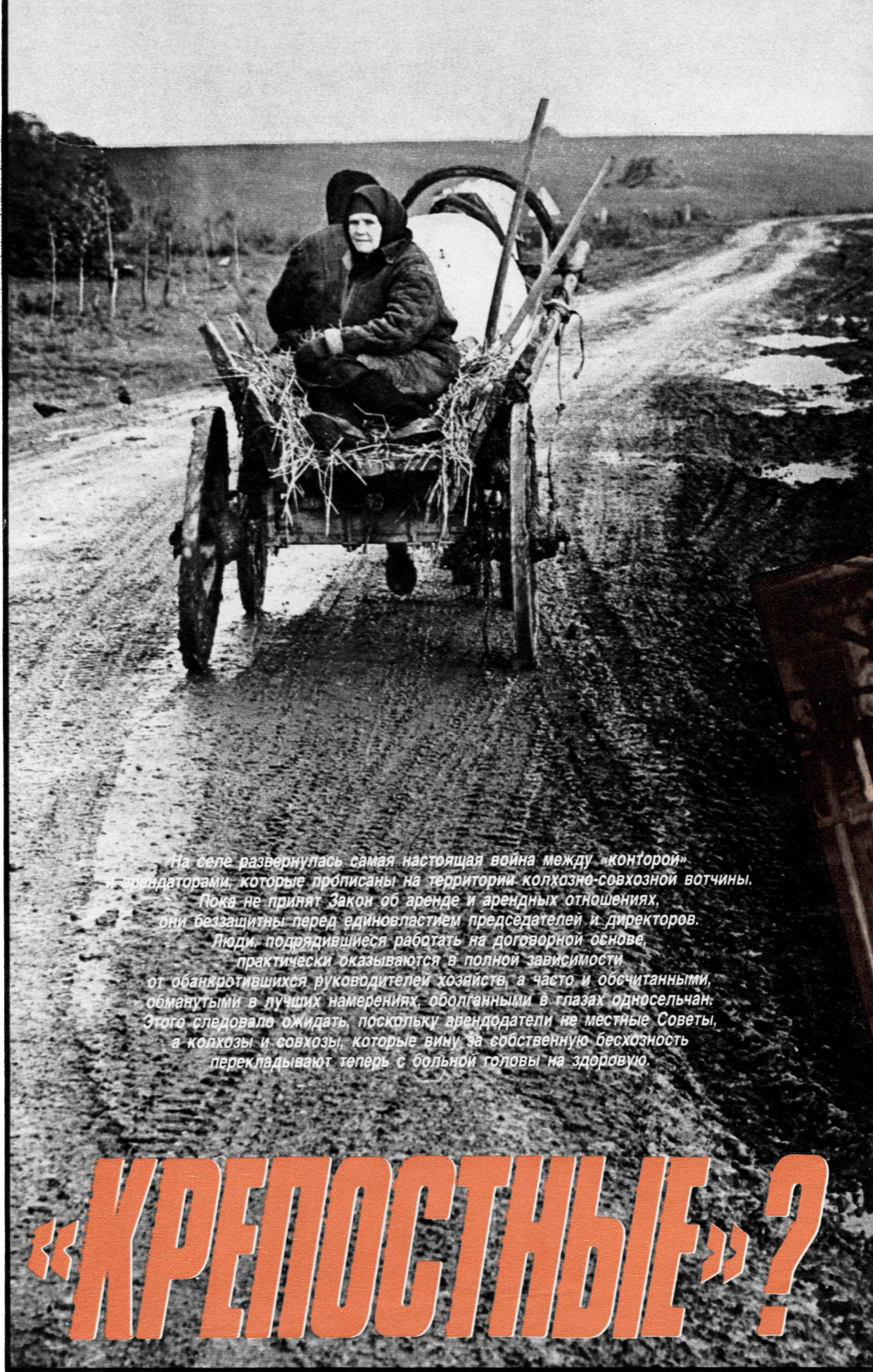
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В.И.Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

На селе развернулась самая настоящая война между «конторой» и арендаторами, которые прописаны на территории колхозно-совхозной вотчины. Пока не принят Закон об аренде и арендных отношениях, они беззащитны перед единовластием председателей и директоров. Люди, подтянувшиеся работать на договорной основе, практически оказываются в полной зависимости от обанкротившихся руководителей хозяйств, а часто и обесчистанными, обманутыми в лучших намерениях, оболганными в глазах односельчан. Этого следовало ожидать, поскольку арендодатели не местные Советы, а колхозы и совхозы, которые вину за собственную бесхозность перекладывают теперь с больной головы на здоровую.

«КРЕПОСТНЫЕ»?

Юрий
ГОВОРУХИН

Фото
Марка
ШТЕЙНБОКА

Экономическая перестройка буксует прежде всего в деревне. Именно там колхозно-совхозные удельные землевладельцы с понятным упорством борются за то, чтобы всем жилось одинаково плохо. Так привычнее. Оказалось, «противников перестройки» не всегда надо искать в райцентровских и областных кабинетах. Они — в гуще нашей жизни, среди самого что ни на есть народа, среди жителей сел и деревень. Искать какие-либо внешние признаки принадлежности к консерваторам бесполезно: нет их, характерных родимых пятен, а лица у любителей получать зарплату

в кассе конторы открыты и доброжелательны, будни их заполнены суетой и непроизводительным делом. Но почему? Почему?

Вот лишь одно письмо с места событий.

«Семья наша приехала в колхоз «Дружба» в мае прошлого года. Заключение с правлением арендный договор на откорм бычков. Взяли 108 голов. Знали, конечно, что будет нелегко, но работали как проклятые, однако теперь уже совсем ясно: надорвали пупки, дальше так не потянем. Помещения старые, неотремонтированные, находятся в аварийном состоянии. Механизации никакой. Колхоз ничего не хочет ре-

шать и помогать, вопросы если решаются, то со скандалом и скрипом. Запчасти не дают, корма по два-три дня не подвозят. Тракторы по три-четыре месяца в ремонте, но за их «эксплуатацию» с нас аккуратно берут амортизационные отчисления. Зоотехники не помогают. Хотя мы минувшей весной и заняли в соцсоревновании переходящий красный вымпел «Лучшему арендному коллективу» и в газете печатали про наши положительные результаты, все равно нас оскорбляют, обижают, в частности, председатель Ионов М. Н. Наш труд вообще не ценится, и будем мы дальше работать на аренде или нет — зависит от нее, председателя. Она говорит, что аренда колхозу не нужна, невыгодна. Потому что в следующем году государство не будет платить убыточным колхозам дотации, а значит, и дохода не будет никакого.

Подъемные, что выделили на коро-

Пришел Игорь — глава семейства. Сели за стол рядом и проговорили дотемна.

Приехали Типикины из Узбекистана — неуютно там стало. Однажды снялись и поехали в деревню Людково Калужской области. Адресок в «Крестьянке» вычитали — «нужны люди». Приехали, а их никто не ждал. Совсем худо было бы, да в автобусе посоветовали им: «Поезжайте в Карцево, в колхоз «Дружба», там тоже нехватка народа и жилье дают».

Приехали. Прежний председатель Юрий Дмитриевич Фомин выделил этот домик, пообещав позже дать коттедж в поселке Баранцево. Договор на аренду подписали в октябре, а в декабре Фомина переизбрали, и председателем стала Мария Николаевна Ионовна.

него. С какой стати? Более того, председатель со сдаточного веса вычитает почему-то первоначальный вес проданных арендаторам телят! Так Типикины потеряли в июле 366 рублей. То есть не потеряли — их вынули из кармана арендаторов. Среди бела дня.

Колхоз не только по «три копейки с кило» вычитает с многодетной семьи, но тянет и с государства. Например, «Дружба» продает мясо, выращенное арендаторами, государству по 2 рубля 14 копеек за килограмм. Да еще получает дотацию — 110 процентов надбавки к цене! Значит, за килограмм получает по 4 рубля 50 копеек! Чистая при-

с аренда можно было бы побольше получить, если кто из них при забое присутствовал...

Типикины не одиноки в своих несчастьях. В поселке Баранцево мыкаются еще две семьи — Булкиных и Марущенко. И они сунули свои шеи в ярмо так называемой аренды. Молодые-многодетные тоже приехали сюда по адресам, опубликованным в калужской областной газете. Жилье, правда, сразу дали хорошее. Но за год норовят содрать с них три шкуры — по 96 рублей положил колхоз за гектар земли (без оценки ее плодородия), телятник оценили в 34 тысячи рублей, хотя тут полы выбиты, автопоилки не работают. Досок колхоз не дает, а на носу зима. Более того, арендаторам даже не открыли лицевые счета! Запаяла бухгалтерия сделать это колхозная бухгалтерия.

Что же происходит? Арендодатель-колхоз — собственник средств производства. Он присваивает себе до половины стоимости продукции, произведенной арендаторами. Главное, эти деньги идут не на производственные и тем более не на социальные нужды, точнее, не только, но и на содержание конторских служащих. По сути, никакая это не аренда, а барщина. С той только разницей, что в роли барина выступает правление колхоза в лице председателя Ионовой. И крестьянин отдает ей не десятину, как в забытые времена, но треть, а то и половину не ею заработанного!.. Получается крепостная аренда? При расчетах с арендаторами царит неразбериха с определением цен. Расчетные цены им намного занижает правление по сравнению с себестоимостью (просто фантастически высокой) продукции в хозяйстве! В «Дружбе», например, производство центнера мяса обходится почти в 656 рублей, центнер молока стоит 42 рубля, картофеля — 26 рублей 51 копейка!

Председатель колхоза произвольно изменила сроки аренды, пересмотрела «плановые задания» по своему усмотрению. Цены за корма и технику вдвое превышают все разумные — и колхозные, и государственные. А специали-

Поначалу вроде бы все ничего, в апреле их отметили в районной газете, а в июле, когда тридцать бычков на мясокомбинат сдали, пошло-поехало!..

Прежний договор переписали, одно-

сторонне заменили на новый. Вторую сторону, самих арендаторов, спрашивать ни о чем не спрашивали. Просто сказали: «Так теперь будете работать». Заглянули в бумагу и ахнули! В старом договоре расчетная цена — 1 рубль 81 копейка за килограмм сданного мяса, а в новом «растасили». За скот средней и тощей упитанности теперь колхоз обязуется платить 1 рубль 51 копейку и 1 рубль 13 копеек. Но сам колхоз продает малых телят Типикиным по единой цене — по 1 рублю 78 копеек за килограмм живого веса. Это бы ничего, но колхоз дает им на откорм телят полуживых, рахитичных. И выходит обсчет в пользу колхоза. А по идее должно быть иначе: арендаторы берут бычков весом не менее 112 килограммов, допустим, по 1 рублю 78 копеек за килограмм, дорастивают их и откармливают в среднем до 350 килограммов и продают государству по 1 рублю 81 копейке. Потом уже следуют вычеты в пользу колхоза за корма, амортизацию техники и т. д. Так нет же — колхоз заставляет Типикиных работать на

ву нам, как переселенцам, то есть 200 рублей, через семь месяцев высчитали из зарплаты. Дом колхозный, где мы сейчас живем; тут нам пришлось все делать самим, покупать обои, краску, но колхоз ничего этого не оплатил. Мы хотели купить картошку по себестоимости, а нам почему-то решили продать ее, как многодетной семье, по 35 копеек за килограмм...

В колхозе кто чего хочет, то и делает, работать тут не хотят, зато водку горазды пить. Колхозный долг государству — больше семи миллионов рублей. Мы думали, что арендаторам спасибо скажут, а нам говорят, мол, сидите в дерьме и не рыпайтесь!..»

Людмила ТИПИКИНА

Дом у Типикиных, естественно, деревенный, довольно холодный, две комнаты, но порядок поддерживать нелегко: у отца с матерью мал мала меньше, и все мальчишки. Скоро пятый родится. А забот по хозяйству невпроворот. И, главное, с председателем конфликт.

быль — 2 рубля 69 копеек. Ничего себе «навар»...

В сентябре Типикины еще пять с половиной тонн мяса на комбинат отравили. Там скотину оставили — принимают ее по убойному весу. Значит, надо присутствовать при забое. Чтобы не обсчитали. «Дайте машину в Калугу съездить, поприсутствовать», — попросила арендатор Типикина в колхозе. «Вам надо, вы и поезжайте, мясо-то не колхозное!» — сказала как отрезала Мария Николаевна. А колхозу разве не надо? Мясо-то в план пойдет, и денег

сты? Они просто не заинтересованы в успехе арендаторов и вовсе не обслуживают их.

И самое главное: систему купли-продажи, то есть товарно-денежные отношения колхоз в лице председателя подменил привычным «учетно-сдаточным» административным прессом. Это хитрый экономический перевертыш! Не только в «Дружбе», но и в других хозяйствах животноводы и механизаторы арендуют землю, технику и продают свою продукцию за... собственную зарплату! А должны они получать прибыль — предпринимательский доход! Получив доход, они расплачиваются с колхозом за услуги (а не наоборот!), погашают ссуды, платят за амортиза-

цию машин, наконец, платят налог государству.

Оставшейся частью арендатор вправе распоряжаться по своему усмотрению! Может создать страховой фонд, может и вкладывать деньги вместе с тем же колхозом в строительство жилья, дорог, строить на паях...

Вместо того чтобы предоставить арендатору, крестьянину финансовую инициативу, ему начисляют зарплату. И называют ее прибылью! Так неузнаваемо искажается суть новой формы хозяйствования. А председатель колхоза Ионина помалкивает или просто не догадывается о собственных нарушениях. Экономического ликбеза не проходила? Страшно далеки такие руководители обнищавших хозяйств от понимания экономических законов. Арендой ни в «Дружбу», ни во всем Мещовском районе, где из девятнадцати хозяйств лишь одно рентабельно, даже не пахнет. Там прочно обосновалась косная, кабальная принудительная. А руководители хозяйств что хотят, то и воруют, оставаясь крепостниками.

Но как же так? Было же дано четкое указание — поощрять аренду! Пропандировать! Выходит, не слушается председатель Ионина городского начальства?

Нет и нет — на Салтычиху Мария Николаевна не похожа. Открытое, но вместе с тем и волевое лицо. Сама местная. Папа — инвалид войны, мама годы и годы проработала дояркой, старший брат на заводе в Брянске, сестра в Мещовске, в педучилище, а крестьянскую линию продолжила она, Мария, Мария Николаевна. Выучилась в институте на экономиста, работала и бухгалтером в совхозе, и агрономом, и в вычислительном центре, и главным бухгалтером РАПО, а теперь вот дали ей колхоз! Развалюха развалюхой. Бьется она почти год, себя не жалеет. Райком вроде во всем помогает, но поселилось в душе сомнение: не справится она тут, заробитесь...

Причины? Специалисты, говорит, не помогают. Все надо контролировать самой. Люди работают из-под палки. Привыкли так. Раньше? Раньше начальства боялись... А теперь стараются рубль сорвать. У нас, объяснила Мария Николаевна, люди другие должны быть — сговорчивее, покладистее. Почему они с Любю Типикиной цапаются? Просто бабы они с характером, друг другу не хотят уступить. Чуть что — в крик! Другой нужен народ. Где другой взять? Не знает... Этого Мария Николаевна не знает.

И вообще, что-то она, хоть и экономист, не понимает, как с них, с арендаторов, спрашивать-то. Ежели весь колхоз раздать в аренду, то половина населения по миру пойдет. Все здешние пенсионеры и пьяницы — им как жить? Те же Типикины, Булкины, Марущенко — они двадцать месяцев будут бычка откармливать, а государству все время нужно мясо. С кого взять, спросить? Кто даст стране продукцию? Кто будет народ кормить?

В свое время колхозники хорошо работали, пусть за «палочки»! А нынче за деньги не хотят. Вот мама — как работала! От темна до темна. Был порядок...

Но только ли Мария Николаевна, образно говоря, «крепостник»? Приехавшим в «Дружбу» переселенцам в лицо говорят: «Миллионы хотите заработать? Куркули, кулаки окажные!» Деталь к машине колхоз продает, но плату берет еще и за ее установку: «Раскошелывайся, хозяин! У нас теперь хозрасчет, так что ставь бутылку!» Доярка, отпахавшая на ферме всю жизнь, Лидия Андреевна Хохленкова, зло ткнула пальцем в сторону хилого строения, принадлежащего теперь Булкиным и Марущенко: «У-у, аренда! Понаехали... Дармоеды! А мы работали без аренды. И жили, как все люди». Как люди, значит, всем миром плохо. Лидия Андреевна, которая Россию задарма кормила, кроме грыжи и мизерной пенсии, ничего не заработала. Ее тоже,

выходит, надо в «крепостники» записывать?

Горько от этой мысли. Сюда не долегают не то что ветры, но даже сквозняки перестройки. Надо видеть эти убогие деревеньки, грязные, изуродованные колеями улочки, такие неуместные здесь транспаранты «Перестройка — дело всех и каждого!». И этих бредущих по своим делам мужиков и баб, эти церквушки без крестов, обросшие лопухами и крапивой. А напротив, будто аквариумы с невиданными рыбками, райком с райисполкомом.

Я не уверен, что Закон об аренде и арендных отношениях решит аграрные проблемы. Такой закон не для массы жителей нынешней деревни, отравленных уравниловкой. «Как это он будет жить лучше меня? — Хор сирых голосов хорошо слышен уже сейчас. — За что боролся?» Такая психология — следствие директивной экономики, феодального социализма.

Мы сетуем на бедность, а она, Бедность, сидит в нас, злющая, завистливая. И надсадно поет: «Я же, человеке советский, твое дитячко!» Озлобленная гримаса неприятия, боязни нового. По-старому хоть знаешь, как жить. А по-новому? Что будет? Неизвестно...

А пока в Мещовском районе борются за дисциплину: в семь часов утра руководители всех хозяйств включают в своих кабинетах радио, чтобы послушать «Радионяню». Селекционные совещания проводит председатель АПО Александр Александрович Скороходов. Первый секретарь райкома партии Илья Федорович Назаров (боже упаси!) не вмешивается в такие совещания, но слушает у себя в кабинете, о чем говорят. И вставляет изредка свое веское слово.

— Мы за самостоятельность. В экономике не лезем, — убеждал меня секретарь райкома. — Наше дело — партийный контроль, кадры, пропаганда...

В мещовских хозяйствах святой день — среда. Райкомовцы разлетаются по совхозам и колхозам для политематической работы и учебы. Надо быть в гуще народа! Разбирают все случаи пьянства, жалобы, происшествий. Бывало, виновников сажали на черную «скамью позора» для всеобщего обозрения, чтобы другим неповадно было. Лавку красили «под деготь», длинную такую, но места все равно всем не хватало... Теперь от эдакой наглядной агитации в районе отказались: все-таки демократия! А прорабатывают на словах...

Дисциплина и контроль. Штабы заседают, обсуждают. Без дела никто не сидит в райкоме. А вот, поди ж ты, бед малочисленных арендаторов не углядели...

— Да я недавно у них был, — удивляется Илья Федорович, — мы все вопросы решили. Я дал указания. Да, не хватает нашим людям самостоятельности! Уж твердишь им, мол, будьте хозяевами! Нет, не понимают...

Назаров рассказал: встретился с одним арендатором и стал убеждать его в необходимости предприимчивости... А тот в ответ: «Вы, Илья Федорович, приказ по району напишите, что хозяин — я!»

Соцсоревнование арендаторов в районе организовали. Поощряют их красными вымпелами. По первому их заявлению обещают им помочь. Ну, конечно, с техникой, запчастями плохо, стройматериалов нет. Им бы самим крутиться надо, а они в райком бегут, да еще к первому секретарю норовят проскользнуть. А у него своих дел невпроворот. За всем и всеми не углядишь...

И не режет слух Илье Федоровичу дикое словосочетание «соцсоревнование арендаторов». И кажется нормальным, что руководители хозяйств, как покладистые школьники, слушают по утрам «Радионяню». И не задумывается первый секретарь о том, что весь его район давно превратился в один обездоленный колхоз, где он и есть председатель.

ШАХМАТЫ

ВСЯ ПРЕЗИДЕНТСКАЯ РАТЬ

В Брюсселе готовились торжественно отметить окончание двухлетнего розыгрыша Кубка мира и провести важное заседание совета директоров Международной ассоциации гроссмейстеров. Предсе-

датель этого совета крупный бельгийский бизнесмен Бессел Кок, он же главный директор мировой компании телекоммуникаций, зафрахтовал специальный самолет только для участников Кубка и по телефону распорядился не делать исключений ни для кого из «чужих», особенно журналистов. Но если нельзя, а очень хочется?.. Обратился к президенту гроссмейстерской ассоциации Каспарову. С очаровательной улыбкой он переадресовал меня к вице-президенту Карпову, но потом дал лучший совет: «Напишите заявление в Ассоциацию — у нас, как и в ФИДЕ, тоже есть бюрократы, которые любят документы».

Дрожал я всю ночь перед вылетом, периодически получая от доброжелателей сообщения о том, как на банкете идет опрос гроссмейстеров, каждому из которых было дано право наложить «вето» на совместное путешествие с советским журналистом. Рассказывали: Корчной предупредил, чтобы наши места не оказались рядом (может, опасался интервью?).

Не знаю, что уж там произошло, во всяком случае, утром постучался Карпов, а за ним Таль и строго скомандовали: «Вниз, с вещами!» Внизу Каспаров приветливо напомнил: «Ну, что я говорил? Бумага есть бумага!» Наверное, я покраснел — устыдился своих ночных мыслей о гроссмейстерах. Слаб человек-корреспондент!

В маленьком салоне, будто заяц-билетник, постарался незаметно зайти в угол.

В Антверпене самолет встречал сам Б. Кок и даже сам помогал заполнять документы, необходимые при въезде в Бельгию. Все гроссмейстеры в графу о профессии без колебаний вписали «чеесслейер» — шахматист, или играющий в шахматы. Я написал «чеесжурналист», и Б. Кок, поначалу сухо кивнувший мне, смягчился и пропустил впереди себя в автобус, тронувшийся в сторону Брюсселя.

Позже, с превеликим трудом отыскав отель, который оказался наконец по карману советскому командированному, я неоднократно спешил к шикарному «Шератону», откуда отъезжали специальные автобусы то на уникальный сеанс одновременной игры, проводи-

мый всеми 25 ведущими гроссмейстерами мира, то на торжественную церемонию в поразительном великолепии замок СВФТА (это русская аббревиатура длинного названия могущественной телекомпании-спонсора). И каждый раз учтиво спрашивал разрешение у всемогущего Б. Кок, а он отвечал: «Коль можно садиться в мой самолет, так чего ж спрашивать про автобус».

Впрочем все это было уже потом, когда Кубок мира завершился.

В «Огоньке» же еще ни слова не сказано о том, что Гарри Каспаров выиграл этот приз. Но разве это новость? Когда в конце предпоследнего кубкового этапа в Роттердаме больно споткнулся Анатолий Карпов и впервые в жизни проиграл три партии кряду — разве тогда не стало ясно, что чемпион мира лишается единственного конкурента? В Шеллефтео они встретились в последнем туре, но это уже была гонка престижа, где на «промежуточном финише» в 12-м туре Каспаров оформил свои права на Кубок. Но Карпов свой престиж здесь ничуть не уронил, поделив первое место в сильнейшем по составу соревновании. Лидера он сумел настичь в заключительном туре, чего прежде Каспаров не допускал. Но вернемся к самому началу, когда еще только замысливался Кубок мира...

Помнится, некоторые шахматисты доверительно шептались: странный этот Каспаров, он же чемпион мира и зачем придумал новый Кубок, а вдруг выиграет его Карпов (никого другого не называли) — что тогда будет главнее в шахматном мире? Тем более что матч между ними в Севилье закончился-то все же ничью.

Есть множество людей, знающих о существовании пятен на Солнце. И у меня есть претензии к Каспарову — пусть это звучит для иных нелепо или даже недопустимо, но журналистская профессия такое как раз допускает. О том, навлекая на себя нарекания, писал и, полагаю, писать еще придется. Хотя, не исключая, могу оказаться и отношу не всегда правым. В одном же, уверен, не ошибаюсь: отношение Каспарова к собственно шахматам, или, если так можно выразиться, к «чистым шахматам» без всякой «околошахматности» — безупречно. В самой идее проведения Кубка мира обязательно для себя лично (ведь пошел же на риск) такое чемпионское качество отчетливо проявилось. Или был так уж уверен? Если да, то тем паче молодец.

В техническом исполнении идея весьма сложная. Шесть турниров за два

года — между матчами за мировое первенство. Сильнейшие гроссмейстеры выступают в четырех состязаниях, зачет по трем лучшим результатам. Система непростая: набранные очки складываются с баллами за занятые места. Обнаружились потом изъяны в системе, да тема эта для общего разговора слишком специальная, и над ней пусть думают специалисты.

Каспаров выиграл турниры в Бельфор-е и Рейкьявике, для Кубка засчитано второе место в Барселоне, потому что там играл приглашенный вне конкурса испанский шахматист, и очко от него не учитывается. Карпов победил в Брюсселе, отстал только от лидера в Бельфор-е и опять же вторым стал в Роттердаме. (Свою версию о причине срыва в Голландии, где экс-чемпиону мира в трех партиях, чтобы поравняться с чемпионом, хватало полутора очков, я уже как-то излагал. Повторю то же чуть другими словами. Как некогда, стремясь победить Каспарова со счетом 6:0, он не выдержал взваленных на себя обязательств, так и теперь, желая перед последним подходом создать солидный запас, Карпов, подобно штангисту, «заказавшему» предельный вес, не справился с психофизической нагрузкой и получил три нулевые оценки.)

Лицом к лицу они вновь встретились уже в Шеллелте. Разное настроение парадоксальным на первый взгляд образом привело к одинаковому турнирному результату. Не сумев выиграть во втором туре личную встречу и едва не проиграв ее белыми, Карпов окончательно оставил мечту о Кубке, затаив намерение не уступить в турнире. Словом, ограничился программой-минимум, которой мог бы позавидовать любой максималист, кроме чемпиона мира. А Каспаров, расстроившись из-за упущенного принципиального очка, одновременно убедился, что главной цели ему уже не мешают достичь...

Как правило, выходя вперед, Гарри еще увереннее ловит в паруса попутный ветер и становится практически недосягаем. Однако при этом, в полном соответствии со своим характером, бывает, увлекается и лихачит, что ли. Нет, лодка его почти никогда не переворачивается, но порой кренится и черпает воду. Со стороны такой рискованный ход даже еще красивее, и хоть кормчий Каспаров собой недоволен (да и Карпов все же догнал на финишном створе у шведских берегов Ботнического залива), все равно его расхваливают близорукие наблюдатели — по неведению или стараясь похвалить. При этом поток лести выдающегося гроссмейстера перемешивается с имитацией желчи в адрес его настоящих врагов, что делает «гремящую» смесь особенно действенной и вовсе дурманящей читателя, который сильно симпатизирует чемпиону.

И вот уже зевок Каспаровым фигуры в кейтноте Талля публично объясняется... происками Ф. Кампоманеса. А как же тогда Каспаров сумел перед роковым просмотром добиться выигрышного положения, да и потом все равно не проиграл партию? В. Васильев, пишущий про шахматы, догадываясь о возможном вопросе, забавно отвечает: «Все счастье в том, что Кампоманес пока может многое, но не все!» В таком пассаже уважения к президенту ФИДЕ больше, нежели к читателю и даже к самому чемпиону мира. Моцарт, услышав, как фальшивит трубак, упал в обморок. Каспаров тоже не может не слышать, как неумело трубят ему просящиеся в праздничный оркестр. Разве что сам захочет обмануться.

Но одно дело — «обмануться» на людях, совсем иное — наедине с собой. И здесь следует подчеркнуть, что великих мастеров всегда отличало, кроме других превосходных качеств, исключительная самокритичность при анализе своего творчества. А иначе где искать резервы роста, как двигаться вперед,

чтобы пробежать свою стометровку заметно быстрее достаточных для вчерашней победы десяти секунд. Тут один «допинг» — постоянная работа над обнаружением и устранением собственных ошибок. И с такой работой Каспаров справляется тоже пока лучше всех. Уже на следующем турнире в голландском городе Тилбурге он показывает совершенно блестящий результат. А ведь нервозность общей обстановки в шахматном мире — этим и объяснял несколько шведских промашек упомянутый выше журналист — ничуть не ослабла, а после завершения кубковых баталий даже еще возросла. И вообще, кто внимательно следит за манипуляциями вокруг Олимпа, давно подметил, что в моменты экстремальных околосахматных ситуаций Гарри Каспаров особенно сильно действует именно на шахматной доске. Это, разумеется, совсем не означает, будто создание победных ситуаций другими для него бесполезно.

...Понятно, что борьба за высший титул волнует всех любителей шахмат. Но вопрос этот напрямую касается прежде всего нынешнего чемпиона мира, а также ближайших претендентов на трон. При полной очевидности такого посыла оказалось вдруг, что руководство Международной шахматной федерации придерживается иной точки зрения и имеет свой ответ на стоящую перед ним задачу организации матча за мировое первенство. (Называя «руководство», я никак не снимаю персональной ответственности с президента ФИДЕ Ф. Кампоманеса. Но при всей своей нелюбви к Каспарову ловкий политик наверняка постарался бы не ссориться сразу и с другими ведущими гроссмейстерами. Да вот ссору с явными «ястребами» из ФИДЕ он посчитал для себя опаснее.)

Так или иначе недавний конгресс ФИДЕ в Пуэрто-Рико проголосовал за выбор места для будущего матча на первенство мира в принципе без каких бы то ни было согласований с теми, кто станет участником этого матча. Формальная мотивировка: они, мол, все равно начнут между собой затяжной спор на эту тему, а организаторам уже сейчас (когда до выявления единственного претендента еще далеко) не хватает времени для полноценной подготовки к трудовому мероприятию. Фактически же, как утверждают многие, за этим кроется и расчет на отказ оскорбленного чемпиона мира от защиты своего титула в произвольно назначенном матче. Со всеми вытекающими отсюда последствиями...

Конгресс рассмотрел две заявки с равноценными призовыми фондами — 3 миллиона швейцарских франков — от Лиона (Франция) и новозеландской столицы Веллингтона и отдал предпочтение европейскому городу. Только вот надо бы уточнить одну деталь: представительница Новой Зеландии сама сняла кандидатуру своей страны, когда на конкретный вопрос об участии в матче Каспарова не получила от Кампоманеса официальных гарантий. Эту важную и почему-то не опубликованную сразу подробность узнал я в Брюсселе от М. Ботвинника, побывавшего на конгрессе в Пуэрто-Рико.

«Челночная дипломатия» М. Ботвинника, пытавшегося залатать цельное некогда полотно шахматной жизни, казалось, начала уже приносить определенные результаты. Переговоры между ФИДЕ и профессиональной гроссмейстерской ассоциацией стали почти реальностью, и Б. Кок даже прибыл в Пуэрто-Рико. Но вот тебе, прадедушка (Ботвинника уже можно поздравить с рождением правнучки после правнучки, что называется, Юрьев день! Шахматный патриарх с юношеским пылом протестовал против навязываемого гроссмейстерам диктата, но, как и вся советская делегация, оказался в мень-

шинстве. Тогда же он призвал срочно привлечь к руководству ФИДЕ разумно мыслящих людей, способных трезво оценивать ситуацию, и не слишком, может, дипломатично упомянул в их числе первым Б. Кока. Там это не очень-то понравилось, и, почувствовав настроение боготворящих Кампоманеса функционеров из стран «третьего мира», европейский бизнесмен покинул конгресс. Если бы я был директором (гроссмейстерской ассоциации и крупнейшей телекомпанией), наверняка поступил так же. Зато как Ботвинник без тени улыбки, но с присущим ему юмором обосновал свое предложение: только Кок способен сохранить приятельские отношения одновременно и с Каспаровым, и с Карповым, и так долго не ссориться с ним, Ботвинником.

Что же произошло в Брюсселе? На страницах не специализированного, а общего издания обо всем подробно не расскажешь. Только о самом главном. Совет директоров гроссмейстерской ассоциации направил письмо, которое до поры не передано в печать, хотя мне, буквально дежурившему у закрытых дверей заседания, содержание его в целом удалось узнать (теперь понятно, почему напрашивавшийся в Брюсселе корреспондент не был там желанным гостем?). Так вот, Ассоциация корректно, но по существу ультимативно, предлагает ФИДЕ разделить власть и деньги, отчисляемые от призового фонда матча за мировое первенство. Если к определенному сроку — примерно к ноябрю — не последует согласие гроссмейстеров, как говорится, явочным порядком возьмут бразды правления в свои руки. Это как раз не значит, что они не явятся на матч — такие надежды эфемерны, заявил еще на пресс-конференции в Шеллелте чемпион мира. А теперь вместе с ним под тем же письмом поставили свои подписи все четверо оставшихся к моменту принятия декларации претендентами — А. Карпов, А. Юсупов, голландец Я. Тимман и англичанин Д. Спилман. И значит это, что Ассоциация обратится к предлагающим свои услуги организаторам и под своей эгидой проведет матч 1990 года, выбрав то место, которое более всего устроит непосредственно заинтересованных шахматистов.

Сознаю, что начинаю злоупотреблять терпением читателей. В бурлящей во круг жизни так много проблем, далеко в сторону отодвинувших шахматные. Но обозреватель никак не может оставить совсем без внимания ситуацию с шахматной властью у нас в стране. В прошлом году я уже попал в немилость к некоторым членам самого могущественного шахматного клана, когда выразил сомнение в целесообразности создания обособленной организации советских гроссмейстеров: «В отличие от Международной гроссмейстерской ассоциации это объединение вызывает много естественных вопросов. Ну, хотя бы такой: «А почему в головах целого Союза театральные деятели даже не мелькнула мысль создать вместо себя Ассоциацию народных артистов СССР?» («Огонек» № 8, 1988 г.). Не совсем уж предвзятый читатель увидит здесь Союз и легко заметит, что лишь выделение из его рамок одной элитарной группы не нравится автору.

Очень скоро было провозглашено «Нужен шахматный союз!». Совсем не собираюсь, сославшись на приведенную выше цитату, выставлять себя провозвестником этого нового лозунга. Напротив, полагаю, что на переходном этапе безопаснее пока для шахматного движения как можно более самостоятельная в моральном и материальном отношении федерация. А чрезмерно спешить и сразу же полностью отказать от финансовой поддержки со стороны государства (главным образом в лице Госкомспорта) представляется мне рискованным. Но, надо признать,

есть и точка зрения куда более авторитетная — она высказана самим чемпионом мира.

«Королевство кривых зеркал» — так назвал Г. Каспаров в интервью для «Огонька» нашу спортивную систему. Шахматный король призвал «разбивать зеркала», что, надо понимать, означало бы начало перестройки в спорте. Речь, разумеется, не идет о возобновлении движения луддитов, некогда уничтожавших ненавистные машины, которые отбирали у простых ремесленников заработок. Каспаров предложил разобрать по винтикам одну громоздкую и дорогостоящую в эксплуатации «машину управления», а сам спорт, как он выразился, «следует перевести на самокупаемость». Далее, верно, внес существенное и уж не столь категоричное уточнение: «Мне кажется, Госкомспорт мог бы заниматься теми видами спорта, которые невозможно перевести на хозяйственный и самокупаемость».

Относится ли это к шахматам? На мой взгляд, истина пока лежит между романтической позицией играющих в международных турнирах гроссмейстеров и той прозой жизни в нашей глубинке, с которой сталкиваются на местах шахматные организаторы. Возникла весьма своеобразная революционная ситуация: верхи не хотят жить по-старому, а низы опасаются, что не смогут жить по-новому.

Уже заявил о себе самостоятельный Союз шахматистов. Инициаторы его создания остроумно выиграли время, добившись переноса съезда шахматистов. Оттянулось таким образом принятие нового Устава федерации, тоже «самостоятельной», но все же опирающейся на помощь «извне» (не подумайте: из-за границы).

Опять помощь? — переспросит кто-то. Да, коль мы признаем, что шахматы — явление культуры, и государственные институты во все времена обязаны поддерживать культуру. Кстати, и Союз шахматистов, хоть и провозглашает полную автономию, опирается на спортивную организацию профсоюзов. Прочитать программу и Устав уже созданного общества довелось еще не многим, прием проходит после оповещения по телефону, и членами Союза в основном пока становятся шахматисты высшей квалификации. В том свой резон: сначала создается материальная база, главным образом за счет отчислений от призов командированных на турниры гроссмейстеров, потом обещают тратить часть и на «шахматное воспроизводство». Не знаю, как в других видах спорта, но в шахматах возникла определенная конкуренция между профсоюзами и Госкомспортом. Привычные акценты смещаются, не довольствуясь прежним лозунгом «шахматы — в массы», наша самая массовая организация, похоже, подумывает о специальном, шахматном профсоюзе. Спорт высших достижений (профессиональный) — дело хлопотное, зато выгодное и все больше интересует профсоюзы. А обновленной Федерации молча предлагают заниматься массовыми шахматами. Она же продолжает видеть себя «организующей и направляющей» силой всего советского шахматного движения.

А может, ничего страшного и нет? А вдруг получится здоровая социалистическая конкуренция — вроде как между кооперацией и передовым государственным предприятием на современной основе? Если, конечно, государство не будет мешать кооперации и не бросит на произвол собственное предприятие. А там, глядишь, они, взяв из опыта друг друга лучшее, вновь сольются. История ведь часто переплетает параллельные прямые, гнет из них спирали и тем развивается...

Александр РОШАЛЬ,
шахматный обозреватель

В нашем институте состоялось странное собрание, вызвавшее у нас самые противоречивые чувства. Нам было зачитано письмо МГСПС о проведении общегородского митинга трудящихся, содержащее пакет требований, отвергающих мероприятия правительства по оздоровлению экономики. При этом акцент делался на отмену постановления Верховного Совета СССР «О налогообложении фонда оплаты труда государственных предприятий (объединений)».

Предложенная МГСПС резолюция в целом не вызвала отклика собравшихся. В частности, не нашло поддержки предложение о проведении выборов по производственным округам. В связи с таким ходом обсуждения председатель собрания предложил проголосовать только за сам факт проведения митинга, за что и проголосовало около шестидесяти процентов присутствующих. Но на митинге в Лужниках было представлено, что резолюция единодушно всеми одобрена.

Приближаются выборы в местные Советы. Очевидно, что, допустив прямые выборы по территориальным округам, аппарат потеряет власть на местах. Подобного рода митинги не что иное, как очередной ход аппарата в борьбе за власть. Провоцируя недовольство трудящихся новым порядком налогообложения, аппарат руками профсоюзных собирает решить проблему надвигающихся выборов в местные Советы и обеспечить избрание очередных «рабочих» — тигришников и чичеровых.

**Сотрудники ЦНИИТЭнефтехима
ЧЕРНОВА, БЕЛЯЕВА, ПАЩЕНКО,
ВИНЦ**
Всего 21 подпись.

Особое внимание в общественно-политической ситуации последних месяцев привлекает наметившееся единение самых ортодоксальных групп со вчерашними либералами на платформе защиты существующих принципов национально-государственного устройства страны.

Члены этого тратательного союза предпочитают промолчать, когда в Белоруссии, в Куропатах, под Минском, по приказу местного начальства милиция разгоняет собрания и митинги трудящихся, посвященные памяти жертв сталинизма. Не слышно их, когда на Украине бюрократия подвергает, по словам Олега Гончара, травле и шельмованию писателей, творческую интеллигенцию, всех людей, борющихся за духовное пробуждение украинского народа. Оно и понятно: власть от Бога, с ней не поспоришь. Но случись где в республике ситуация, неподконтрольная чиновным лицам, как тут же, упреждая начальственный окрик, разразятся либералы и консерваторы проклятиями в адрес «националистов», «экстремистов», «антисоветчиков».

За примером не надо ходить далеко. 23 августа сего года «Литературная газета» опубликовала «Обращение ко всем гражданам Эстонии, к трудящимся, к интеллигенции Советского Союза» секретариата правления Союза писателей РСФСР по поводу забастовки в Эстонии.

Вчитаемся в текст: «Именно дли-

тельное выжидание, невмешательство центральной власти, молчаливое поведение других республик, попустительство по отношению к националистическим силам...» Прервемся на минутку. Вспомним, что речь идет о суверенной республике, о забастовке коллективов нескольких десятков предприятий союзного подчинения против законопроектов, касающихся граждан именно и только этой республики. Теперь продолжим цитату: «...вынудили оскорбленное русскоязычное население Эстонии, в первую очередь рабочий класс, заводскую интеллигенцию, прибегнуть к крайней мере протеста — к забастовке».

Что у начальства на уме, то у писателей на кончике пера. Оказывается, не сами законопроекты вызвали забастовку, а невмешательство центральной власти, столь милой писателям секретарям власти в эстонские дела. Только за что так оскорблять русскоязычную общину эстонских земледельцев, которая под бойким пером превратилась не то в проводника централизма в республике, не то в опору центральной бюрократии на местах? Известно, что из числа 600-тысячного русскоязычного населения республики бастовало, даже по завышенным оценкам, всего 40 тысяч человек («Правда», 13 августа 1989 г.). Однако и в самой Эстонии прошедшая забастовка называется не иначе как «забастовка директоров». Не есть ли это лучшее свидетельство ее масштабов и целей?

Проведенные в Эстонии социологические исследования, согласно компетентному мнению директора Института социологии АН СССР В. А. Ядова, показывают, что большинство живущих здесь русских достаточно укоренились и «видят свою экономическую перспективу даже в лучшем свете, чем сами эстонцы». Обеспокоенность характерна лишь для недавних переселенцев в республику. Что же касается эстонской части населения, то за прошедший год значительно (до 30 процентов) уменьшилось число людей, желающих выхода Эстонии из состава СССР. Несомненно, главную роль в этом сыграла надежда на возможность осуществления подлинного суверенитета в рамках СССР, в частности, принятия закона о республиканском хозрасчете и других актов. Каковы будут результаты следующего опроса, мы, конечно, не знаем. Но нетрудно предугадать, в каком направлении произойдут изменения в результате массовой совместной атаки консерваторов и либералов под лозунгом «Тащить и не пущать».

О. ШКАРАТАН,
профессор, главный науч. сотр.
Института этнографии АН СССР,
Л. ПЕРЕПЕЛКИН,
науч. сотр.
Института этнографии АН СССР

Перевернута последняя страница великой книги, а я не могу отделиться от ощущения благодарности и счастливого потрясения. Горькие недоуменные вопросы не отпускают: почему только сейчас, почему так поздно, ведь полжизни прошло, и столько дров поналомано, ах, если б на десяток лет пораньше!..

В 30 лет я впервые прочел Евангелие.

Эта миниатюрная книжница мне в руки попала случайно, и приступил я к ней с чисто литературным любопытством. Чтение захватывало: восхитили суровая мощь слога, изящество отточенных афоризмов, тонкая поэтичность образов. Становилось ясно, что эстетическая значимость памятника сомнению не подлежит, и я постепенно закипал негодованием: какое сокровище от меня скрывали! На каком основании, кто и почему решил, что это мне повредит?!

Нет, я не побежал в церковь, и лоб у меня не в синяках. Я просто понял, что не был и не буду атеистом.

Государство, отделенное от церкви, должно быть отделено и от атеизма. Духовный тоталитаризм не страшнее ли политического? Возвращая социальные свободы, демократическое государство не вправе притязать на свободу духовных поисков своих граждан.

В наше тревожное переломное время, когда хрустальные дворцы оказываются картонными домиками, а некогда величаво выступающие королі растерянно прикрывают срам, когда под гранитными колоссами трещат глиняные фундаменты, я знаю, что есть книга, с которой всегда смогу вернуться, и она поможет, утешит, поддержит в самые черные дни.

Теперь я по-другому услышу рахманиновские «Колокола», словно впервые увижу «Троицу», с изумлением перечитаю Толстого и Достоевского, вновь и вновь пойду на Тарковского и Сокурова.

Сергей ЗУБАТОВ
Новосибирск

Уважаемые подписчики «Огонька»! Из публикаций журнала нам известно о создании по инициативе «Огонька» фонда «АнтиСПИД». Это благородное дело. Я полагаю, что это важное начинание надо в первую очередь поддержать именно подписчикам «Огонька». Обращаюсь с предложением: пусть каждый из нас перечислит 1 рубль на счет «АнтиСПИД» № 700645 в операционном управлении Жилсоцбанка СССР.

Число подписчиков в 1989 году превысило три млн. человек. Это значит, мы ежегодно можем пополнять фонд более чем на три млн. рублей. Это весомая сумма. Она пойдет на охрану нашего здоровья, здоровья наших детей, внуков и правнуков от злейшей болезни СПИД.

В. МАРКУС
Москва

ОТ РЕДАКЦИИ. Еще раз напомним номер рублевого счета «АнтиСПИД»: № 700645 в операционном управлении Жилсоцбанка СССР.

27 июня 1989 года в Харьковской области у полустанка «Пл. 865 км» 17-й вагон 28-го скорого поезда сообщением Кисловодск — Москва, в котором ехал автор этих строк, после неоднократных «метаний» из стороны в сторону, остановился между рельсов, оставив за собой трамлейю в насыпи глубиной 30—55 см. Переднее шасси вагона с правой стороны по ходу поезда было оторвано, а с левой стороны держалось на честном слове. 18-й вагон находился в 200—350 метрах от основного со-

става. Сначала среди людей нашего вагона началась паника, но несколько позже, когда пассажиры выбрались на насыпь и поняли, что им ничего не грозит, стали обсуждать эту аварию с поразительным спокойствием.

Но, к счастью, с людьми все было в порядке. Однако сам вагон нахлебавшись чуть ли не поперек рельсов, бетонные шпалы за ним были раскрошены, крепления «срезаны», а сами рельсы превратились в ужасную синусоиду.

Через 3 часа поезд двинулся к Москве, оставив 2 вагона (17-й и 18-й) на путях. В Харькове были прицеплены еще 2 вагона, и люди поехали к Москве.

Но сам факт катастрофы — еще не самое главное в этой истории.

Меня просто удивляет, что в средствах массовой информации не было никакого сообщения об этом ЧП. Можно придумать массу отговорок (не было жертв, пострадал всего один вагон и т. д.), но все они будут выглядеть довольно смешно по сравнению с истинной причиной умалчивания: кому-то выгодно, чтобы народ как можно меньше знал о том, сколько ЧП происходит в нашей стране. Только так я могу объяснить тот факт, что мне дважды пытались помешать собрать информацию (я являюсь внештатным корреспондентом газеты «За коммунизм», г. Щелково Московской области) о происшедшем. Впрочем, это заслуживает более подробного рассказа.

В нескольких сотнях километров от места событий ночью меня нашел атлетического вида мужчина и попросил пройти в тамбур. Я ожидал, что по каким-то причинам он решит помериться со мной силой, но этого не произошло, наша беседа протекала в более или менее интеллигентном русле. Прежде всего незнакомец предъявил мне удостоверение, из которого следовало, что звать его Владислав Викторович и работает он в солидном учреждении, название которого заklючает в себе столько слов, написанных к тому же так мелко, что прочитывать его я был не в состоянии. Беседу мой ночной «гость» начал с вопросов: его интересовало, зачем я собирал болты, гайки и рельсовые крепления на месте аварии. Узнав, что этим я занимался из профессионального интереса, он скорчил недовольную гримасу и сообщил мне: «Есть мнение, что такая публикация не нужна!» Поразились оперативности возникновения такого мнения, я попытался выяснить, кому принадлежит это мнение и чем оно вызвано, однако мои попытки не увенчались успехом.

Видя невозможность нахождения «общего языка», Владислав Викторович сменял тему разговора и поинтересовался, мягко говоря, какому изданию будет предназначен материал. С упорством, не уступающим его упорству, я не стал отвечать. Пригрозив «найти управу», он убрался.

Проснувшись на следующий день, я не смог обнаружить другого моего материала, который еще с вечера лежал на столе. Но не это главное. Главное — на журналиста пытались оказать давление, и это не может не настораживать.

А. МУСОРИН,
внештатный корреспондент
газеты «За коммунизм»
Щелково Московской области

Все мои предки испокон веков были хлеборобами. И только я благодаря коллективизации не стал им, но до двенадцати лет жил на хуторе Трудникове, что был когда-то в Ростовской области. С малых лет работал на земле, вместе со взрослыми выращивал хлеб. Что это такое, знаю не понаслышке.

Пусть это прозвучит банально, но я действительно не могу больше молчать, потому что до тошноты надоело разглазговать дилетантов и демагогов о так называемой продовольственной проблеме. Нет такой проблемы! Есть сталинское неуважение к крестьянам, да какое там неуважение, злоба и презрение, прикрываемые лицемерной заботой о них.

Нет этих трудностей с продовольствием! Есть элементарная трусость перед перспективой потерять власть над крестьянами, потерять свои тепленькие местечки.

Дайте крестьянам землю и отмените запреты — и исчезнет эта самая «проблема», и забудет наш многострадальный народ это слово — «голод».

Сейчас сложилась уникальная ситуация: Россия может сразу получить цивилизованных, интеллигентных крестьян-фермеров, способных грамотно вести хозяйство, творчески применять новейшие достижения науки.

Снимите запреты, и на землю вернутся потомки тех самых самостоятельных хозяев, которых уничтожили как класс. Еще не угасла в их генах тяга к земле, а уменью работать их не надо учить.

Потомки не простят нам, если мы упустили эту возможность, а через 10—15 лет это будет невозможно, произойдет смена поколений, уйдет последнее поколение, выросшее на земле.

В. БРАГИНЦЕВ
Москва

Приближается 72-я годовщина Октябрьской революции. Как известно, в ритуал торжеств по этому поводу неизменной частью входит военный парад на Красной площади. Раньше я ждал его с волнением. Но вот уже третий год я являюсь служащим СА — работаю водителем автобуса в ВВА имени Ю. А. Гагарина. За это время дважды увидел это событие как бы изнутри, в период его подготовки. Боюсь, что придется увидеть и участвовать в нем в третий раз.

Только у нас, в академии, сотни слушателей отрываются от нормального учебного процесса на две-три недели. Два десятка автомобилей обеспечивают перевозку личного состава для тренировок, сжигая десятки тонн дефицитного горючего.

А на Центральном аэродроме имени М. В. Фрунзе, где проходят тренировки, в течение месяца разбит огромный палаточный город. Там тысячная рать с массой техники с утра до темна отрабатывает парадный шаг и строй, чада сотнями танковых и прочих двигателей. Я не знаю точную цифру затрат. Думаю, не один миллион рублей. Неужели нам не на что тратить эти деньги? Стоит ли при острых социальных проблемах заниматься дорогими играми?

Думаю, если и проводить военные парады, то в годовщину Победы, 9 мая, и то только по круглым датам — раз в пять лет. Тогда это будет долгожданный и радостный праздник.

В. МАРТЫНОВ
Московская область

В журнале «Огонек» № 27 за июль 1989 года была опубликована статья доктора филологических наук профессора И. Горелова «Будет ли профессор отстаивать интересы рабочих?». В этой статье профессор Горелов старается доказать, что рабочим волноваться не следует, все ученые вообще и профессор Горелов в частности стоят стеной за интересы рабочих. Профессор Горелов пишет: «Я за вас. С тех пор (особенно) как в 1955—1956 годах побывал несколько раз на шахтах треста «Краснодонуголь». Честное слово, я защищаю ваши интересы».

Хорошо, т. Горелов, вы за нас, но с 1955 года прошло более тридцати лет, а каков результат? Результата нет. Но, как только шахтеры Кузбасса объявили забастовку, сразу же появилась надежда, что дело сдвинется с мертвой точки. И этот факт служит убедительным доказательством, что если не рабочий класс, то кто же? Радетелей было много, да проку мало. И та система, которую профессор нарисовал и назвал абсурдом, на самом деле является системой вполне работоспособной. Так, профессор Горелов пишет: «Если согласиться с вашей точкой зрения, то выходит, дела наши не пойдут на лад до тех пор, пока мы все не разделимся на партии: партия рабочих будет блюсти интересы своих членов, партия крестьян — своих... Нет, с таким абсурдом вы не согласитесь».

Да это как раз то, что нам нужно, только это не партии, а независимые профобъединения. А Съезд депутатов Верховного Совета — это та власть, которая только одна и может выступать в качестве арбитра и судьи по возникающим спорам. Почему труд шахтеров не механизирован, а их быт не благоустроен? Да потому, что у нас нет независимых профессиональных союзов, в частности шахтерского профсоюза. Только независимый профсоюз с его жесткими экономическими требованиями способен повысить зарплату рабочего. Высокая зарплата обязательно должна сочетаться с высокой производительностью. Сейчас зарплата наших рабочих настолько низка, что заменять их автоматами невыгодно.

Если рабочие неспособны отстаивать свои интересы, никто другой их отстаивать не будет. Я ни разу не слышал и не читал, чтобы где-то на нашей планете забастовали ученые, требуя повышения заработной платы... рабочим. Да и не нужно рабочим чье-то покровительство, чтобы не унижаться и не благодарить за «счастливую» жизнь очередного или очередных благодетелей. Надежные блага не те, что нам кто-то дал, раз дали, значит, могут и отобрать, а те, которые взяли сами и за которые никого благодарить не нужно.

К. ЧЕРНЯЕВ,
квалифицированный рабочий,
расточник 6-го разряда
Ленинград

Статья Юрия Андреева о стихах Галича («Советская культура», 19 августа) повергла меня в крайнее изумление. Автор статьи — давний любитель авторской песни, готовит сейчас такой том в серии «Библиотека поэта» и совершенно справедливо считает Галича «одним из самых видных создателей» этого жанра. Но сейчас, по мнению Андреева, вокруг имени и песен возвращенного нам поэта-изгнанника столько ажиотажа и односторонней апологии, что хочется объективности. Очень хорошо. Я весь внимание. И — не верю глазам.

«Его песни негативны в своих основных посылах».

«Основные послы», как я понял, суть позиция поэта по отношению к основным категориям жизни: к добру и злу, свободе и рабству, любви и ненависти. Негативность посылов, следовательно, означает, что человек ничего хорошего в жизни не видит.

Это Галич-то?! А «Мы не хуже Горация»? А «Петербургский романс»? Или «Вальс об абстракционисте»? Да в конце концов весь его саркастический и гневный пафос, с каким он обрушивается на тотальную ложь и несвободу, разве опирается на чувство безысходности и призывает к покорству? Да разве гневное отрицание мерзостей не есть одновременно и утверждение положительных идеалов?

Но, оказывается, напрасно я кипятился. Оказывается, Ю. Андреев совершенно со мной согласен, о чем я изумлением прочел в конце статьи, где галичевское неприятие таких пороков, как тоталитаризм, холуйство, обывательщина, объявляется благотворным для общества и должно обеспечить долгую жизнь его лучшим произведениям. Тогда какой же негативный «посыл» не устраивает Андреева?

Андреев пишет, что А. Галич сочинил дику историю, как диабетик, узнав из центральной прессы, что «больше диабета в стране советской нет», взял да и выдворил в силу сознательности. Вот и выходит, по Андрееву, что Галич — антисоветчик. Прием, достойный памятных лет, когда именно так Галича и травили. Так его и вытолкали из страны.

Но сегодня, когда мы знаем, что Советской властью называли всевластие административно-командной системы, пользоваться таким приемом некорректно.

К моему изумлению, для главного редактора «Библиотеки поэта» определяющим является политическое кредо художника. Я совсем расстроился: не видать нам Галича в «Библиотеке поэта». Но Ю. Андреев в самом конце статьи вдруг смешил гнев на милость и пообещал опубликовать два десятка отборных вещей классического Галича. Можно спокойно вздохнуть. Но тогда зачем же понадобился этот, вместо литературного разбора, партийный разбор? Может быть, чтобы не издавать Галича отдельным томом?

Ю. Андреев обвиняет Галича и в служении «двум музам», в двойной морали. Приводит его якобы сказанную на публичном выступлении фразу: «Жить-то надо». Я тоже был на той встрече. Ответ Галича на вопрос Ю. Андреева из зала был таким: «Я литератор, и, кроме этого, ничем зарабатывать на жизнь не умею. Но и в том, что я написал для публикации, я считаю, что нигде против Бога не согрешил».

И все опубликованное Галичем в 60-е годы подтверждает эти его слова.

Юлий КИМ

В 1942 году меня по ложному доносу арестовали. В то время это был не суд, а карающий орган. Были изнуряющие допросы, пытки, мне вынесли приговор: пять лет лишения свободы без права переписки по 58-й статье как «врагу народа». Сидела я в Наровчатской тюрьме и оттуда нас, 300 политзаключенных, погнали в город Саранск на строительство аэродрома. Могила для нас была уже приготовлена — ров глубиной два метра, нары, забытые соломой, и крыша из соломы, ни окон, ни стен. И вот в ноябре 1942 года нас загнали в эту яму и запретили выходить

наружу. Начала гореть крыша, потом люди. Умирать не хотелось, и я вместе с шестью женщинами вылезла из этого костра с огромными ожогами. Городская больница нас, политзаключенных, принять не захотела, и нас поместили в какое-то непригодное помещение. Первую помощь никто не оказал. Зашел врач из политзаключенных, сославшись на отсутствие медицинских инструментов, бритвой срезал нам ожоги, и на этом все лечение было закончено. Чудом я осталась жива, хотя ожоги покрывали две трети тела.

В марте 1943 года нас оправдал Пензенский облсуд, ко мне пришел энкаведистик и пригрозил, что, если я когда-нибудь расскажу об этом пожаре, они меня уничтожат бесследно. Всю жизнь я прожила в страхе, теперь моя жизнь подходит к концу, и бояться теперь мне нечего.

С 1979 года я стала писать запросы с целью восстановить истину об этой трагедии, но часто получала отписки. Наконец по запросу Прокуратуры РСФСР 13 апреля 1989 года мне ответили, что пожар был и виновники найдены. Но списков погибших до сих пор не дают.

Я предлагаю на месте трагедии сделать братскую могилу пострадавшим от сталинизма, ведь сожгли в этой яме женщин, молодых матерей и девочек-подростков.

А. КОСИНОВА (Подборонова)
Алексин Тульской обл.

В нашем городе на проспекте Циолковского установлен стенд-плакат, на котором на фоне серпа и молота начертаны слова: «Мы партия будущего, а будущее принадлежит молодежи». Лет пять-шесть назад под этими словами стояла подпись: Л. И. Брежнев. Когда же миновали брежневские времена, на этом же плакате появилась подпись: Ленин. Так кто же все-таки автор этого лозунга? По-моему, его вряд ли можно считать своевременным, — мы много говорили и думали о будущем, а упустили настоящее!

Подобные лозунги выкладываются и в камне, как говорится, на века. Так, на фронтоне одного из пятиэтажных домов по проспекту Победы вот уже более 20 лет можно прочитать известные всем слова: «Нынешнее советское поколение людей будет жить при коммунизме!» Пройдет еще 20—30 лет, появится новое поколение людей, но пока стоит это здание, лозунг останется. А что стоит препарированный лозунг Великой французской революции: «Счастье, равенство, братство»? Куда же делась «свобода»?

Появились и новые лозунги: «Перестройка — дело государственной важности!» или «Всю энергию народа — перестройке!».

Такая наглядная агитация, как мне кажется, авторитету нашей партии наносит серьезный ущерб.

Ю. ЗНАМЕНСКИЙ,
участник
Великой Отечественной войны,
член КПСС с 1947 года
Дзержинск Горьковской области

Наш адрес:
101456, ГСП,
Москва,
Бумажный
проезд, 14.

И. Я. Хургин,
одна из последних фотографий.

„ГЛАВНЫЙ СОВЕТСКИЙ КУПЕЦ“ В АМЕРИКЕ

Григорий ХАИТ

Старые фотографии обла-
дают необычайной при-
влекательностью и вызы-
вают невольное желание
узнать, кто на них изобра-
жен. Остановленное мгно-
вение, запечатленный
эпизод чьей-то неповто-
римой жизни, память о ней. Поэтому
драгоценны для нас эти свидетельства.
При пристальном взгляде и любозна-
тельности они могут рассказать нема-
ло. Фотографии интересны разные —
и те, где мы видим повседневное тече-
ние жизни, и те, которые заставляют
нас почувствовать значительность мо-
мента. Есть и исторически важные,
многokrato воспроизводимые и во-
шедшие в летопись страны.

К ним относится и знаменитая фото-
графия Ленина на III конгрессе Комин-
терна: Владимир Ильич сидит на сту-
пеньках у сцены, делает записи в блок-
ноте во время одного из заседаний кон-
гресса в Андреевском зале Кремля.

Снимок сделан во время выступле-
ния Гемпеля — представителя Герман-
ской коммунистической рабочей пар-
тии. Сохранились и записи в блокноте,
сделанные именно тогда Владимиром
Ильичем.

На первоначальном некадрирован-
ном отпечатке около Ленина еще один
человек. Кинооператоры также засня-
ли этот эпизод, и на старой пленке
видно, как человек этот старается
«уйти» от объектива. Как мы установи-
ли, рядом с Лениным был И. Я. Хургин.
Вместе с видными деятелями нашей
партии Луначарским, Семашко, Оль-
минским, Бородиным, Стекловым и дру-
гими, блестяще владевшими несколькими
иностранными языками, оказывав-
шими большую помощь иностранным
делегатам на Конгрессе, был референт
пресс-бюро И. Я. Хургин.

Его короткая жизнь — он прожил
всего 38 лет — была посвящена рево-
люционной деятельности и становле-
нию молодой Советской республики.
Исай Яковлевич Хургин был участни-
ком еще первой русской революции,
и фигура его достаточно символичес-
кая для первых лет Советской власти.

Уроженец Киева, Исай Хургин после
окончания гимназии поступил в Киев-
ский университет на физико-математи-
ческий факультет, занимался астроно-
мией. Ему было предложено остаться

В тридцать восьмом номере «Огонька» за 1925 год была напечатана
фотография И. Я. Хургина, трагически погибшего под Нью-Йорком,
на озере Лонг-Лейк при невыясненных обстоятельствах.

Он пытался спасти только что прибывшего в Америку
партийного и государственного деятеля Э. М. Склянского.
Исай Яковлевич Хургин был основателем и первым
председателем «Амторга», недавно отметившего свое 65-летие.
Человеку, привлекавшему весьма многими гранями
своих талантов и познаний, обаятельному, яркому, и посвящен
этот очерк. При его написании автору оказала большую помощь
Мазель Исаевна Фейнберг — дочь И. Я. Хургина, предоставив
письма и документы, хранящиеся у нее. Ряд включенных в очерк
документов предоставлен Архивом внешней политики СССР.

при университете — впереди открыва-
лась прекрасная карьера. Но он счел,
что это было бы ренегатством по от-
ношению к революции, которой посвятил
себя.

Организаторский талант Хургина
проявился в годы революционной борь-
бы рабочего класса, а затем в первые
годы Советской власти. В 1919 году он
в короткий срок осуществил учет на-
селения Киева, что позволило организо-
вать четкое снабжение жителей города
продовольствием. Именно Хургину
была поручена эвакуация города перед
приходом Деникина и спасение важней-
ших архивов. Впоследствии его назна-
чили членом коллегии Укрвнешторга,
первым советником посольства Украин-
ской ССР в Польше и торгпредом. Там
он привлек послов многих держав к ор-
ганизации закупок зерна для голодаю-
щих в Поволжье.

Вспомним то время — время интен-
сивного развития молодой Советской
республики, время поиска практиче-
ских путей социализма, его экономиче-
ских перспектив. Был введен нэп, боль-
шинство стран признало новое государ-
ство и увидело в нем необъятный ры-
нок. Хургин много ездил в зарубежные
командировки. В анкете, заполненной
в 1923 году, он пишет: «Был: в Варша-
ве, Берлине, Праге, Лондоне, Нью-Йор-
ке, Чикаго, Бостоне, Нью-Орлеане,
Хьюстоне».

Его посылают в длительную коман-
дировку в США, и это особая страница
его биографии и века, пусть небольшая,
но все же значительная в истории со-
ветско-американских отношений. Хур-
гин был первым советским граждани-
ном, которому выдали первую не огра-
ниченную временем американскую
визу. И это при том, что только через
десять лет установились дипломатиче-
ские отношения между СССР и США.

Хургин прибыл в США как содирек-
тор банка для внешней торговли и ди-
ректор с советской стороны в «Деру-
тре» (Русско-Германском Транспортном

обществе). Это назначение состоялось
после его шестичасовой беседы с на-
родным комиссаром внешней торговли
Л. Б. Красиным. Их знакомство выли-
лось затем в искреннюю и глубокую
дружбу. Хургин выполнял также обя-
занности уполномоченного Доброфлота,
представлял торговое объединение
«Аркос» и был торгпредом в Канаде.
Одновременное совмещение всех этих
должностей, множество дел, которыми
приходилось заниматься безотлага-
тельно, было возможно только при
огромной работоспособности Хургина,
его широком кругозоре, большой эруди-
ции, юридических и экономических по-
знаниях.

Хургин принадлежал к тому первому
поколению большевиков, которые во-
площали в себе лучшие человеческие
черты. Именно его личные качества —
обаяние, воспитанность, образован-
ность — открыли перед ним двери мно-
гих банков и фирм, достаточно вра-
ждебно относившихся к молодому госу-
дарству, позволили завязать друже-
ские отношения с представителями
промышленности и торговли США, дали
возможность получить реальное пред-
ставление о перспективах взаимовы-
годной торговли между двумя страна-
ми. Важно отметить, что ключевой фи-
гурой на такого рода должностях в пер-
вые годы Советской власти был не чи-
новник, а блестящий специалист, глубо-
кий аналитик, знающий политическую
атмосферу страны, в которой он рабо-
тает, и чувствующий психологию людей,
с которыми он имеет дело. И это, не-
сомненно, имело положительные ре-
зультаты — большинство дел, которые
затевал Хургин, увенчались успехом.

В то время торговлей с США занима-
лись две советские организации — «Ар-
кос» и «Продэкско». В январе 1924 года
Хургин обратился к народному комисса-
ру внешней торговли Л. Б. Красиному
с предложением создать единое акцио-
нерное общество в соответствии с зако-
нами страны для развития взаимовы-
годной торговли. Оно получило подде-
рку не только в нашей стране, но
и в США. Хургин предложил несколько

вариантов названий для нового обще-
ства. В Центральном государственном
архиве народного хозяйства СССР со-
хранилось его письмо от 27 марта 1924
года:

«Наркому внешней торговли
тов. Красину Л. Б.
Уважаемый Леонид Борисович!

До отъезда своего не успел получить
окончательного согласия на имя вновь
организуемого общества в Соед. Шта-
тах.

Могу предложить следующие вариан-
ты:

TOSSOR (Торговое о-во Союза Совет-
ских Республик)

SATOR (Советско-Американское
Торг. о-во)

AMTORQ (Амер. Торг. о-во)...

Прошу сообщить по телеграфу, какое
имя принять.

С коммунистическим приветом
И. Хургин».

В конце концов остановились на по-
следнем названии. 24 мая 1924 года
в Нью-Йорке было зарегистрировано
новое акционерное общество — «Ам-
торг Трейдинг Корпорейшн». Председа-
телем правления назначили Хургина.

Уже после безвременной гибели Хур-
гина «Нью-Йорк Таймс» с глубоким ува-
жением и симпатией характеризовала
его человеческие и деловые качества:

«Мало кто из американцев... знает
о том, каким замечательным человеком
был Исай Хургин. Финансисты с Уолл-
стрит, которые имели деловые отноше-
ния с мистером Хургиным как с пред-
ставителем Амторга (Бродвей, 165), не
раз поражались огромным способно-
стям и быстроте понимания этого хруп-
кого человека с седеющей бородкой.
Его успех может быть измерен хотя бы
тем фактом, что Амторг, созданный
в мае 1924 года с капиталом в один
миллион долларов, в течение года за-
ключил деловых соглашений на пятьде-
сят миллионов долларов. При этом не-
обходимо помнить о недоверии к совет-
скому режиму, распространенному
в финансовых кругах в 1923 году, когда
мистер Хургин был послан в Соеди-
ненные Штаты.

В разговорах с американскими биз-
несменами он был прост и ироничен,
каждый его жест отличался изяще-
ством. Его воспитанность была общеиз-
вестна. Думаю, что Комиссариат Ино-
странных дел едва ли мог выбрать бо-
лее подходящего человека, чтобы воз-
родить промышленность страны, подо-
равную веками царского гнета и года-
ми войны и революции. Хургин понимал,
что русская промышленность и сель-
ское хозяйство смогут конкурировать

на мировом рынке только в том случае, если они будут восстановлены на самом современном уровне. Он считал, что для этой задачи американские методы и американская техника будут для России наиболее эффективными.

Он организовал обмен товарами, он создал Амторг как специальную организацию для закупки промышленного и сельскохозяйственного оборудования для русского правительства в обмен на русское сырье и продукты крестьянского хозяйства».

Газета «Нейшн» писала: «...Хургин занимал пост, наиболее приближающийся по своему значению к посту посла, который не может быть допущен в США по нашим теперешним отношениям с Россией. Математик и астроном по призванию и образованию, он умел тем не менее освоить любое дело».

Чтобы успешно вести дела, Хургину, человеку энергичному, деятельному, привелось немало поколесить по дорогам США, познакомиться с сотнями людей. Своими впечатлениями он делился в письмах родным:

«Уже больше двух месяцев не писал. Как ни велика вина моя, она смягчается невозможными условиями жизни — чисто физического порядка, летом в Нью-Йорке не живешь — значит, живешь у черта на куличиках, встаешь на рассвете, едешь, сидишь в конторе, как это здесь называется, потом бежишь на поезд, снова едешь и засыпаешь, едва добравшись до постели. А работы очень много. Помощников нет. Не в пример прошлому году, здесь закрутилось такое колесо, что я и сам не ожидал тех результатов, какие получились. Мелькают миллионные обороты — все время втягиваются новые крупные общества в работу с Россией и, хотя я благодарно успел выпросить помощника для заведования чисто коммерческой частью работы, однако и его мало. Вообще — сравнения с прошлым нет — ни

по отношениям, какие установились, ни по размаху дел.

Я не хочу этим оправдываться — знаю, как Вам тяжело и нудно сидеть без вестей — но просто физических сил на себя и свое не хватает. Сейчас я еду в Калифорнию и Техас по хлопковым делам — 10 дней в сумасшедшем поезде, чтобы пять дней быть в четырех городах — благо здесь в поездах писать еще можно. Сел и пишу» (письмо от 17 августа 1924 года).

* * *

Техас и особенно его хлопковые плантации произвели сильное впечатление на И. Я. Хургина. «В стране белого и черного» — так называл он свой очерк, напечатанный в первом номере за 1925 год в популярном украинском журнале «Всесвіт» по просьбе его редактора Василия Блакитного. В очерке Хургин рассказывал о каторжном труде сельскохозяйственных рабочих на хлопковых плантациях, о спекуляциях вокруг добытого ими «белого золота» на нью-йоркской бирже. И добавлял: «...мы покупаем очень много хлопка для наших текстильных фабрик. За 1924 год мы купили в Америке до 4 миллионов пудов хлопка. Через монополию советской внешней торговли наша страна стала крупнейшим покупателем хлопка во всем мире».

Первые шаги Амторга были на редкость успешными, что, безусловно, связано прежде всего с деятельностью самого Хургина, которого высоко ценили его деловые партнеры. Амторг концентрировал в себе все торговые отношения между СССР и США. Новое акцио-

В. И. Ленин в Андреевском зале Кремля во время заседаний III конгресса Коминтерна 1921 г. Слева на втором плане И. Я. Хургин.

нерное общество приобрело особое значение, поскольку, как отмечал И. Я. Хургин, «удалось достичь прямого контакта между советскими потребителями и американскими производителями, не прибегая к услугам посреднических стран, что ранее имело место в течение нескольких лет».

Надо сказать, что работал Хургин в неблагоприятных политических условиях, что утяжеляло его и без того нелегкую миссию. Враждебное отношение к молодому Советскому государству, предсказания американской прессы о скором его падении, естественно, затрудняли переговоры. Однако, несмотря на это, за исключительно короткий срок Хургин добился того, что многие банки и фирмы вкладывали свои средства в торговлю с Советским Союзом. Второй в США по своим оборотам банк «Чейз Нэшнл бэнк» стал кредитовать огромные закупки хлопка.

В журнале «Всесвіт» появилась еще одна его статья — о знаменитых в то время тракторах «Фордзонах», на которые у нас тогда возлагалось немало надежд и которым посвящались не только статьи и очерки, но даже песни. Эти тракторы были закуплены и отправлены в СССР усилиями именно Хургина. Любопытно сейчас, спустя более 60 лет, читать эту статью с привычным тогда названием «Тракторы — селу», в ее информативных строчках на редкость явственно и объемно проступает время:

«В начале февраля в Одессу прибыли два парохода из Нью-Йорка с тракторами. На оба парохода погрузили 2083 трактора с плугами и другими орудиями. Из них 600 предназначались для Украины, а остальные для других регионов страны. Тракторы для Украины были закуплены по заявкам Укрвнешторга и республиканского сельскохозяйственного общества «Амторг» в Нью-Йорке. Все тракторы типа «Форда», которые выпускают фабрики «Форда». Прибывшие 600 тракторов — это первая значительная партия тракторов на Украину. До войны их было всего несколько десятков в больших помещичьих поместьях. Сейчас железный конь идет на село. Почти все они распределены между коллективными и отдельными сельскими хозяйствами и прямо с пароходов отправлены в различные области Украины. Первые 50 тракторов отправлены в Донбасс. Они даны крестьянам в кредит на два урожая.

В дополнение к импортным тракторам советскими заводами в этом году также будет выпущено определенное количество тракторов собственного производства. СССР сейчас — самый большой покупатель тракторов в Америке. «Амторг» купил в этом (1925-ом) году у Форда 40 процентов всего экспорта тракторов. И тому нечего удивляться — рабоче-крестьянский Советский Союз — крупнейший сельский хозяин в мире. Это производит большое впечатление на деловые круги Соединенных Штатов в отношении СССР. Сама фирма Форда уделяет особое внимание заявкам из СССР — последняя была выполнена за 15 дней, включая погрузку тракторов на пароход».

Всемирно известная фирма «Форд» сделала «Амторг» своим представителем в СССР для продажи грузовиков, тракторов и автомобилей «линкольн». Все это поднимало престиж «Амторга», вызывало в американских деловых кругах доверие к молодому социалистическому государству и желание с ним сотрудничать. Целый ряд серьезных фирм и солидных банков предоставил «Амторгу» долгосрочные кредиты, что давало возможность советским организациям финансировать свои экспортно-импортные операции.

Таким образом, несмотря на противодействие отдельных американских политиков, Хургину удалось растопить лед недоброжелательства, пробить брешь в том заслоне, который был создан на пути сотрудничества наших стран. Несмотря на отсутствие дипломатических отношений, каких-либо до-

говоров и соглашений, налаживались довольно прочные торгово-финансовые связи. Как справедливо заметил Хургин, «процесс стихийного экономического признания СССР американским деловым миром чрезвычайно показателен и в конечном счете неизбежно приведет к полному восстановлению нормальных экономических и политических отношений между двумя могущественными странами».

Сегодня эти слова читаются с особым чувством упущенных в свое время возможностей. Еще тогда открывались большие перспективы сотрудничества между СССР и США.

Уже в 1927 году объем товарооборота между нашими странами увеличился в десятки раз. Эти сведения приведены в «Справочнике американской промышленности и торговли» того года, подготовленном еще Хургиным. В предисловии к этому объемистому тому приводится справедливое его мнение, что «в процессе восстановления советской промышленности мы должны главным образом использовать богатейший опыт Соединенных Штатов».

Увлеченно, с огромным напряжением сил занимался своей необыкновенно важной работой «главный советский купец в США». Газета «Нью-Йорк Таймс» назвала его «высокоталантливым представителем Советов».

Привлекала и широта его интересов. Так, он был увлечен идеей поставить в кино «Дон Кихота». Именно Хургин организовал поездку в СССР знаменитой американской кинозвезды Мэри Пикфорд. Ее триумф даже навел сюжет популярной кинокомедии «Поцелуй Мэри Пикфорд» с Игорем Ильинским в главной роли.

С именем И. Я. Хургина связано и пребывание в США Маяковского. Поэт приехал в Нью-Йорк 30 июля 1925 года, жил на Пятой авеню, 3 в квартире Хургина, который при своей необыкновенной занятости проявил большую душевную щедрость по отношению к замечательному гостю, знакомил его с различными сторонами американской жизни, устраивал встречи с интересными людьми.

27 августа 1925 года И. Я. Хургин трагически погиб. Отличный пловец, он утонул в озере Лонг-Лейк, безуспешно пытаясь спасти Э. М. Склянского, бывшего заместителя председателя Революционного комитета, переведенного в 1924 году на хозяйственную работу и приехавшего в США в служебную командировку как представитель треста «Моссуко». Нелепая смерть Хургина поразила многих. Хотя с грустью можно предположить и то, как сложилась бы его дальнейшая судьба, не погибни он в 1925 году. Достаточно сказать, что его вдова К. И. Бессекех, оставшаяся после гибели мужа с шестимесячной дочерью на руках, впоследствии провела долгие страшные годы в сталинских лагерях...

На смерть Хургина с большим сочувствием и ощущением утраты откликнулись ведущие американские газеты, еще раз продемонстрировав то уважение, с которым относились к нему представители делового мира США. «Нью-Йорк Ивнинг пост» писала, что в крематории было «300 венков, часть — от лиц, симпатизирующих коммунистам, а другие — от промышленников и банкиров».

Церемония отправки урн с прахом погибших в Советский Союз была заснята на киноленту. По свидетельству видевших этот фильм, там было много кадров с Маяковским. Но фильм, к сожалению, до сих пор не найден. Маяковский глубоко переживал смерть Хургина, не отходил от его гроба, был на кремации. Газета «Нью-Йорк Геральд Трибюн» сообщала, что среди выступавших на гражданской панихиде был и Владимир Маяковский.

...Прах И. Я. Хургина покоится на Новодевичьем кладбище в Москве. Надгробие украшено барельефом работы замечательного скульптора Бориса Королева.

150 ЛЕТ ФОТОГРАФИИ

В Праге прошел организованный Союзом журналистов Чехословакии международный симпозиум «Фотофорум-89». Состоялся творческий диалог о современном состоянии фотографии. Открыты три интереснейшие выставки, показывающие историю чехословацкой и мировой фотографии. По случаю юбилея Министерство культуры учредило почетные памятные медали. Они присуждены организациям и отдельным лицам, работы которых представляют важный вклад в развитие творчества, техники и международного сотрудничества в области фотографии. Среди награжденных из нашей страны: редакция журнала «Огонек», фотомастера Дмитрий Бальтерманц, Анатолий Гаранин, Геннадий Копосов, Антанас Суткус, искусствовед Анри Вартанов.

Москва. Журнал «Огонек»

Дорогие коллеги!

Спешу поблагодарить вас за помощь в организации поездки господ Бальтерманца и Гаврилова в Перпиньян.

Своими фотографиями Дмитрий и Игорь помогли нам увидеть старое и новое лицо СССР. Могу заверить вас, что собравшаяся на вечере, организованном в их честь, французская и международная публика по достоинству оценила их обаяние и их огромный талант.

Участникам вечера мы пообещали, что встреча будет волнующей, и мы не ошиблись. У всех нас сжималось горло, когда Дмитрий комментировал свои военные снимки. Мне показалось, что и сам он был немного взволнован. По его словам, ему никогда не приходилось видеть свои работы в таком показе и в такой обстановке.

Игорь рассказал нам об огромных надеждах, которыми живет СССР в последние годы.

Пригласив этих двух крупных фотографов, мы перебросили «фотомост» между нашими странами, и я уверен, что в ближайшие годы этот «мост» будет укрепляться.

С братскими чувствами Мишель ДЕКРОН,
главный редактор журнала «Фото»
Франция

ВЗГЛЯД ИЗ НЕПОДВИЖНОСТИ

Самым трудным для меня было психологически настроиться и пойти к этим людям.

Ольга и Ирина Сергеевы. Самодеятельные художники. Инвалиды с детства. Они родились в Амурской области, окончили заочный университет искусств в Москве, через письма, консультации им преподавали основы рисунка и живописи акварелью и маслом.

Рассматривая их живописные работы, расставленные в тесном номере гостиницы «Останкино», я подумала о том, что, не зная их судьбы, можно сказать «Здорово!» и пойти дальше. А вот если ее узнаешь, то каждый штрих, каждая линия наполняются новым содержанием. С изумлением открывается возвышенный мир художниц. В нем ра-

дость созерцания природы перемешивается с отчаянием, физической болью и неутешительным будущим... Но какие красивые полотна! Ольга любит больше насыщенные и яркие тона, Ирина — пастельные. У каждого художника свой взгляд на мир, даже из одного окна, откуда видны сарай, кочегарка и кусочек неба. Зато сколько разных закатов и восходов подарил им этот кусочек! Небо в пейзажах сестер, как правило, написано с натуры. А все остальное — дофантазировано. Это от невозможности передвигаться, поэтому натюрморты — самые «рабочие» жанры их творчества.

Бывает, от живописи наступает усталость. Тогда на помощь приходят нитки, иголки, остатки материи, бусы. Шьются игрушки, косметички, склеиваются шкатулки. У Ольги, например, самые любимые поделки —

мартышки и лошадки. Она сама делает выкройки игрушек, каждую одевает и украшает по-разному. Игрушки получаются отличные: сказочные, нарядные, жизнерадостные.

А теперь о самом главном. Их «авантюрная», по словам Иры, поездка в Москву оказалась неудачной. И не только потому, что не удалось организовать выставку. Почти все время в Москве провели по клиникам и больницам. Врачи только руками разводят, что делать и как лечить, не знают: очень большая запущенность болезни с названием «детская спинная амиотрофия». Один врач откровенно так сказал, что еще немного, и у них не будет никаких физических сил что-либо изменить.

Продолжение на 4-й обл.

ИСПЕЧАТАНО И ОБЪЕКТ

ПАЛИТРА

Александр МИТТА

В прошлом году в Париже в прославленном Национальном центре искусств и культуры имени Жоржа Помпиду прошла ретроспективная выставка двух художников: советского — Эрика Булатова и французского — Жерара Гаруста. Сорокалетний Жерар Гаруст — признанный в мире французский мастер, чьи картины входят в лучшие собрания коллекционеров и музеев современного искусства на Западе. Картины Эрика Булатова тоже входят в собрания и музеи современного искусства на Западе, поскольку у нас музея современного искусства нет. Также нет у нас и статей о творчестве этого художника. Хотя в западных журналах по искусству Булатов упоминается часто. И выставка, на вернисаж которой пришел «весь Париж», и каталог-монография о творчестве Булатова, и подчеркнуто репрезентативный характер официального открытия как бы определили место Булатова в развитии современной живописи в ее новейшей истории.

Кто же он, этот «таинственный незнакомец»? Поди абстракционист какой-нибудь, авангардист из тех, что нынче заполняют своими «творениями» разные выставки вплоть до Манежа? Нет, Булатов представляет фигуративное (реалистическое) направление. Он закончил факультет живописи в Московском институте имени Сурикова, давний член Союза художников. Зарабатывал оформлением книг, в основном детских. Писал картины, которые поначалу никому не интересовали.

Теперь совсем другое дело. После Парижа я зашел к Булатову в мастерскую узнать, как отметила советская пресса беспрецедентную для советского искусства выставку в самом авторитетном европейском музее.

— Никак.

— А какие у вас были персональные выставки перед этим?

— Самые последние за прошлый год — это в Нью-Йорке, в Цюрихе. Потом сразу выставка во Франкфурте и Бонне, потом в Амстердаме и Венеции на Биеннале (это как бы главная европейская международная выставка года). После Парижа была выставка в Западном Берлине, затем в Лондоне в Институте современного

**Э. В. БУЛАТОВ. Род. 1933.
ЗНАК КАЧЕСТВА.**

искусства, а потом будет в Америке, в Бостоне.

Крупнейшие музеи мира выстроились в многолетнюю очередь на Булатова. Так что в Москве мы его картин долго не увидим. Да и самого Булатова будет трудно застать.

— Три месяца я буду работать в Нью-Йорке, потом меня пригласили в Мюнхен, там хорошие мастерские. Еще японцы пригласили, если время позволит, съезжу. Интересное предложение: они выбирают несколько художников по всему миру и заказывают им росписи воздушных змеев. Раушенберг делал, Юккер, Ники де Сен Фаль — невероятно интересно. Все это они издают роскошной книгой. Змеев запускают на празднике, а потом они в качестве картин живут, ездят по музеям, и все завершится выставкой в Нью-Йорке в музее Гугенхайма. Потом поеду в Париж, там будет всемирная выставка «Маги земли», мне показали список приглашенных, это потрясающе. От Англии Френсис Бекон, от Америки Лихтенштейн и Раушенберг, а от нас Кабаков и я. Потом в Вене будет выставка, посвященная 50-летию со дня смерти Зигмунда Фрейда. Центр Помпиду заказал мне картину «Перестройка», большая, 3×3 м, наверное, ее там покажу. А потом домой...

Слушаю его и думаю: что же вызвало такой интерес в мире к творчеству Булатова, что мы, соотечественники, проглядели?

Одна из самых известных картин Булатова называется «Слава КПСС». Изображены на ней именно эти слова, написанные красным. Буквы занимают все поле картины. За ними голубое небо, покрытое кучевыми облаками. Картина на первый взгляд мало отличается от праздничного плаката: радость, оптимизм, звонкая приподнятость. Но при этом она своей почти религиозной торжественностью напоминает чуть ли не икону, на которую надо молиться. Да, эта картина изображает как бы формулу нашего сознания. И в других работах Булатова эта самая формула социального сознания человека в нашей стране находит свое пластическое выражение.

— Когда знаменитый коллекционер Костаки увидел мои первые картины «Горизонт» и «Опасно», — рассказывает Булатов, — он был озадачен, что это такое? Когда я сказал, что это картины, он ужасно возмутился. «Это картина? Поразительная наглость! А это? И это картина? Ну, простите, это за пределами!»

А через девять лет приехала дочь Костаки и говорит: «Мы бы очень хотели купить «Горизонт», это наша любимая картина».

«Горизонт» написан в те годы, когда всеми владела жажда званий, наградений, отличий, присуждений. Что и обозначил художник, вписав в бесконечность горизонта столь же бесконечную орденскую ленточку. Самым странным в этой картине является абсолютное отсутствие какой-либо иронии. Она была так же серьезна, как и многочисленные процедуры награждений, почти ежедневные сюжеты телевидения тех лет.

— Мне всегда хотелось отразить характер пространства, в котором мы живем, — продолжает Булатов, — ведь все в городе было битком набито лозунгами, портретами, повернуться было невозможно. А наше официальное искусство ухитрилось как-то совершенно мимо этого пройти, причем любое — левое, правое, какое угодно. Когда писался, допустим, город, то никогда ни один художник не изображал улицу, на которой были бы эти самые призывы, там на домах. «Слава великому советскому народу», «Слава КПСС». Во славу «труда»

УЛИЦА КРАСИКОВА.

ОПАСНО

ОПАСНО

ОПАСНО

ОПАСНО

ОПАСНО.

чего только не было. «Слава советской женщине»... Но в пространстве искусства этого не было. Почему? Ведь вешалось для того, чтобы все видели...

Одна из моих любимых картин Эрика Булатова — «Улица Красикова». До предела обыденный город. Несколько человек идут по улице. А навстречу им идет Ильич, нарисованный на огромном стенде наглядной агитации. Тысячи раз я видел и проходил мимо этого в жизни. А художник впервые остановил мой взгляд, заставил задуматься о тех идеологических символах, что столь естественно и незыблемо вписались в нашу повседневную жизнь...

— Техника живописи, которой вы пользуетесь, принципиально та же самая, что и у профессионалов наглядной агитации. Какой в этом смысл?

— Проблема языка для меня — одна из основных. Это поиск языка искусства, который не противоречил бы тому, которым мы пользуемся в жизни, который нам дан для общения, для восприятия, и вот, собственно говоря, здесь очень важна эта пограничная зона эстетического и неэстетического. Я стараюсь пользоваться языком нашей советской реальности, это язык политических штампов, тот самый язык, которым себя долгое время выражала идеология. На этом официальном безликом языке можно выразить предель-

но личные вещи. Я фиксирую не мое отношение к тому или иному явлению, а его самое, и тогда я как бы от него освобождаюсь, вижу со стороны. Получается, что жизнь сама высказывает себя через меня! Я тогда начинаю понимать ее истинную суть, а не то, чем она хотела бы казаться.

Для меня самое важное в искусстве — это возможность увидеть, понять то, чего я не понимаю в жизни. В сущности, для меня картины — это свобода. Это пространство, которое за пределами социального мира. Самое страшное, мне кажется, что делала наша пропаганда, это даже не какое-то там вранье и все прочее, а то, что она пыталась вбить в наше сознание: этот социальный мир, в котором мы живем — вот это все. За пределами его просто ничего нет. Ну, нравится, не нравится — уж как хочешь, но нет ничего другого. Ну, может быть, в крайнем случае другой там социальный мир. За границей, враждебный. Нам вдалбливали представление о безвыходности, о том, что весь свет — просто тюрьма, в которую мы помещены изначально, и так и будет всегда... Собственно, для меня занятие искусством и стало потребностью найти выход и возможность этого выхода.

— Но нельзя же сказать, что вы искали этот выход в одиночестве?

— Нет, конечно, со мной всегда были два друга, с которыми я был очень связан — Олег Васильев и Илья Кабаков.

Кабаков первым использовал живопись как инструмент демифологизации современного сознания. Но он исследовал сознание на уровне быта коммунальной квартиры, в первичной клеточке быта. Много лет казалось, что эта работа с коммунальным хламом, этот «соц-арт», никому не нужен и не интересен. Но на выставке Булатова в Париже я увидел, чем это в результате обернулось.

Откройте ведущие западные журналы по проблемам современного искусства. В них статьи о творчестве Ильи Кабакова, или репортаж из его мастерской, или многочисленные интервью с ним.

Могли ли в Союзе художников предполагать, что художники, от которых отмахивались с пренебрежением («Это не наш путь»), станут сегодня первыми центрами притяжения советского искусства. Что удивленный интерес к их творчеству станет одним из мощных толчков, разрушивших стену отчуждения нашей живописи от современного искусства остального мира.

— Я разговаривал около вашей картины с одним французом, он сказал: у вас в картинах советский цвет. Честно говоря, не понял, в чем тут дело. Он говорит: красный цвет — это советский красный цвет. Во Франции другой красный цвет...

— Их красный цвет очень благородный, художественный, вот эта патина «благородства» как появляется, так я чувствую себя не в своей

тарелке. А у нас есть в этом красном цвете что-то такое... Что-то есть такое родное, пронзительное, ни на что не похожее. Ну, во-первых, теплое очень, в нем нет благородной прохладности. В нем какая-то пронзительность, совершенно ни с чем не считающаяся, он вот как-то всему поперек стоит, он такой истошно красный, оранжевый почти. Мне тоже было не просто поймать этот тон, найти его... За ним встает цепь ассоциаций, словно целый мир, громадное количество знакомых предметов, событий, которые вызываются к жизни этим красным цветом.

Я думаю, что красный цвет Булатова станет таким же знаком нашего сознания, как «Заросший пруд» Серова, как «Березовая роща» Левитана. Вы не согласны? Естественно, потому что непривычно. Булатов занят искусством на территории, которая до него была неискусством. Он впустил в ткань искусства вещи, ранее не приемлемые. И это разрушило многие незыблемые стереотипы. Он показал, что вся система наших художественных табу держится на жестких «творческих» установках: «это живопись, а это не живопись», «это искусство, а это не искусство». Для Булатова эти запреты несущественны. Он говорит: «То, что вы считаете грубым материалом жизни, — это искусство. А то, что вы принимаете за искусство, — это жизнь».

Круг искусства расширился и вобрал в себя то, что, казалось, никогда не попадет в него. Мне только жалко, что мои слова вам мало помогут. Магия этих картин, а она есть, исчезает в репродукциях. Надо их видеть в подлинных размерах. А так все равно, что увидеть вместо степи фотографию степи...

— Сейчас меня, как ни странно, одолевает новое ощущение — тревога, какое-то страшное беспокойство. Ощущение не освобождения, не чего-то радостного, как было, я помню, в начале хрущевской оттепели. А какое-то, наоборот, ощущение опасности. Пока не понимаю, почему...

— Вы уловили, мне кажется, то, что мы впервые начинаем осознавать себя свободными, а свобода предусматривает неопределенные опасности, нечто непредвиденное. Раньше все было запрограммировано, безвариантно, казалось, надо назвать зло и все станет хорошо. А сейчас мы вышли как бы в туман будущего и непонятно, при чем и при ком будут жить будущие поколения и будут ли они жить вообще. Решать надо самим. А как — непонятно. А что из этого будет — неясно, раньше это кончалось не просто и не добром, а почему сейчас это должно кончатся радостью? Вот это тревожит. Ответственность.

— Во всяком случае, это вот ощущение тревоги и такую неопределенность я и хотел сейчас зафиксировать в своей картине «Гроза».

Над белым снежным полем стремительно летят вперед, прямо на нас, тревожные грозные облака. Они похожи на взрыв. А за несущимися облаками медленно поднимается тяжелая, во весь горизонт, грозная туча, черная, могучая. Внизу белая ровная плоскость, лишенная жизни. Белая, как чистый лист. Или как смерть? Что ждет ее? То ли дождь растопит снега, то ли буря заметет все в белый саван. Для меня эта картина выражает драматическую суть свободы. Тревога. Нас ждет что-то такое, с чем мы еще не сталкивались. Конец эпохи застоя, конец мертвому царству. Но за всем тревога от чего-то неотвратимого...

— Вот вы, я вижу, художник как бы абсолютно реалистический, и вместе с тем отделивший себя от всех стереотипов «лжекачества» — того, что утратило свойства открытий, стало приспособлениями ремесла.

— Приятно слышать. Но я действительно над этим долго работал, не просто было освободиться... Это и было освобождение.

Наконец-то, хотя и с запозданием лет этак на 15—20, вовсю заговорили о таинственной материи — деньгах.

И как заговорили!

Оказалось, что вопросы финансов, денежного обращения и кредита, материально-денежной сбалансированности — самые важные и актуальные в решении задач перестройки.

Именно так об этом сказал

Генеральный

секретарь ЦК КПСС

на встрече с деятелями

науки и культуры.

А на Съезде народных

депутатов СССР

прозвучали слова:

«Финансовый крах и катастрофа,

инфляция, дефицит бюджета», —

что, честно признаться,

для многих оказалось

громом среди ясного неба.

На самом деле десятилетиями мы привыкли считать, что в чем-чем, а уж в финансовой области у нас все в полном порядке. И немудрено. Многие годы после Пленумов ЦК партии, предваряющих сессии Верховного Совета СССР, где половина главного доклада бывала посвящена нашим недостаткам и просчетам, принимался под аплодисменты бюджет с превышением доходов над расходами. И чем хуже обстояли дела в экономике, тем больше крепчал наш бюджет. Тайна сия велика была, но мало кто выражал по ее поводу удивление. Разве лишь руганье и переруганные ученые-экономисты писали «наверх» записки и реляции, но никто об этом не знал, и, как это тогда полагалось, бумаги складывались в стол.

Вот из всей этой помеси некомпетентности депутатов и ловкости министров (даром, что ли, они получали звание Героев Социалистического Труда) и рождался этот монстр-бюджет, чьи доходы возрастали по мере понижения эффективности общественного производства.

И даже на недавно закончившихся слушаниях на Съезде народных депутатов и сессии Верховного Совета СССР не было ни одного выступления с оценкой программы финансового оздоровления, состояния банковской ситуации.

Не беспокоила нас и инфляция, хотя

болезнь эта появилась не вчера. Наши же публицисты, прибегая к кавалерийским терминам «галопирующая», «скачущая», говорили о ней как о неизлечимом пороке капитализма.

Будем откровенны. И поныне, несмотря на широкое распространение экономической реформы, товарно-денежные отношения у нас находятся в загоне. Переход на рельсы самофинансирования предприятий не сопровождается ни созданием рынка средств производства (оптовой торговли), ни финансового рынка (ценных бумаг, ссудного капитала). Денежные категории хотя и широко разрекламированы, но в основном используются лишь как способ соизмерения эффективности, как метод обсчета «натур» в плане. Тот факт, что народнохозяйственный план у нас составляется главным образом в натуральных измерителях (тонны, километры, штуки), делает все прочие денежные расчеты сугубо вспомогательными.

Одна из важных причин денежно-материальной несбалансированности состоит в том, что почти неуправляемые центром денежные потоки направляются совсем не в то русло, которое намечается нархозпланами. Скажем проще: денежный спрос отраслей и предприятий, зависящий от их индивидуальной рентабельности, совершенно не совпадает с пропорциями и целями планов. И получается, что «богатые» отрасли тянут одеяло на себя, скупают материальные ценности, а «бедные», пусть даже отмеченные особой печатью государственных интересов, зачастую не могут из-за отсутствия средств выполнить план. Так, машиностроение наполовину рентабельнее топливно-энергетических отраслей. Поэтому самофинансирование первых и вечные ходатайства о помощи со стороны вторых рождают большие проблемы для всей страны. В том числе и забастовки на угольных шахтах, как правило, финансово убыточных. Незначительна и роль денежных отношений даже при развитии хозрасчетных методов. Ведь на деле эти отношения оказались подчиненными плановым централизованным заданиям — контрольным цифрам, госзаказам и т. п.

Инфляция, то есть превышение денежной массы над массой «натур» — вещей, продуктов, — это следствие, а не причина такой несбалансированности, результат пренебрежения денежными категориями. Свое веское слово для проведения такой политики сказал высокий руководитель с трибуны XXIV съезда партии: он подчеркнул, что товарно-денежные отношения при социализме играют служебную, вспомогательную роль. А они такую роль выпол-

нять не хотели, ибо экономические законы объективны и командам «шагом марш» не подчиняются.

Можно, конечно, сказать — кто старое помянет, тому глаз вон. Можно, особенно имея в виду прямо противоположную установку последних лет. Но ведь на деле мы совсем недалеко ушли от прежних позиций. Роль финансов при всей вроде бы их важности и серьезности остается все же вторичной по сравнению с производственными категориями. Практически не изменился и механизм управления денежным хозяйством страны: твердокаменные планы распределения финансовых ресурсов на всех этапах народного хозяйства, кокетливо дополненные некими нормативами распределения прибыли (а по существу, теми же планами), жесткая подчиненность банков центру, утверждаемые предприятиями сверху платежи — проценты по кредитам, платежи за ресурсы — все это пережитки административной системы руководства.

Да и откуда бы взялся новым веяниям в этой сфере, если финансовая наука сейчас — это самый отстающий участок экономической науки в целом? Почитай статьи в специальных изданиях «Деньги и кредит», «Финансы СССР» и «Экономической газете», так и хочется воскликнуть: «Какое нынче тысячелетие на дворе?!» Все те же статьи о сущности и функциях финансов и кредита, о природе денег при социализме. Дело в конечном счете не в них, а в том, что после многих лет мнимого благополучия в финансовой сфере сформировалась и «благополучная» наука, полностью отвечающая высоким запросам прежних лет, но такая далекая от жизни.

Не имеется и достаточных специалистов в высшем звене управления денежными отношениями. Любопытно, что если сейчас часто появляются объявления в газетах о подготовке кадров менеджеров, специалистов в области маркетинга, то что-то не слышно о предложениях по подготовке кадров финансово-кредитных работников для работы в высшем и среднем звене. Можно буквально по пальцам назвать нескольких специалистов из ряда институтов Академии наук СССР и отраслей, которые в «узком кругу» обсуждают пути коренных преобразований — подлинных реформ денежного хозяйства страны.

ФИНАНСОВОЕ ОЗДОРОВЛЕНИЕ И ДИАГНОЗ ЗАБОЛЕВАНИЯ

Но даже эта «группа» основное свое время тратит на разработку программы

финансового оздоровления, а также на «совершенствование денежного хозяйства страны» (в таких терминах не так давно было принято специальное решение президиума Академии наук СССР).

Поскольку же эти термины выплеснулись на страницы высоких решений, мы бы хотели сказать о них следующее. Финансовое оздоровление — это неотложная помощь, группа сильнодействующих средств, которые при всей их важности носят разовый характер. А уж о совершенствовании денежного хозяйства можно говорить лишь в шутку. При всей важности финансового оздоровления для сегодняшнего дня мы бы хотели подчеркнуть такую мысль: оздоровление денежного хозяйства только тогда может дать устойчивый результат, если будет разработана финансовая политика. А ее пока не существует. Не случайно за короткий промежуток времени хаотически изменялись налоговые ставки (для кооперативов — в десятки раз), переходили от платы за фонды к прогрессивному налогу, от бюджетного финансирования к кредитованию. А финансовая политика, служащая целям экономического равновесия — соотношения спроса и предложения, реализует концепцию стабилизации рубля, превращения его в действительное мерило богатства и стимул производства. Итак, проводя разовые инъекции и припарки, нужно глубоко заняться обоснованием финансовой политики.

Преодоление бюджетного дефицита, а именно о нем была высказана самая большая озабоченность на Съезде народных депутатов, связывается в основном с сокращением объемов капитальных вложений, расходов на оборону, космические программы; с другой стороны, решено пересмотреть политику в области налогообложения предприятий, кооперативов и населения главным образом в сторону увеличения налоговых ставок.

О сокращении расходов. Несомненно, что мы живем не по средствам, развернули гигантское строительство (более 300 тысяч одних производственных объектов), дотируем массу неэффективных программ и работу убыточных предприятий. Все это так. Но ответим каждый за себя и все вместе: а мы знаем действительно, что нам нужно сокращать? Из опубликованных данных явствует, что намечается по чайной ложке уменьшать централизованные капвложения во всех республиках и отраслях. При этом главные объемы вложений за счет средств предприятий и отраслей вообще не сокращаются, вместо этого программа финансового оздоровления пестрит словами «обес- печить, жестко подойти к формирова-

КУДА НЕСТИ МЕШОК С ДЕНЬГАМИ?

Лев БРАГИНСКИЙ,
доктор экономических наук

нию инвестиционной программы» и другими заведомо необязательными поручениями.

И другого ожидать было нельзя. Потому что для урезания расходов нужно сначала ответить на простой вопрос: а что нам нужно оставить, и без чего мы действительно можем обойтись? А это начальству неизвестно. Один из руководителей Госстроя СССР в своем газетном интервью на предложение сократить 30—40 процентов сооружаемых производственных объектов ответил: «В принципе да. Иное дело: за счет чего сокращать?» — и далее ясно доказал, что ничего трогать нельзя: в одном месте требуется техническая реконструкция, в другом месте стройка завязана на смежные предприятия и т. д., и т. п. («Известия» № 100, 1989, 9 апреля). Я уж не говорю о том, что консервация ранее начатых объектов — штука также довольно дорогая. Нельзя предполагать, что можно просто уйти со стройки, бросив ее на разграбление и естественное разрушение (хотя опыт такого рода у нас накоплен большой).

И потом вот еще что. Само по себе прекращение ранее начатого строительства никаких доходов не принесит. Забитые сваи и купленное оборудование нельзя, как правило, использовать в другом месте. Остаются лишь те средства, которые пока что не истратены (остаток сметной стоимости) и при нашем дефиците бюджета «обеспечены» лишь денежным печатным станком. Я согласен с точкой зрения Б. Н. Ельцина о необходимости разработки новой инвестиционной политики. Но ее суть не просто в переориентации на социальные вложения, но в превращении в главный метод достижения новой структурной политики.

Без ее разработки нельзя судить ни об обоснованности расходов, ни о резервах для их действительного сокращения. Эта мысль, на наш взгляд, тем более важна, что вслед за предлагаемым сокращением затрат, конечно же, начнется новый их рост, ибо задержать развитие невозможно. Прежде всего отметим, что структура нашей экономики, сложившаяся к настоящему времени, отражает реалии политики закрытого общества, каковым мы являлись почти все семьдесят два года. Мы опирались на различные политические установки о том, что нас окружают враги — империалисты, с которыми опасно иметь дело и которые каждый день могут нарушить свои экономические обязательства (впрочем, образцы такого нехорошего поведения имели место в прошлом).

И вот мы создали экономику по принципу «все сделай сам». Сейчас наше народное хозяйство представляет собой гигантский конгломерат отраслей и предприятий, производящих все, начиная от кастрюль и кончая лазерными установками. И на деле получилось, что хотя производим мы почти все, но умеем делать далеко не все. Искусственно обособив страну от мирового разделения труда, мы погрузились в пучину столь глубокого океана продукции (сейчас производит более 25 млн. наименований), что волюн или неволю начали захлебываться. Сама политика научно-технического прогресса пришла в противоречие с экономическими возможностями, что привело к гигантскому незавершенному строительству, распылению трудовых и иных ресурсов, замедлению темпов роста национального дохода.

Все ведомства — просители ресурсов и инициаторы «нового» создали такую административный напор на планирующие органы, что те окончательно запутались и лишь время от времени пытаются управлять экономикой путем корректировки планов или введения

в практику нового термина «приоритет». Что это значит, не знает никто. Если принята единая методика определения эффективности капитальных вложений, утвержденная всеми главными общезаконодательными органами управления, и мы в нее верим, то какие еще могут быть приоритеты?

На самом деле мы, например, объявили приоритетной топливно-энергетическую отрасль и пытаемся наши скудные средства использовать на строительство все новых электростанций. А может быть, нам это вовсе не нужно, а куда полезнее было бы обратить средства на экономию энергии на предприятиях? Мы объявили приоритетными отрасли машиностроения. А может быть, нам требуется таковыми назвать металлургию, ибо, несмотря на опережение выплавки стали по сравнению с США, мы закупает на огромные суммы прокат черного металла за рубежом.

Итак, чтобы выбрать то звено, ухватившись за которое можно вытащить всю цепь, нужно определить структуру народного хозяйства, опирающуюся на реальный потенциал экономики, а не на потенциал придуманный. И тогда станет ясно, что мы можем сделать сами, что должны закупить за рубежом, а без чего можем обойтись вообще.

Сейчас очень часто в качестве причины сокращения наших закупок за рубежом используется довод о том, что в результате понижения мировых цен на энергоносители мы вынуждены себя очень ограничивать. Позволю себе не согласиться с этим, казалось бы, бесспорным доводом. Хотя действительно мировые цены на нефть за три последних года снизились в 2,7 раза, мы свои явно сократившиеся валютные авансы расходует так же, как и раньше. Продолжаются гигантские закупки оборудования для разных отраслей с отдачей в следующем веке, идет буквально охота на персональные компьютеры, которые потом подключаются к технике прошлого века, и т. д., и т. п. Но пока мы не слышим ответа на вопрос: а все ли из этого нам нужно, все ли даст нам отдачу в ближайшее время? Я уже не говорю о том, что большая часть импортного оборудования и так валяется на складах, а вся страна превращена в строительную площадку, хотя ресурсов имеется не более чем на 20% от развернутого объема работ.

И вполне реально предположить, что если бы мы знали, на что и сколько расходовать валюту, какие области ее использования наиболее эффективны, то ее бы с лихвой хватило для страны, которая ежегодно экспортирует 130 млн. тонн сырой нефти, 57 млн. тонн нефтепродуктов и около 80 млрд. кубометров газа. При нынешней же структуре закупок, конечно же, валюты не хватает, и этот дефицит покрывается за счет сокращения ввоза медикаментов, товаров народного потребления и т. п.

Поэтому программа финансового оздоровления при сохранении прежней структуры экономики, а соответственно инвестиционной политики, может дать лишь сиюминутный результат, а дальше вновь осложнит ситуацию. Я, конечно же, поддерживаю публикации в печати относительно действий Министерства мелiorации и водного хозяйства СССР: стране не под силу эпохальные решения по истреблению земельного фонда. Но согласитесь, что деяния этого министерства находятся на виду у всего общества, каждый может осмотреть сооружения, ибо их нельзя спрятать за ведомственным забором. А вот другие отрасли, зачастую расходующие не меньше средств, остаются вне сферы критики. Мы так мало знаем о работе закрытых отраслей машиностроения,

вступивших в заведомо безуспешное соревнование с рядом высокоразвитых стран. И не случайно крупнейшие зарубежные экономисты — Леонтьев, Гелбрейт — советуют нам сначала «импортировать менеджеров, а уже потом — оборудование».

Если ничего не менять в принципе в структуре экономики, то можно с полной уверенностью предвидеть новый виток роста затрат бюджета и валютных средств, ибо потребуются обновлять все производство. А сейчас по мере выполнения программы финансового оздоровления, неминуемого урезания средств на технические новации через 2—3 года потребность в модернизации несет больше обострится. И получится по принципу: нос вылез — хвост увяз.

Теперь о доходах бюджета. Думаю, что и программа в области пересмотра налоговой политики без определения всей концепции финансовой деятельности может также дать результаты, обратные тем, которые от нее ожидают. Это касается как соотношения о налогов на предприятия и кооперативы, так и населения. Существующая тенденция увеличения ставок налогов является на деле попыткой «изжарить курицу, которая несет золотые яйца».

Так, задумав установить высокую прогрессию подоходного налога с населения или налога с доходов кооператоров, нельзя забывать о том, что наши представления об этих доходах, мягко говоря, не отвечают действительной ситуации.

Есть такое понятие: «existenzminimum» — минимум средств существования. У нас, как известно, из валового продукта на заработную плату направляется в два раза меньшая доля, чем во всем развитом мире. Поэтому можно ли считать оплату труда по ставкам, в те же два раза превышающим оплату в государственном секторе, завышенной и еще наказывать за это налогом? Или, скажем, об оплате труда в кооперативах: она есть отражение той экономической альтернативы, которая нам предложена: выплата заработной платы за реализованную продукцию и услуги (а не за выход на работу), исходя из обоснованной доли трудящихся в созданной ими стоимости. И как совершенно очевидно доказал Н. П. Шмелев на Съезде народных депутатов, доля зарплаты кооперативов никак не сказывается на общей инфляционной картине в стране. Если бы выдача наличными кооперативам составляла 2 млрд. руб. в год, то заработная плата рабочим лишь на объектах незавершенного строительства в стране достигала бы 41 млрд. руб., то есть в 20 раз больше. А разница огромная. В первом случае это продукция и услуги, а во втором — объекты, которые в отдаленном будущем дадут или не дадут народному хозяйству продукцию или доходы. Очевидно, что до тех пор, пока прибыль и прибыль от реализации не станут адекватными понятиями, мы будем расценивать не реальные богатства, а продукцию печатного станка. Таковы некоторые соображения о бюджете.

ОПАСЕН ЛИ БЮДЖЕТНЫЙ ДЕФИЦИТ?

Казалось бы, странный вопрос. Известны прописные истины о бюджете как о главном финансовом фонде государства, источнике затрат на оборону, управление, социальные программы, образование и науку, а также на важнейшие капитальные вложения. Поэтому и сообщение о двадцатимиллиардном дефиците госбюджета повергло всех в трепет. И цитированный мной Н. П. Шмелев на Съезде народных депутатов СССР, призывая остановить печатный станок, говорил о недостаточности предложенных правитель-

ством мер по бюджетной экономии в 60 млрд. руб. за два года. «Боюсь, что такой гигантской массы новых привлекаемых денег к тому, что мы уже имеем, наша экономика не выдержит!» — воскликнул он. Ну, а сколько мы уже имеем? И здесь вдруг оказывается, что эти, извините, несчастные сто двадцать миллиардов рублей совсем не так ужасны, как это всем показалось.

В самом деле, сейчас у нас в экономике обращается порядка 3,3 триллиона рублей безналичных средств (то есть находящихся в расчетах между предприятиями) и, по нашим подсчетам, более 0,5 триллиона наличными. Данные о последних являются великой тайной банковского двора, хотя, как известно, в любой стране мира вы можете познакомиться с ними в ежедневных газетах. Итак, весь денежный оборот достигает 4 триллиона рублей в год. Это именно он создает материально-финансовый дисбаланс, он характеризует инфляцию. И если говорить о госбюджете, то его дефицит составляет всего-навсего 3 процента денежного оборота, а стало быть, и столько же от дисбаланса экономики.

Нужно ли в этой связи ликвидировать дефицит бюджета? Несомненно. Особенно имея в виду те расходы, которые за счет него осуществляются (в первую очередь по управлению), но оставшим ли мы путем этой меры инфляцию в стране? Да, ровным счетом на 3 процента, имея в виду, что и весь-то бюджет перераспределяет 10 процентов денежных средств в стране. Всем читающим должно быть известно, что огромный дефицит федерального бюджета США совсем не помешал резкому снижению темпов инфляции.

«А где же остальные денежные средства?» — спросите вы. Это в основном средства банков, предприятий и населения. Банковские кредитные вложения составляют, опять-таки по нашим расчетам, 2,5 триллиона рублей в год.

И вот эта астрономическая сумма кредитов, превышающая чуть ли не в шесть раз расходы бюджета и имеющая тенденцию к быстрому росту, почему-то не вызывает беспокойства. Ни один народный депутат на Съезде даже не упомянул о кредитной экспансии — иначе нельзя назвать это изобильное накопление кредитов в народное хозяйство. А ведь остановить инфляцию без перестройки кредитного механизма невозможно.

Отдача от кредита в последние годы сокращается, замедляется его оборот, но сейфы банка не закрываются.

Сейчас, к примеру, долгосрочные кредиты предоставляются из одного процента годовых (плановые). Но это сводит на нет все пожелания в области концентрации капитальных вложений, повышения их эффективности.

В последнее время очень часто звучат предложения о том, чтобы централизованным указом заменить бюджетное финансирование на кредит. Кстати, такие предложения прозвучали и в программе финансового оздоровления, и в выступлениях на 1-й сессии Верховного Совета нового Председателя Госстроя СССР: сокращение части бюджетного дефицита связывается с переводом большей части капитальных затрат на кредитную основу. И как здесь не вспомнить слова, сказанные на XXVII съезде КПСС, о потере кредитом своего экономического содержания!

Нужно четко понять, что банк не бездонная бочка. Главные свои ресурсы он черпает из вкладов населения и свободных средств предприятий. Поэтому перетекание этих ресурсов на покрытие дефицита бюджета и осуществление эпохальных строек на деле есть увеличение и так гигантского государствен-

ного долга. При этом государство сначала становится должником своих граждан, а потом и банкротом со всеми вытекающими из этого последствиями. Поэтому настройка банковской деятельности, ее самая высокая организация есть на деле первейшая финансовая обязанность государства, тогда как балансирование бюджета — важная, но вторая в этом ряду функция.

БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА И ПОЛИТИКА

Пока что, как уже отмечалось, внимание этим вопросам не уделяется. В составе комиссий и комитетов Верховного Совета страны нет даже специального хотя бы подкомитета по банкам: все внимание уделено бюджету.

Любопытно, что на заседании Верховного Совета избрание нового председателя Правления Госбанка прошло без всяких прений. На фоне взыскательного допроса кандидатов на посты отраслевых министров это олимпийское безразличие, к сожалению, свидетельствует о том, что в зале не нашлось людей, понимающих значение банка в экономическом устройстве страны. Если же учесть, что банк — это центр регулирования экономики, балансирования натурально-финансовых пропорций, аппарат сдерживания (или наращивания!) инфляции, то, конечно же, следовало ожидать вопросов к новому председателю о его программе кредитного оздоровления, о денежной политике в ближайшее время и на перспективу.

Сейчас имеется три вида банков: Госбанк СССР — центральный орган руководства всей денежно-кредитной системой, эмиссионный и кассовый центр; государственные специализированные банки (Промстройбанк, Жилсоцбанк и др.) — основные кредитные учреждения и коммерческие, в том числе коопе-

ративные, банки. Число последних достигает 150 единиц, хотя, как это ни парадоксально, они и являются единственными настоящими банками.

Вся деятельность спецбанков жестко детерминирована: им утверждается сверху кредитный план, определяются объекты кредитования, утверждаются процентные ставки.

Спецбанки ныне — это неповоротливая система учреждений с громоздким аппаратом управления. Над единственным районным отделением банка, выполняющим поручения всех существующих специализированных банков, находятся пять областных контор, не состоящих на хозяйственном расчете, а поэтому мало заинтересованных в конечных результатах деятельности.

Коммерческие банки разрушают эти государственные монополии, создают свободный денежный рынок, но вызывают ряд осложнений, к которым мы еще не готовы. Речь идет о возникновении конкуренции в работе банков и связанной с ней борьбе за клиентов. Это, в свою очередь, может вызвать рост ставок по привлекаемым средствам и маневрирование процентными ставками по ссудам.

Настораживает и некоторое, я бы сказал, легкомыслие при организации коммерческих банков. Так, в разговоре за «круглым столом» в редакции газеты «Московские новости» один из руководителей Московского кооперативного банка на вопрос о том, не собирается ли он в этот банк приглашать профессионалов-экономистов, ответил так: «Нет, не позволю. Мы не полезем в финансовые дебри» («М.Н.» 23 апреля 1989 г.). Вот тебе и на! Коммерческий банк, ориентированный на эффективное приложение средств, отдан на откуп непрофессионалам, которые и не собираются изучать платежеспособность клиентов, обоснованность и целесообразность кредитных вложений. Если так пойдет и дальше, можно ожидать не столько пользы от организации банков, сколько вреда. Управление банковской системой, кредитным, а стало быть, и денежным оборотом требует строгого научного подхода. В последнее время прозвучали довольно фантастические предложения о том, как изъять деньги из оборота. Их суть состоит в том, чтобы часть вырученных от реализации товаров денег убрать в банковские подвалы и тем самым сбалансировать спрос и предложение на рынке.

Однако, несмотря на внешнюю привлекательность этих идей, хотелось бы сказать их авторам: «К сожалению, деньги спрятать нельзя. Это тот самый джинн, который, единожды вырвавшись из бутылки, обратно не полезет». В действующей затратной экономике и вполне отвечающей ей кредитной системе каждый день нарождаются новые деньги. И на место спрятанных тысяч придут новые десятки тысяч, выплаченные за счет кредита для покрытия затрат независимо от их результатов и реализации продуктов труда. И поэтому, не пересмотрев самой основы работы печатного станка, нельзя привести количество денег в соответствие с материальным оборотом, ибо сейчас денежный поток полностью соответствует водопаду расходов.

Думается поэтому, что в числе важнейших законов, принимаемых в нынешней чрезвычайной ситуации, нужно наряду с Законами о собственности и земле принять Закон о банках, может быть, даже раньше Закона о налогообложении. Ибо именно здесь должна быть конкретизирована идея централизма в управлении экономикой, а также идея регулирования рынка на основе специфических и по-настоящему экономических методов регулирования социалистической экономики.

Рисунок
Алексея МЕРИНОВА

ВОЗВРАЩАЯСЬ
К НАПЕЧАТАННОМУ

ЕСТЬ- ЕСТЬ ЧЕГО?

Воистину справедлива поговорка «не было бы счастья, да несчастье помогло». В статье «Тайна, известная всем» в 35-м номере «Огонька» проскочила опечатка. Вместо «400 килограммов икры» было напечатано «400 тонн». Каждому здравомыслящему человеку понятно, что это чисто техническая ошибка. О тоннах деликатесного товара сегодня даже и мечтать не приходится. Впервые информация о полугодовом рационе дачных поселков рязанского обкома партии и облисполкома была опубликована в газете «Правда» 1 сентября 1988 года. Когда мы подготовили статью, нам казалось, что главное в ней не икра и масло, а социальная справедливость. Мы размышляли о пагубном воздействии на наше общество специальных льгот, которые, словно стеной, отделяют узкий круг «избранных» от простых людей, их проблем и невзгод. А проблем сегодня хватает. Достаточно взглянуть на фотографии нашего фотокорреспондента: полки рязанских магазинов почти пусты. Но, может быть, тема номенклатурных привилегий устарела? К сожалению, нет. Об этом и свидетельствуют тон и дух письма в «Огонек», подписанного заместителем председателя исполкома Рязанского областного Совета народных депутатов Ю. И. Еременко. Прежде чем попасть в журнал, это письмо появилось на страницах областной газеты «Приокская правда» и заставило читателей «Огонька» в Рязани встать за перо. Эх, если бы все упиралось в количество икры...

В связи с опубликованной в № 35 журнала «Огонек» статьей П. Волина «Тайна, известная всем», где сделана попытка подкрепить ряд предположений и обобщений доказательствами на примере Рязанской области, считаем необходимым, не вдаваясь в подробное обсуждение, заявить о принципиальном несогласии с преподнесенными материалами. Слишком серьезными являются эти обобщения, а точнее, обвинения, слишком очевидна их цель, чтобы можно было позволить кому бы то ни было под видом гласности так искажать действительность, заниматься прямой подтасовкой фактов и на их основе формулировать абсурдные выводы.

На что рассчитывали автор и редакция, рисуя вопреки реальности такую мрачную картину продовольственного обеспечения населения области и нарушения на этом фоне принципов социальной справедливости? Ведь широкая общественность уже достаточно подробно и объективно проинформирована по этому вопросу.

В текущем году в «Правде», «Социалистической индустрии», «Сельской жизни», «Вестнике агропрома», «Комсомольской правде», «Советской культуре» и других газетах опубликованы материалы об улучшении продовольственного снабжения в Рязани. Они написаны на основе личных наблюдений побывавших здесь авторов. О заметном продвижении области в решении важнейшей социально-политической задачи говорилось на Пленумах ЦК КПСС, сессии Верховного Совета СССР. А главное — это признано самими рязанцами. Это неопровержимая истина, действительно факты, известные всем.

О какой необходимости введения талонов на сливочное масло в Рязани или несправедливом его распределении ведет речь и сокрушается автор статьи? Ведь масло здесь продается во всех продовольственных магазинах свободно, без всяких ограничений и очередей. Потребность населения в нем удовлетворяется полностью. Имеющиеся ресурсы в случае необходимости позволяют увеличить продажу сливочного масла. Для жителей города это стало естественным, привычным и даже обыденным. Убедиться в том, что это так, можно, даже позвонив по

телефону из Москвы любому жителю Рязани.

Что касается ссылки на мнение Л. Скрипниковой, то никакого письма в «Огонек», по ее словам, она не направляла.

У нас есть недостатки и проблемы в продовольственном обеспечении, в организации торговли продуктами питания. Мы ни от кого их не скрываем, честно и открыто говорим об этом людям, информируем, принимаем действенные меры. Объективный анализ показывает, что слова не расходятся с делом.

В 1986—1988 годах душевое потребление мяса в области увеличилось на 10 килограммов и составило 69 килограммов, потребление молока возросло на 74 и достигло 397 килограммов. Эти показатели превышают контрольные цифры Продовольственной программы на 1990 год, утвержденной майским Пленумом ЦК в 1982 году (таблица прилагается).

Рязанская область вывозящая. Половина производимого мяса, молока и масла направляется в союзный и республиканский фонды, в основном в Москву.

Улучшение снабжения населения области достигается в основном за счет сверхпланового производства животноводческой продукции. Только в первом полугодии текущего года это позволило увеличить ресурсы на местное потребление по молоку на 64, мясу на 49 процентов к первоначальному плановым фондам.

В настоящее время полностью удовлетворяются потребности горожан в мясе птицы и яйце. В магазинах торговли ежедневно продаются говядина и свинина. В 1,6 раза возросла реализация колбасных изделий.

Люди с удовлетворением отмечают

улучшение продовольственного обеспечения, о чем свидетельствуют многочисленные записи в книгах отзывов магазинов, часть из которых мы вам направляем.

Эти перемены не пришли сами по себе, они — результат происходящей в области перестройки, преобразований в аграрном секторе экономики, консолидации трудящихся на основе признания и реального участия в реализации разработанных конструктивных программ социально-экономического развития региона.

Почему же игнорируется то, что происходит на глазах и при непосредственном участии сотен тысяч людей?

Зачем намеренно понадобилось не только не замечать этих перемен, а даже, искажая факты, опровергать очевидное?

Зачем понадобилось выдумывать несуществующие примеры нарушений принципа социальной справедливости? Вопреки здравому смыслу печатать заведомую ложь о том, что жителям двух небольших дачных поселков за полугодие продали огромное количество деликатесов, по отдельным из которых названные цифры в 4 раза превышают их общее потребление по РСФСР. Кстати, стоимость перечисленных в статье дефицитных продуктов — более 20 миллионов рублей. Представляете, какую нужно иметь зарплату, чтобы небольшая группа людей смогла бы потратить такую сумму.

А действительные факты таковы: в текущем году вышеуказанные деликатесы в дачных поселках обкома и облисполкома не продавались вообще. Все фонды распределены комиссией облисполкома с участием общественности и переданы на обеспечение инвалидов Великой Отечественной

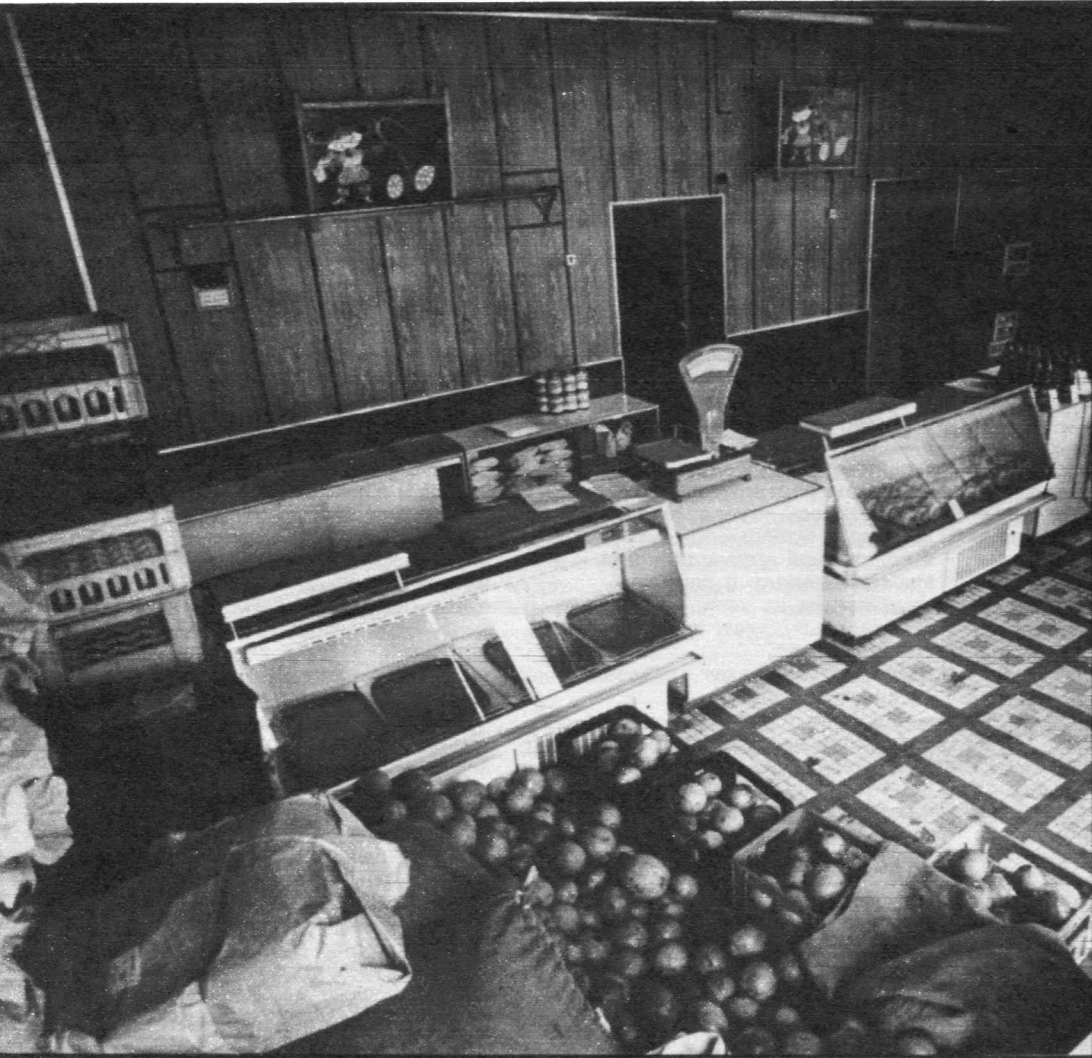
войны, детских, лечебных учреждений, домов-интернатов, а также предприятий общественного питания. Это подтверждено проверкой рабочего и народного контроля, материалы которой мы вам направляем.

Учитывая вышеизложенное, считаем, что использованный в статье материал по Рязанской области носит необъективный, тенденциозный характер, и рассматриваем его как прямую клевету. Примеры и обобщения, построенные на них выводы, под видом гласности преподносимые в статье, есть не что иное, как погоня за сенсацией, ярким негативным фактом, пусть даже надуманным, стремление действовать по принципу: чем скандальнее, тем лучше. Это направлено на дестабилизацию морально-психологического климата, здоровой общественно-политической обстановки в области, является попыткой отвлечь трудящихся от напряженной конструктивной работы по решению реальных экономических и социальных проблем.

Облисполком настаивает на публикации данного письма в журнале «Огонек». Надеемся, что вы, следуя принципу подлинной гласности, сделаете это в ближайшее время. Сообщаем также, что в целях объективного информирования общественности области настоящее письмо опубликовано в областной газете «Приокская правда».

Облисполком оставляет за собой право при необходимости направить письмо и в другие средства массовой информации, а также обратиться в суд для восстановления истины.

**Заместитель председателя
исполкома Рязанского областного
Совета народных депутатов
Ю. И. Еременко**

Магазин «Колбасы» № 11.
16 час. 21 мин. 23 сентября 1989 г.

На вокзале Рязань-1.
Пришла электричка
с продуктовым «десантом». 17 ч.

Фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА

Магазин «Продукты» № 8.
17 час. 55 мин.

Магазин «Диета». 18 час. 10 мин.

Прочитав в журнале «Огонек» № 35 статью П. Волина «Тайна, известная всем», я не удивился цифрам по Рязанской области, поскольку читал их ранее в одной центральной газете несколько месяцев назад и они широко обсуждались рязанцами. Эти цифры тогда никто из рязанского руководства не отрицал, а «Приокская правда» «разъяснила» трудящимся, что эти продукты потрачены на приемы иностранных и иных гостей, а не распределены в спецбуфеты и на обкомовскую дачу в районе поселков Солотча и Ласково.

Удивился я сегодня, когда прочитал в газете «Приокская правда» ультиматум товарища Еременко «Огоньку».

Не задаваясь целью во всем возразить т. Еременко в его желании отбить «нападки» на родную губернию, отмечаю:

1. Рязанское руководство имеет большой опыт в духе прежних времен подавлять любую критику в свой адрес (только один пример: расправа с писателем В. Сафоновым, о чем в этом году неоднократно писалось в центральной прессе).

2. Рязанское руководство решило вообще отрицать факты узкого, «по себе», распределения дефицита, подключив «рабочую» комиссию. Уму непостижимо, что и как могла эта комиссия установить в начале сентября 1989 года (и только по икре!), когда перечисленные в «Огоньке» продукты были съедены в прошлом году?! Эта комиссия дает свежие данные за 1989 год, которые вовсе не опровергают того, что указано в «Огоньке». И нужно было

быть сверхнаивным, пытаясь найти накладную для обкомовского буфета, когда в буфет можно завернуть икру с любого дома-интерната, лечебного учреждения, орс. Очень сомневаюсь, что дети или больные получали икру.

Рабочая комиссия абсолютно права в своем последнем предложении, что в поселковые магазины Солотчи и Ласково не выделили ни грамма икры, но ведь речь идет о спецбуфете обкомовской дачи, расположенной в районе поселков Солотча и Ласково! Проверили, да не там!

3. Об успехах, нарисованных т. Еременко, лучше судить живущему в Рязани 30 лет, а не приезжим. Объективно: масло крестьянское и бутербродное, яйца, куры (бройлеры) в продаже ПОКА есть в магазинах Рязани, но уже замечено их уменьшение. Говядина и свинина НЕ ежедневно, изредка продаются. Увеличение продажи колбасы в полтора раза возможно, если считать, что раньше (год назад) ее в магазинах госторговли не продавали вообще!

Р. С. Прочитал еще раз статью в «Огоньке» и обнаружил ошибку, явившуюся основой гнева т. Еременко: количество съеденной икры «Огонек» увеличил в сто раз. Не четыреста тонн, а четыреста килограммов нужно было написать. Потому-то по «икре» и комиссию создали, и сумма в 20 миллионов получилась, и фонд по «икре» по РСФСР «рассекретили».

Очевидно, за эту математическую ошибку и нужно извиниться, но суть дела от этого не меняется.

В. С. НАЗАРОВ
Рязань

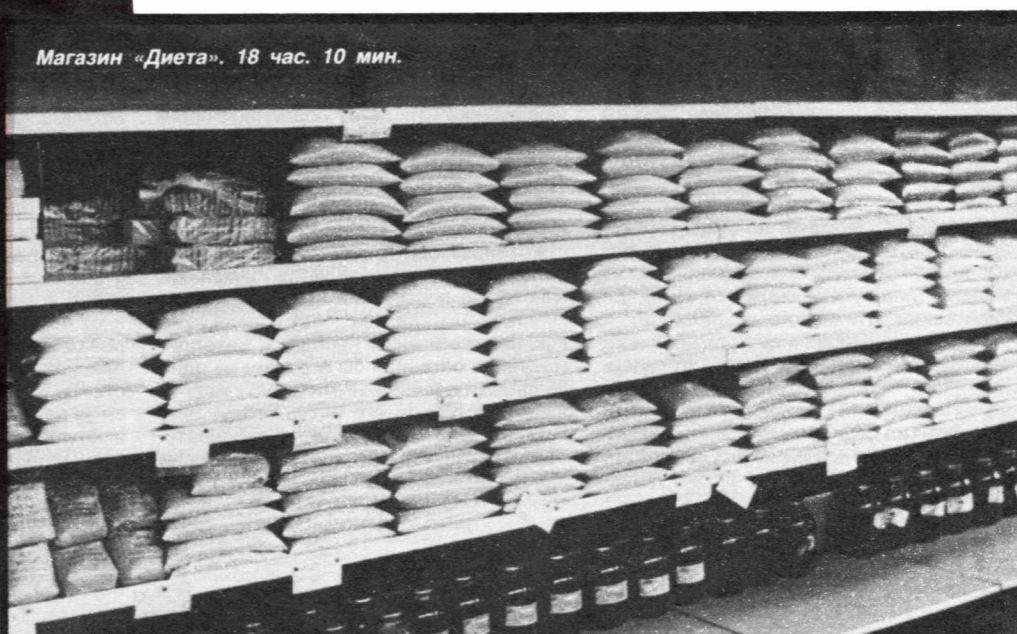
Познакомился с публикацией в газете «Приокская правда» и хочу, хотя бы коротко, сказать, что зам. председателя Рязанского облисполкома Ю. Еременко не прав. Зачем ему понадобилось выдумывать, что деликатесы переданы на обеспечение инвалидов Отечественной войны? Может быть, что-то и отписывают в фонд инвалидов Отечественной войны, но я, например, не получал никаких деликатесов. На неделю нам продают только три ассортимента продуктов: масла сливочного 500—600 г, колбасы из дешевых и низких сортов 800 г, мясо — один килограмм низкого сорта. Например, если говядина, то почти половина костей, если свинина, то почти один жир. А на рынке говядина по 6—7—8 рублей за килограмм.

Неужели Ю. Еременко не знает, что из Рязани в Москву на электричках и на автомашинах каждый день люди едут за продуктами? И зачем грозиться судом? Судить-то надо тех, кто приписками довел страну до бедности!..

Надо говорить правду, что приписками «выполняли» план, а на прилавках и на полках магазинов как не было, так и нет в достаточном количестве продуктов питания и ширпотреба...

Согласитесь, что надо фактически ликвидировать спецлайки и снабжение через буфеты. Это было бы честно! Нельзя же забывать, что о спецпайках и роскошных санаториях говорилось на XIX партийной конференции и Съезде народных депутатов СССР. Бесспорно, Ю. Еременко должен знать, что люди желают перестройку, ибо она очень нужна. Ведь бедность и приводит нас к ругани даже через газету. А лучше бы жить дружно, весело и богаче! А что по этому вопросу сказал бы Ю. Еременко? Но, как видно, он из тех, кто за справедливую критику мстит. Ведь по статье П. Волина надо бы написать письмо в редакцию более правдивое, чтобы читатели поверили и сказали бы спасибо Ю. Еременко. Но нет, «нас не трогай». И получается так, что руководители на уровне области отгородились от народа толстой стеной, если на прием, например, к Л. И. Хитруну попасть невозможно.

И. ФИЛЬКИН,
член КПСС, инвалид Отечественной войны
Рязань

ДВА ЦВЕТА ВРЕМЕНИ,

Гавриил ПОПОВ,
народный депутат СССР,
главный редактор
журнала
«Вопросы экономики»

ИЛИ УРОКИ ХРУЩЕВА

ПЕРВЫЙ ШТУРМ

Десятилетие Хрущева, как и реформы Косыгина, является для меня своего рода политическим университетом. Я был свидетелем и в какой-то мере участником событий. Сопоставляя лозунги, резолюции, книги, мемуары, статьи этих периодов с известной мне реальностью, я учился пониманию соответствия истории и ее отражений, что помогло мне по-иному взглянуть и на Ленина, и на Маркса. Именно на опыте этих эпох я учился различать провозглашаемые намерения и реальные планы, замыслы от их воплощения и результатов. В общем, я учился чувству истории.

Но помимо общего урока, эпоха Хрущева является для меня своего рода собранием экспериментов. Повышение цен на мясо, повышение пенсий, денежная оплата труда колхозников, программа строительства бесплатного жилья, реакция на Венгрию, отношения с освободившимися странами, внедрение кукурузы, борьба с травопольем, ликвидация министерств, создание совнархозов — да разве все перечислишь! Уникальная энциклопедия гигантского количества интереснейших экспериментов. Только годы революции могут сравниться с этим по богатству опыта.

Но в этой энциклопедии, безусловно, два тома: в белой и черной обложках. Забота о колхозах — и ликвидация личных хозяйств; реабилитация жертв культа личности — и отказ от реабилитации руководителей оппозиции Сталину; возврат в родные места калмыков и ингушей — и отказ в этом немцам и татарам; возвращение из лагерей жертв — и защита от суда их палачей; провозглашение материального стимулирования как основы хозяйствования — и курс на развитие общественных фондов потребления; борьба за мир — и взрыв водородной бомбы на Новой Земле; меры по усилению демократизма — и вывод руководителей партийного аппарата из-под пресса подлинных выборов.

Я все время пытаюсь подвести какой-то баланс, но так и не могу в обобщенных характеристиках преодолеть выводов двух типов.

С одной стороны, Хрущев спас административный социализм от кризиса венгерского типа, который позднее стал бы итогом культа личности. Хрущев заблаговременно открыл клапаны и выпустил пар, спас партийный аппарат от расплаты за преступления Сталина.

Более того, Хрущев, по существу, создал стартовую площадку для перехода административного социализма от модели типа культа личности к модели типа бюрократического социализма.

Хрущев не решился отступить от концепции административного государственного социализма, рожденного в реальностях 1917 года. Он верил в то, что этот тип социализма может перерасти в полный коммунизм. Он считал, в духе большевизма, что партия долж-

на вести страну. Строй свободных людей не может возникнуть как итог их собственных усилий и поисков, а требует внешнего наставника и попечителя, поводыря в лице аппарата, а сам аппарат требует указаний от его руководителей. И сами по себе массы своего счастья не найдут, заблудятся и запутаются, натворят бед и глупостей.

Почему же мы вновь и вновь вспоминаем преобразования Хрущева и его самого?

Да потому, что именно Хрущев начал критику строя, в котором мы жили и который, как нас уверяли и как верили мы, был лучшим из возможных миров.

Именно Хрущев подорвал базисные идеи о неприятии товарного производства, которое мы вынужденно терпим, но очень скоро преодолеем; об изживающих себя принципах материального стимулирования; о вредности в перспективе отдельных семейных квартир...

Именно Хрущев начал ломать образ окружившего нашу страну и весь социалистический лагерь коварного капиталистического врага, ежесекундно готового напасть на нас и ждущего лишь нашей малейшей оплошности...

Если, с одной стороны, Хрущев спас базисные идеи административного социализма и остался на его принципах, то, с другой стороны, на этом социализме не осталось ни одного места, по которому бы не стукнул молоток неумолимого реформатора...

Именно поэтому деятельность Хрущева стала эпохой первого штурма Административной Системы, и она далеко не дальний родственник нашей перестройки.

Хотя Хрущев сам сорвал и остановил начатый им штурм, заслуга его не только в этом начале. Его несомненные заслуги и в том, что он не взял на себя роль конструктора нарождающегося бюрократического социализма, не захотел быть его вождем. У него, сына революции 1917 года, хватило сил и духа, чтобы не сделать последних залпов по начатым им преобразованиям. Он предпочел риск смещения решению о тотальном расследовании «с пристрастием» достигших его слухов о заговоре. Он хорошо знал методы, гарантирующие лидера от переворота. Но он не хотел их восстанавливать. На последнем рубеже отхода от подлинной перестройки он остановился и сказал: дальше идти не могу, стреляйте. Невольно вспоминается Орджоникидзе, тоже, наконец, остановившийся и тоже сам избравший свою судьбу.

Хотелось бы, чтобы Хрущев остановился раньше: до разорения личных хозяйств, до повышения цен на мясо, до кубинского кризиса... И тогда, не исключено, и низы народа, и интеллигенция не оставили бы его один на один со своими подчиненными в 1964 году — как не оставили его в 1957 году...

Но историю нельзя перекаивать. Так и останутся два цвета на времени Хрущева, и история еще не раз будет

сопоставлять и соизмерять эти цвета...

Мне хотелось бы поразмыслить над несколькими событиями того необыкновенного времени. Как экономисту мне, конечно, ближе, например, история совнархозов. Но я хотел выделить то, что мне кажется наиболее актуальным для нынешнего этапа нашей перестройки.

ПОВОРОТ: КУРС НА КОММУНИЗМ

Провозглашение Хрущевым курса на коммунизм как непосредственную, практически исполнимую в исторически реальный двадцатилетний срок задачу является одним из узловых моментов его десятилетней эпохи. Почему Н. С. Хрущев решился на обещание, от которого в общем-то уклонились и В. И. Ленин, и И. В. Сталин, — на лозунг: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме»? Что означал этот курс и почему он был принят?

Прежде всего сказало «головкружение от успехов». Первые же меры по материальному стимулированию, по развитию товарного производства, по децентрализации экономики по линии совнархозов, по ослаблению идеологического контроля в науке и искусстве, репрессий в жизни общества — принесли несомненные и ощутимые положительные результаты, в том числе и чисто экономические.

Произошли изменения и в положении самого Хрущева. Разгромлен второй эшелон сталинской системы в лице Молотова, Маленкова, Кагановича и других (первым эшелоном был Берия и его группа). Сосредоточена вся власть в руках лично Хрущева, устранен Жуков. Как будто созданы все гарантии от попыток переворотов, аналогичных событиям 1957 года.

Есть все условия для провозглашения и реализации наиболее сокровенных планов Хрущева. И вот в этой ситуации Н. С. Хрущев объявил о том, что на первое место выдвигается задача строительства коммунизма. В духе этого решения надо разработать новую, третью Программу партии и начать немедленно выполнять.

Чем больше я думаю об этом повороте к «истинному коммунизму», тем яснее мне становится его подлинный смысл. Возврат к сталинизму был уже невозможен. В то же время стало ясно, что следующие шаги по пути, начатому в 1953 г., потребуют изменений в коренных основах строя. А это ставило вопрос об административном социализме как таковом — о месте и роли партии, о политической системе, об идеологии. Учился в те годы вся страна. Но быстрее всех учился аппарат. Он раньше всех осознал свои интересы, сформулировал свои представления о постсталинской модели Административной Системы, начал последовательно бороться за нее, отсекая от Хрущева всех, кто выступал против Административной Системы, пресекая порывы самого Хрущева в опасные для аппарата начинания,

подталкивая и поощряя его на «нужные». Вспоминая этот процесс, я думаю, не исключено, что что-то похожее происходило и с Лениным, и со Сталиным: когда из всего спектра личности всей обстановкой и особенно непосредственным окружением, как ситом, отбирается, выделяется и стимулируется только то, что нужно стоящим за спиной вождя силам.

Что оставалось делать аппарату, который уже начал понимать: его место и роль определены именно системой административного социализма? Спассти Административную Систему можно было только действием, которое бы оправдывало и ее сохранение, и ее усиление, и в то же время было бы популярным в глазах трудящихся. Курс на непосредственный переход от административного социализма к полному коммунизму давал ответ на возникающие вопросы. Аппарат мало волновался, будет ли полный коммунизм через двадцать лет. Важно было другое — на ближайшие годы аппарат свои проблемы решал, определив себе почетное место в качестве организатора и руководителя движения к коммунизму.

Если позиция аппарата ясна, то гораздо сложнее вопрос о том, почему сам Хрущев принял эту стратегию.

Думаю, что ему очень импонировала идея облагодетельствовать и осласлтивать народ. Конечно, Н. С. Хрущев не был в душе авторитаристом. Он был скорее тем, кого сегодня называют популистами. Как-то сам Н. С. Хрущев признался, что Сталин называл его «народником». Но Н. С. Хрущев считал правомочным вести и воспитывать народ. Вообще это одна из самых характерных черт основных течений русской идеологии в течение веков. И в XIX, и в начале XX века в русской идеологии господствовала идея созидания действительности, ее конструирования. Проект оживления всех предков Федорова, возрождающая человечество миссия русского народа по Достоевскому, программа Столыпина, богостроительство Богданова, Горького и Луначарского, концепция роли партии В. И. Ленина — все эти бесконечно и чрезвычайно разные теории исходили из общей идеи о праве человека вершить историю по своему усмотрению. Большевик был логическим итогом этого мышления, Россия действительно, как говорил В. И. Ленин, «выстрадала марксизм» — правда, свой марксизм.

И Н. С. Хрущев остался верен тому выбору, который он сделал в 1917 году. Ему — как и всей Октябрьской революции — была глубоко чужда сама мысль об объективности исторического процесса, о пределах возможностей классов и партий вмешиваться в ход истории. Хрущев был полностью подчинен идее права партии делать со страной все, что партия решит. Хрущев так и не понял, что все преступления прошлого, все трудности настоящего и все ужасные проблемы будущего коренятся именно в идеологии руководства,

идеологии права направлять и исправлять историю, весьма трудно сочетаемой с марксистскими положениями об объективных законах и естественности развития.

Идея осчастливить народ, избавить его от бед — любой ценой, даже ценой насилия — привела Н. С. Хрущева в 1918 году к большевизму, а затем — в ряды сторонников Сталина. И в пятидесятые годы проблему он видел не в самой концепции руководства историей, а в неправильном ее применении, в искажении этой концепции И. В. Сталиным.

Мысль о том, что преобразования должны вообще устранить строй административного социализма, строй командования, строй руководства, строй привилегированного аппарата и его руководителей, навязывающих стране свои представления о социализме в качестве ее задач, была глубоко чужда Н. С. Хрущеву. На этом и «купил» его аппарат, предложив ему идею рывка к коммунизму.

Что на практике означал этот курс? Выкорчевывались те самые посаженные Хрущевым деревья, которые только-только начали плодоносить. Поворот к форсированному строительству коммунизма означал отход от всего того, что обеспечило успехи за первые пять послесталинских лет. Атака на приусадебные участки. Раздвигание системы общественных фондов потребления, никак не связывающих человека с результатами его труда. Форсирование строительства бесплатных жилищ, получение которых опять-таки не зависит от итогов труда. Усиление внимания к воспитанию нового, нужного, конечно же, коммунизму человека и соответствующий этому нажим на литературу и искусство, курс на усиление борьбы с любыми отклонениями от общественных стандартов — и тоже ради ускорения перехода в будущий рай. Резкое усиление централизма — тоже только ради большего контроля за строительством коммунизма.

Под флагом развертывания строительства коммунизма началось искоренение того, что могло стать исходным пунктом демонтажа административного социализма и что сулило стране перспективу действительного преодоления трудностей.

Попытка Хрущева, взявшегося строить коммунизм, скорее всего отличалась от замыслов взявшегося строить социализм Сталина. Хрущев думал осчастливить народ, облагодетельствовать его, накормить, одеть и обуть. Но урок истории состоит в том, что любые попытки командовать людьми и вместо них решать их проблемы несут этим людям беды, независимо от чистоты помыслов претендующих на роль поводырей вождей.

Как это постоянно повторялось в нашей истории, «истинный коммунизм» оказался фиговым листком для прикрытия стремления аппарата сохранить себя, укрепить и собрать силы для форсирования «послекультурного» варианта административного социализма — социализма бюрократического. Преждевременно начатое строительство будущего неизбежно оборачивается гигантским котлованом Андрея Платонова, в котором копошатся обреченные жить без крыши люди под руководством улаживающих свои проблемы наставников. Подсунутая Хрущеву и одобренная им идея стройки коммунизма обернулась котлованом — ловушкой, в которую угодили все его самые разумные начинания.

НОВОЧЕРКАССК: КОНФЛИКТ С РАБОЧИМИ

В моем восприятии Н. С. Хрущева рубежом был расстрел демонстрации забастовавших из-за повышения цен на мясо рабочих в Новочеркасске.

Конечно, в свете последующих десятилетий я понял, что перелом произошел раньше, рубежом был 1958 год, когда Н. С. Хрущев сосредоточил в ру-

ках всю власть, совместив посты руководителя партии и правительства.

Само по себе совмещение — особенно в свете ситуации в партии и стране, с учетом опыта заговора против Н. С. Хрущева и попытки сместить его в 1957 году — могло иметь объяснение. Более того, оно могло быть своего рода дополнительной гарантией того, чтобы преобразования перешли к демонтажу самого административного социализма.

Почему же событие, которое могло ускорить и углубить преобразования, стало рубежом перехода от светлой половины Хрущева к темной, если смотреть на надгробный скульптурный портрет, созданный Эрнстом Неизвестным? Да потому, что концентрация власти и переход ее в качественно новое состояние — превращение ее в личную, — не сопровождался созданием каких-либо гарантий для общества от этой личной власти и особенно от подчиненного только ей аппарата. Не было создано демократических противовесов концентрации власти. Личность выводится из-под критики и контроля.

В такого рода механизмах неизбежной защитной реакцией аппарата является стремление овладеть руководителем, от которого все зависит. Аппарат стремится изолировать руководителя, окружить «хозяина» «вниманием», использовать все черты его личности. Еще большую активность должен был проявить аппарат, хорошо помнивший ужасы сталинского режима. Как писал в те годы Евгений Евтушенко: «ну, а ножки те, что поддерживают, а когда им надо — придерживают».

Практическим итогом концентрации личной власти без развития демократической альтернативности могло быть или возрождение полного произвола личности, или подчинение личности аппарату. Н. С. Хрущев не хотел быть Сталиным — тираном своего аппарата. Он не хотел стать и Брежневым, верхним винтиком механизма. Он метался, отойдя от первого и не желая стать вторым. В конечном счете — и это заслуга Н. С. Хрущева — аппарату так и не удалось победить его. Хрущева пришлось устранять. Но побед в борьбе за Н. С. Хрущева аппарат одержал более чем достаточно.

Курс на развитие колхозов, удары по личному хозяйству, неизбежные нехватки продуктов и логичный итог в виде повышения цен на мясо привели к новочеркасским событиям.

Новочеркасс — мой родной город. В его пригороде я окончил школу. Здесь жили мои родственники, на том самом забастовавшем заводе работали мои дядя и тетя. Я хорошо представлял себе людей, вышедших на демонстрацию. Врагами социализма они быть не могли. И, стоя под деревьями, с которых совсем недавно падали сраженные пулями любопытствовавшие ребята, я понял раз и навсегда, что никогда не прощу эту стрельбу, никогда не признаю систему, в которой можно безнаказанно убивать.

Ходили слухи, что до выстрелов довело дело Ф. Козлов и А. Микоян. Но я никогда не поверю, что они по нескольким раз в день не звонили Никите Сергеевичу. Подозреваю, что забастовку превратили в расстрел местные руководители.

Свое неумение говорить с рабочими местные администраторы должны были компенсировать авторитетом вызванных войск. Но для такого вызова нужен был предлог. А для стрельбы предлог должен был быть весомым. И забастовку изобразили как личный выпад против Хрущева.

Я не знаю, были ли вообще в рядах демонстрантов вымаранные и испещренные оскорблениями портреты Хрущева, как утверждали информаторы. Не исключено, что там было нечто похожее на недавнюю историю с плакатом «Долой КПСС» в Вильнюсе. Этот плакат повсеместно фигурировал как один из «криминалов». Не будь гласности — так бы и осталась эта история

в деле против «Саюдиса». Но благодаря публикации снимка в «Правде» удалось быстро выяснить, что ни литовцы, ни руководство «Саюдиса» к плакату отношения не имеют.

Конечно, не исключено, что какие-то портреты Н. С. Хрущева кто-то из демонстрантов и нес. Не знаю. Но в чем я глубоко уверен, так это в том, что аппарат в своих сообщениях наверх только эти «антихрущевские» лозунги и упоминал, только их всячески выпячивал, только их и смаковал, рассчитывая на хорошо известный взрывной характер того, кому шла «информация». Так в Новочеркасске обычную забастовку рабочих местная администрация сумела превратить в антисоветский бунт и переложить его усмирение на «союзные» плечи.

В чем-то те события напоминают недавние забастовки шахтеров, которые — не будь новой высшей власти в стране и не заседай в это время Верховный Совет — тоже кое-кто мог представить как антигосбачевские и антисоветские акции, чтобы, спасая свое кресло, довести дело до тбилисского варианта. Если недавние забастовки шахтеров не привели к новочеркасскому варианту, то только потому, что в стране уже действует — пусть с перебоями — первый комплекс механизма демократии. И за это спасибо нарождающейся демократии.

Народ, с его природной чуткостью, уловил в повышении Н. С. Хрущевым цен на мясо нечто большее, чем материальные потери, — отход от подлинных преобразований, попытку начать решать проблемы верхов за счет масс. Народ попытался продемонстрировать свое отношение к происходящим переменам в курсе Хрущева.

Хрущеву пришлось расплачиваться за поворот в деле преобразований. Ведь вся власть у него. Аппарат тоже состоит теперь из его людей. Этот аппарат утверждает, что без введения в дело войск не обойтись. Что делать? Ехать самому и разбираться? Да ведь там все против него — так утверждают информаторы, даже фотографии представили. Прогнать аппарат? А с кем работать? В условиях отсутствия демократии Хрущев был обречен на то, чтобы согласиться с тем, что предложил его аппарат. Хрущев сам, исключив саму возможность иметь оппонентов аппарату, сделал себя его пленником.

Мне кажется, именно в Новочеркасске окружающие Хрущева руководители осознали, что он их пленник и их заложник, что его можно отделить от масс и можно манипулировать им.

Выбор между народом и аппаратом Хрущев сделал. Весь вопрос был теперь в том, когда аппарат, осознав окончательно, что сталинские репрессии ему не угрожают, «дозреет» до предъявления ультиматума Хрущеву...

Другой итог еще тяжелее. Именно в Новочеркасске была похоронена и отдана под военный суд попытка масс защитить первоначальный вариант реформ Хрущева, заявить о своем праве участвовать в преобразованиях.

Наши народные депутаты, я надеюсь, найдут время создать комиссию по новочеркасскому делу, чтобы наконец реабилитировать расстрелянных рабочих и принять решение о памятнике в Новочеркасске с фамилиями погибших и фамилиями тех офицеров, которые пожертвовали собой, но предотвратили еще более грандиозную бойню, отказавшись дать приказ танкам идти на демонстрантов.

КОНФЛИКТЫ С ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ И АППАРАТОМ

Прежде чем потребовать от Хрущева подчинения аппарату, надо было его изолировать не только от масс, но и от интеллигенции.

Конфликт с творческой интеллигенцией очень примечателен. К 1962 году

стало наглядно ощущаться, что обещанные Хрущевым темпы развития не реализуются, блага увеличиваются мало. Начали расти акции противников Хрущева, его коллег по сталинскому руководству. Хрущев отчаянно пытался как-то и чем-то отвлечь внимание народа от всех этих итогов. Появилась идея усилить показ ужасов прошлого, чтобы смягчить восприятие настоящего. В итоге — бурный всплеск антисталинской кампании. Атака на Сталина завершилась выносом его тела из Мавзолея и исключением из партии ряда его бывших соратников по Политбюро.

Аппарат пошел на эту кампанию. С одной стороны, новые кадры стремились окончательно закрепиться на полученных постах и окончательно «списать» предшественников. Но, с другой стороны, в качестве платы за поддержку антисталинского плана Хрущева аппарат потребовал от него и получил исключительной важности уступки. Главное — устранение леденящей душу чиновника перспективы провалиться на выборах. От самих выборов в партии отказаться было нельзя. Значит, надо сделать их такими же безопасными, как выборы в Советы. От явно недемократичной идеи — иметь такое число кандидатов, сколько есть мандатов, — отказались. Решили, что при выборах всех парторганов всякий, кто внесен в список и набрал более 50 процентов голосов, будет считаться избранным и число избранных будет итогом выборов, а не предварительным ограничением. Тем самым на практике был упразднен принцип альтернативности (на который в партии не решался покуситься даже Сталин). Аппарат получил полный мандат на самосформирование, выборы в целом стали формальностью с тех пор и до настоящего времени, когда — вопреки резолюции XIX партконференции — аппарату ЦК удалось сохранить этот замаскированный вариант безальтернативных выборов бюро и комитетов в партии.

Борьба со сталинистами потребовала от Хрущева не только уступок аппарату, но и поддержки со стороны творческой интеллигенции. Но активизация интеллигенции совершенно не устраивала аппарат. Поэтому сразу же после чистки от сталинистов аппарат решил поставить на место уже интеллигенцию, которая начала воображать, что она тоже может участвовать в политике.

На Хрущева обрушился шквал «информации» о неблагоприятных интеллигентских, сочиняющих о нем анекдоты, принижающих достигнутые за годы руководства дорогого Никиты Сергеевича результаты, настраивающих народ на критиканство.

И Хрущев опять уступил аппарату. Началась кампания травли интеллектуалов, в результате которой из-под Хрущева была выбита последняя из его опор. Теперь Хрущев остался один на один с аппаратом.

В последующие годы я много размышлял о событиях 1962—1963 годов, о двух главных кампаниях тех лет: антисталинской и антиинтеллектуальной. Я прежде всего начал сомневаться в целесообразности той атаки, которая была предпринята на сталинистов. Представляли ли они действительно серьезную опасность? Да, это была оппозиция. Консервативная. Но ничего не стоило удалить из верхних эшелонов власти обычными аппаратными методами оставшихся участников заговора 1957 года. Мне все больше кажется, что атака на сталинистов была вызвана не столько страхом перед реставрацией, не столько желанием отвлечь народ от критики все возрастающих трудностей и даже не только стремлением новых кадров закрепиться на своих постах. Была здесь более глубокая — не знаю, насколько осознанная, но полностью отвечающая интересам аппарата — стратегия.

Аппарат в принципе не мог допустить никаких оппозиций. Даже консервативных. Оппозиция как таковая несомне-

стима с административной системой. И, поддерживая антисталинскую кампанию, аппарат решал сверхзадачу: убить само понятие «оппозиция», саму возможность оппозиции. Интеллектуалы, с восторгом бросившиеся в атаку на консерваторов, попались на старую удочку. Они забыли уроки Сталина: расправа с одной оппозицией всегда служит прелюдией к расправе с другой оппозицией и в конце концов ведет к системе, где вообще невозможны никакие оппозиции. Травимые аппаратом интеллектуалы как-то стеснялись вспоминать, что именно они несколько месяцев назад допустили, чтобы борьба с консерваторами приобрела форму травли, «оргвыводов» и полного подавления. Было забыто, что в свое время Каменев, Зиновьев и Бухарин именно так расплачивались за согласие на разгром Троцкого.

Консерваторов надо было критиковать, разоблачать и т. д. Но надо было помнить, что без оппозиций нет демократии, в том числе и без консервативной оппозиции.

Когда меня сегодня упрекают в терпимости к консерваторам, в том, что в журнале «Вопросы экономики» я чрезмерно допускаю плюрализм, я всегда вспоминаю, что при Н. С. Хрущеве именно расправа, вплоть до исключения из партии, именно с консерваторами стала сразу же началом расправы с демократической интеллигенцией. Тонким маневром — начать с удара по консерваторам — аппарат добился начала подавления всякой оппозиции. Точнее, формально не было в стране никаких оппозиций. Но обе кампании — против сталинистов и против творческой интеллигенции — были призваны устранить самую возможность появления оппозиций, означали окончательную победу аппарата и ставили крест на последних надеждах на подлинную перестройку. Теперь на сцене остались только аппарат и Н. С. Хрущев.

Хрущев был опытным политическим деятелем и вполне осознавал сложившуюся политическую ситуацию. Он не хотел приводить аппарат «в чувство» сталинскими методами, хотя их хорошо знал и не раз использовал сам в годы работы при Сталине. Он на словах пригрозил окружению «расшвырять всех, как котят». Действуя на практике он в духе Сталина — он должен был бы при первых же слухах о заговоре изолировать всех подозреваемых, не деля на правых и виноватых. Ему пришлось бы укрепить независимую от партаппарата систему органов подавления.

На этот путь Н. С. Хрущев не вступил. В этом его заслуга и одно из главных доказательств — для меня — искренности его разрыва с культом личности. Этот вариант административного социализма он отверг навсегда. Но к подлинной альтернативе — вовлечению масс в дело демонстрации административной системы — он не был готов.

Выход он стал искать на пути очередной реорганизации — на этот раз партии. Он предложил разделить аппарат партии на две системы — промышленную и сельскую. Эта реорганизация, на мой взгляд, является самой значительной из попыток Хрущева, наиболее близко подведшей его к идее разрыва с административным социализмом. К сожалению, она не получила должной оценки у историков.

Как и Ленин в 1922 году, Хрущев обратился к ведущему звену — к партии. Как и Ленин, Хрущев чувствует, что корень проблем — в однопартийности, в бесконтрольности партаппарата.

Но если Ленин пытался преодолеть этот монополизм введением параллельной партийному аппарату и не подчиненной ему системы контрольных органов (ЦКК — Рабкрин), то Хрущев попытался разделить сам партийный аппарат на две независимые системы. Впервые после смерти Ленина был вновь поставлен вопрос о фундаменте административного социализма — о власти партии.

Последняя официальная встреча. 1964 год. Москва

Фото Леонида БЕРГОЛЬЦЕВА

И у Ленина, и у Хрущева сквозит одна и та же идея — отойти от монополии партаппарата на власть, но сохранить однопартийную систему.

Опасности плана Хрущева аппарат осознал не сразу и план этот принял. Но вскоре все, что прежде казалось простым, резко осложнилось. Четко разделить школы, дороги, аэропорты, институты оказалось невозможно. На десятках участков экономики, и особенно социальной жизни, появилось двоевластие.

Впервые в нашей истории и первый секретарь, и весь его аппарат оказались под непрерывным досмотром и контролем «параллельного» первого секретаря и его аппарата — и это на территории одной и той же области. Забрехал в самых отдаленных формах призрак если не многопартийности, то хотя бы потери монополизма. Конфликт двух партийных систем пришлось бы решать на партийных конференциях и съездах, роль делегатов которых сразу же превысила бы по значимости роль кадров аппарата.

В определенном смысле можно сказать, что Хрущев исчерпал все организационные варианты поиска путей эффективной работы системы административного социализма. Как и в свое

время В. И. Ленин, он дошел до конца. Но, как и в случае с В. И. Лениным, проект Хрущева был отвергнут партией из-за его явной несовместимости с самой сутью административного социализма.

Недовольство Хрущевым высказало теперь уже не само его окружение, а все звенья партийного аппарата. Создалась благоприятная ситуация для устранения измучившего своих соратников своими метаниями и своей неготовностью окончательно смириться с вариантом бюрократического социализма лидера.

Н. С. Хрущев не сделал выбора в пользу модели экономического и демократического социализма, в то же время не захотел стать творцом и руководителем формирующегося нового варианта административного социализма — бюрократического социализма, механизма торможения, логического следствия этапа культа личности.

На почве отказа от постановки вопроса о демонтаже административного социализма Н. С. Хрущев пришел в конфликт с массами трудящихся и интеллигенцией. На почве отказа стать лидером системы бюрократического социализма он вступил в конфликт с аппаратом.

Остальное было делом аппаратной

техники. 25 лет назад, в октябре 1964 года, он был смещен.

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО

Базисные основы деятельности Н. С. Хрущева были предопределены фундаментальными факторами: его отношением к оценке прошлого партии и страны и его отношением к ее будущему.

Готовность Н. С. Хрущева к критике уже реализованного социализма и его же неготовность к отказу от концепции этого социализма не позволили Н. С. Хрущеву определить стратегию и тактику преобразований, найти соответствующие меры, найти подлинных союзников и выявить подлинных противников.

Но была в его деятельности еще одна, очень характерная черта.

Начиная свои преобразования, Н. С. Хрущев сосредоточил в своих руках, замкнул их лично на себя, превратил свою личность в главное звено преобразований и в главную опору перемен. Он персонифицировал преобразование. Но сам он всем руководить не мог. Ему нужен был аппарат. Аппарат формировал лично он.

Поэтому первым следствием персонификации преобразований было воз-

растание роли не только Хрущева, но и бесконтрольно сформированного им аппарата.

Второе следствие персонификации — сосредоточение усилий всех защитников административного социализма именно на личности самого Хрущева. Поэтому частные вопросы о личном отношении Хрущева к тем или иным художникам или кинокартинам, к кукурузе или травмам в этой обстановке становились основной для кампаний против интеллигенции или базой восстановления позиций пошатнувшегося Лысенко. С другой стороны, устранение Хрущева казалось вполне достаточным средством для отклонения преобразований, что не могло не питать идеи заговоров.

Третьим следствием персонификации преобразований было превращение народа и рядовых членов партии в своего рода зрителей, которые должны аплодировать, радоваться заботам лидера о себе, но вовсе не быть хозяевами и творцами своей собственной судьбы. Это был классический большевистский авангардизм, где последнее звено знаменитой ленинской цепочки — «классы — партии — вожди» — становилось ведущим.

Интересы преобразований требовали, как и в начале эпохи любых крупных перемен — концентрации всей власти в руках лидера и инициатора преобразований. Те же самые причины, которые при зарождении административного социализма требовали усиления роли Ленина, а затем поднимали Сталина, в свете задачи демонтажа этого социализма также увеличивали значение личности руководителя. Это была объективная необходимость. И Хрущев, и партия, и страна ее ощущали.

Но Хрущев не заметил той грани, когда усиление роли личности в преобразованиях перешло черту, превращающую преобразования в чье-то личное дело. Такие преобразования настолько становятся личностными, что ведут к отчуждению масс, отчуждают тех сторонников преобразований, которые «не вписываются» в ставшую чрезмерно личностной схему преобразований.

Хрущев не уловил и момента, когда после концентрации власти в руках лидера, нужной на первом этапе для глубоких преобразований, по мере развития становится все более недостаточным именно рычаг личной власти как таковой, как бы этот рычаг ни усиливать, и выход только в том, чтобы решительно включить основные социальные силы, которым нужны начатые лидером преобразования, но уже превышающие его личные возможности руководить.

Хрущев не нашел в себе сил понять, что его преобразования — именно для их успеха и именно для увековечения его имени — требуют от него готовности дополнить свою власть властью других, разбуженных им сторонников перемен, а в перспективе даже готовности отказываться от многого: от своих личных взглядов на преобразования, от своих оценок пригодности к руководству тех или иных руководителей и т. д.

Этими качествами — качествами гибкого лидера — в исключительной мере обладал В. И. Ленин. И в 1918 году — отказываясь от многих своих весьма важных идей. И в 1922-м — отказываясь снова от части столь же фундаментальных идей.

Да и Сталин, беспощадный топор которого висел над аппаратом день и ночь, на самом деле именно потому и мог десятилетиями удерживаться в роли тирана, что на деле весьма чутко реагировал — интуитивно и сознательно — именно на устремления аппарата. Своей вины никогда он не признавал, всегда немедленно находил «виноватых», но изменения вносил.

Н. С. Хрущев из всей сталинской команды был в наибольшей мере связан с реальной жизнью, знал страну — и в силу черт характера, и в силу особенностей карьеры.

Но Н. С. Хрущев, по существу, все значительные этапы своей карьеры

проходил уже в условиях все укрепляющейся административной системы. У вождей при такого рода карьере атрофируются способности замечать и реагировать на реакцию «низа». Это происходит автоматически — вопреки роли руководителя, его намерениям и даже чертам характера.

К тому же Н. С. Хрущев — политработник Красной Армии — с юности не привык слушать, выявлять мнения, обобщать позиции, а, напротив, учился агитировать, убеждать, навязывать, давить, пробивать. Этот стиль потом мог только усилиться с ростом у него административной власти.

Необходимость подчиняться Сталину рождала внутренний протест, но вовсе не ориентировала на апелляцию к массам.

Поэтому у Н. С. Хрущева — в отличие от Ленина и Сталина — умение «наступать на горло собственной песне» развито меньше.

Он оказался в роли лидера, не имея привычки всматриваться в тех, кем руководит. Точнее, всматриваться-то он умел, но весь вопрос — как. Условно говоря, он оказался в роли председателя собрания с навыками демократического пробования на этом собрании заранее заготовленного своего предложения и явно не готового к тому, чтобы сформулировать в качестве решения именно то, чего хочет большинство участников собрания.

Он оказался не готов к тому, чтобы принять базисный принцип демократии: готовность отказаться от того, с чем шел к руководимым; готовность подчиняться воле большинства; готовность жертвовать «любимыми и близкими» кадрами своей команды ради введения в нее укрепляющих дело «незнакомых» и даже «неприятных».

Словом, не было привычки работать не в кругу «своих», а в кругу не равных тебе, но независимых от тебя и ориентированных не на тебя, а на выдвинувшие их силы руководителей.

Тем более Н. С. Хрущев не понимал, что ход преобразований и успех его дела обязательно ведут к ослаблению его личной власти, к росту демократии. Напротив, с годами у Н. С. Хрущева усиливались черты, которые были адекватны лидеру той самой административной системы, на которую Хрущев поднял руку.

Получалось внутреннее противоречие — устраняя культ личности, Хрущев оказался не готов к тому, что будут по капле выдавливать из себя рабов не только он, но и все его подчиненные, весь народ, и соответственно не мог спокойно понять и принять процесс ослабления и уменьшения своей личной роли в преобразованиях и роста вместо этого роли нового механизма — механизма демократии.

Этот конфликт логики дела и логики личности не мог не привести Н. С. Хрущева к краху, даже если бы он не допустил и генеральных политических ошибок в оценке сути прошлого и в выборе будущего пути.

Необходимая и неизбежная концентрация власти для начала преобразований лично в руках ведущего лидера перемен и в руках подблюдаемого лично им аппарата оказывается на следующем этапе — и как раз в случае растущего успеха преобразований — все более серьезной помехой этих преобразований, требующих постоянных перемен в их движущих силах и в их руководящих звеньях.

Если первая ошибка Хрущева — неправильное представление о связи культа личности с самой идеей административного социализма, если вторая его ошибка — представление о том, что на почве административного социализма (после выкорчевки культа личности) может вырасти какой-то приемлемый для людей новый коммунизм, и провозглашение борьбы за этот строй, то третья ошибка Хрущева — идея персонификации перемен, неправильное представление о самом механизме пре-

образований, который он замкнул на себя и свой аппарат.

И главный урок для нас тоже очевиден. Невозможно осуществить преобразований без яркого, активного, готового идти до конца по избранному пути лидера. Но одновременно, каким бы выдающимся ни был лидер, сама суть того, что надо сделать, сама природа формирующейся новой системы требует превращения масс из зрителей в участников, в главные и решающие силы. Персонификация, неизбежная в начале процесса, должна перейти из авторитарной в харизматическую, из моноистической — в систему, где необходимо взаимодействие с оппозицией. Руководство из личностного должно постепенно преобразовываться в демократическое — по мере активизации основных сил общества, осознания ими своих интересов, выдвижения ими своих лидеров.

Только открытая политическая борьба может отразить и решить грандиозные по сложности задачи перестройки, и персонифицированный механизм обязательно должен уступить место плюрализму демократии. При этом партии и руководству, призвавшим народ к выходу из тупика, надо быть готовыми ко всему — вплоть до временного перехода на роль оппозиции. Демократия не исключает и такие варианты.

Возникает вопрос из тех, которыми переполнена наша история и которые правомерны в силу субъективной волевой основы всей истории: мог ли Хрущев пойти по другому пути? Могла ли эпоха Хрущева стать эпохой краха административной системы как таковой, эпохой перехода к принципиально новой модели социализма? Другими словами, могла ли личность другого плана добиться большего, чем Хрущев?

Теоретически на этот вопрос я отвечаю утвердительно. Я уже писал об одном из главных факторов — готовности крестьянства в 1953 году немедленно взять землю, так как это были семьи, еще помнившие свое собственное хозяйство. В городах была развитая промышленная кооперация, которая легко могла стать базой преобразований в сфере услуг и производства ширпотреба. Народ привык к низкому уровню потребления и был исключительно чувствителен к любым материальным поощрениям за итоги труда. В партии сохранилась демократическая конкурсная система альтернативных выборов всех коллективных органов, начиная с низовых партийных бюро, так как число кандидатов могло превышать численность будущих парторганов и становился обязательным отсев менее популярных претендентов в руководители. Аппарат не привык тогда к значительным привилегиям, он гордился «народным» происхождением, он был воспитан в духе выполнения директив и не накопил гигантского опыта «амортизации» воли верха и опыта формирования воли верха.

Один из главных факторов — мы имели во многих областях мало уступающую мировому уровню науку и технику, и в сфере науки и техники проблема «догнать» была не столь уж острой. Уже был базисный ракетно-ядерный щит.

Конечно, были и мощные противодействующие факторы — идеология, уровень руководящих кадров, привычка рабочего класса целиком зависеть от зарплаты, разоренное сельское хозяйство, лысенковщина, ждановщина. Были живы участники и организаторы репрессий.

И все же надо сказать, что ситуация была неизмеримо проще для преобразований, чем в 1965-м и тем более в 1985 годах. Правда, вариант преобразований скорее всего был ближе к нэпу, ближе к модели, реализованной Китаем сразу после Мао, — в сфере села, обращения, услуг.

Ввиду неготовности народа взять на себя функции преобразования они в ту эпоху потребовали бы на много лет какого-то варианта авторитарной систе-

мы, ориентированной на стремление лидера внести перемены.

Но это все при условии, что на месте Н. С. Хрущева был бы не он, а другой лидер, ориентированный на принципиально новый вид социализма.

А вот возможность того, что среди наследников Сталина появится лидер такого типа, на мой взгляд, была минимальной.

Среди наследников Сталина, претендующих на власть, не было никого, включая и Л. П. Берия, и Г. М. Маленкова, кто бы не думал о коренных переменах. Но далеко не случайно, что среди них не было противника административного социализма.

Власть закрепил за собой тот, у кого протест против культа личности был выражен наиболее ярко. Думаю, что именно народничество, популизм Хрущева, его близость к массам предопределили и его решимость и ту поддержку, которую он получил. Трудно выявлять связи в исключительно сложном звене «массы — лидер», но я убежден, что тогда масса уже созрела до разрыва с культом личности и Хрущев это как-то ощущал.

Но в отношении будущего ни массы, ни партия не были готовы к какой-то программе, кроме очищения административного социализма и возврата к его «истокам». И здесь Хрущев — слепок с тогдашнего общества.

Можно теоретически «вычислить», что в окружение Сталина легче было войти, закрепиться и уцелеть именно популисту, чем интеллектуалу. Можно предвидеть, что поэтому именно из популистов скорее мог выдвигаться новый, сменяющий Сталина лидер.

Но точно так же можно понять, что не приходилось рассчитывать на появление — я не говорю сознательного врага административного социализма, но хотя бы лидера, способного по личным качествам, опыту и образованию к развитию в направлении разрыва с административным социализмом.

В общем, страна получила такого лидера, к которому она была готова в то время. Видимо, в истории вообще мало случайного.

* * *

Первая историческая атака на административный социализм закончилась поражением. Беды отождествили с культом личности и, вынеся Сталина из Мавзолея, сочли проблему решенной. То, что административный социализм пронизал все поры нашего общества, проник в каждую клетку нашего тела и мозга, тогда мы еще не понимали.

Следствием провала Н. С. Хрущева стал не только бюрократический социализм. Объективно имевшиеся в стране возможности иного типа преобразований не могли не сказаться на формировании целого слоя личностей, которых мы теперь называем «детьми XX съезда». Я как-то уже писал о том, что глотки свежего воздуха, которые мы тогда вдохнули, само ощущение права критически осмыслить свое прошлое, права размышлять о своем будущем уже никогда не могли быть забыты. В широком смысле слова к этому поколению принадлежит и М. С. Горбачев.

Эпоха преобразований Хрущева создала питательную среду, в которой появились и стали развиваться люди, которые — в том числе и на основе анализа эпохи Хрущева — пришли к выводам о сути административного социализма, о его исторической бесперспективности, о необходимости завершить эксперимент на его базе и начать поиск новых основ жизни миллионов людей.

Два цвета на надгробном памятнике Н. С. Хрущева. Два. Хотелось бы сохранить именно этот памятник и у Кремлевской стены, где по праву должен покоиться этот человек.

ПОЭТ СВЕРХЧЕЛОВЕКА

Дмитрий МЕРЕЖКОВСКИЙ

Почему приблизился к нам Лермонтов? Почему вдруг захотелось о нем говорить?

Рассказывают, будто бы у Лермонтова был такой «тяжелый взгляд», что на кого он смотрел пристально, тот невольно оборачивался. Не так ли мы сейчас к нему обернулись невольно?

Стихи его для нас, — как заученные с детства молитвы. Мы до того привыкли к ним, что уже почти не понимаем. Слова действуют помимо смысла.

Помню, когда мне было лет 7—8, я учил наизусть «Ангела» из старенькой хрестоматии с истрепанным зеленым корешком. Я твердил: «По небу полнучи», не понимая, что «полнучи» — родительный падеж от «полночь»; мне казалось, что это два слова: «по» и «лунночь». Я видел картинку, изображавшую ангела, который летит по темно-синему, лунному небу: это и была для меня «лунночь». Потом узнал, в чем дело, но до сих пор читаю: «по небу, по лунночи», бессмысленно, как детскую молитву.

*Есть сила благодатная
В созвучьи слов живых
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.*

Я также узнал, что нельзя сказать «Из пламя и света», а надо: из пламени. Но мне нравилась эта грамматическая ошибка: она приближала ко мне Лермонтова.

Потом, в 12—13 лет, я уже для собственного удовольствия учил его наизусть. Переписывал «Мцыри» тщательно, в золотообрезную тетрадку, и мне казалось, что эти стихи я сам сочинил.

Пушкина я тогда не любил: он был для меня взрослый; Лермонтов такой же ребенок, как я.

*В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полет
Прилежный взор следить бы мог.*

Вот чего Пушкин не сказал бы ни за что. Взор его был слишком трезв, точен и верен действительности. Он говорит просто:

*Последняя туча рассеянной бури,
Одна ты несешься по ясной лазури.*

Но эта пушкинская «ясная лазурь» по сравнению с бездонно-глубоким лермонтовским небом казалась мне плоской, как голубая эмаль.

С годами я полюбил Пушкина, понял, что он велик больше, чем Лермонтов. Пушкин оттеснил, умалил и как-то обидел во мне Лермонтова: так иногда взрослые нечаянно обижают детей. Но где-то в самой глубине души остался уголок, не утоленный Пушкиным.

Я буду любить Пушкина, пока я жив; но когда придет смерть, боюсь, что это примирение:

*И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять,—*

покажется мне холодным, жестоким, ничего не примиряющим, и я вспомню тогда детские молитвы, вспомню Лермонтова.

«Русская мысль», 1909 г., № 3. Печатается с сокращением.

Не потому ли уже и теперь сквозь вечеряющий пушкинский день таинственно мерцает Лермонтов, как первая звезда.

Пушкин — дневное, Лермонтов — ночное светило русской поэзии. Вся она между ними колеблется, как между двумя полюсами — созерцанием и действием.

Голос Божий пророку:

Глаголом жги сердца людей,—
услыхал Пушкин, но не последовал ему, не сделался пророком, идущим к людям, а предпочел остаться жрецом, от людей уходящим:

*Подите прочь! Какое дело
Поэту мирному до вас?*

Поэт — жрец, а жертва Богу — жизнь людей. Толпа не зажигается огнем пророка, а «плюет на алтарь», где горит огонь жреца.

В жизни Пушкин весь на людях, но в творчестве один.

Ты — царь; живи один.

Лермонтов обратно: в жизни — один, в творчестве идет к людям; пусть не доходит, но идет, пусть ненавидит, но не бесстрастен.

*...Не для битв
Мы рождены,—*
говорит Пушкин.

Бывало, мерный звук твоих могучих слов

Воспламенял бойца для битвы,—
говорит Лермонтов. Поэт — кинжал, «спутник героя».

*Не по одной груди провел он
страшный след
И не одну порвал кольчугу.*

Созерцание, отречение от действия для Пушкина — спасение, для Лермонтова — гибель поэта, ржавчина клинка.

Игрушкой золотой он блещет на стене,

Увы, бесславный и безвредный...

Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк,

*Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножен не вырвешь свой клинок,*

Покрытый ржавчиной презренья?

У Пушкина жизнь стремится к поэзии, действие к созерцанию; у Лермонтова поэзия стремится к жизни, созерцание — к действию.

На первый взгляд может казаться, что русская литература пошла не за Пушкиным, а за Лермонтовым, захотела быть не только эстетическим созерцанием, но и пророческим действием — «глаголом жечь сердца людей».

Стоит, однако, взглянуть пристальнее, чтобы увидеть, как пушкинская чара усыпляет буйную стихию Лермонтова.

*И на бунтующие волны
Льет умирительный елей.*

В начале — буря, а в конце тишь да гладь. Тишь да гладь — в созерцательном аскетизме Гоголя, в созерцательном эстетизме Тургенева, в православной реакции Достоевского, в буддийском неделании Л. Толстого. Лермонтовская действительность вечно борется с пушкинской созерцательностью, вечно ею побеждается и сейчас побеждена как будто окончательно, раздвлена.

Вот одна из причин того, что о Пушкине говорили много и кое-что сказали, о Лермонтове говорили мало и ничего не сказали; одна из причин того, что

пушкинское влияние в русской литературе кажется почти всем, лермонтовское — почти ничем.

Другая причина того же указана в статье Вл. Соловьева о Лермонтове, недаром предсмертной — как бы духовном завещании учителя ученикам.

* * *

«Я вижу в Лермонтове прямого родоначальника того направления чувств и мыслей, а отчасти и действий (тут упоминание о действительности чрезвычайно важно), которое для краткости можно назвать «нищанством». — Глубочайший смысл деятельности Лермонтова освещается писаниями его ближайшего преемника Ницше».

Сверхчеловечество, по мнению Вл. Соловьева, есть не что иное, как ложно понятое, превращенное богочеловечество. Лермонтов не понял своего призвания «быть могучим вождем людей на пути к сверхчеловечеству» истинному, то есть к богочеловечеству, к христианству, и потому погиб. Христианства же не понял, потому что не захотел смириться. А «кто не может подняться и не хочет смириться, тот сам себя обрекает на неизбежную гибель».

В 1840 году в черном отпуске полковой канцелярии при штабе генерал-адъютанта Граббе, отправленном в Петербург, на запрос военного министра о поручике Лермонтове сказано: «служит исправно, ведет жизнь трезвую и ни в каких злокачественных поступках не замечен».

Полковой писарь оказался милосерднее христианского философа. В посмертном отпуске Вл. Соловьева вся жизнь Лермонтова — непрерывная цепь «злокачественных поступков».

«С детства обнаружили в нем черты злобы прямо демонической. В саду он то и дело ломал кусты и срывал лучшие цветы, осыпая ими дорожки. Он с истинным удовольствием давил несчастную муху и радовался, когда брошенный камень сбивал с ног бедную курицу. Взрослый Лермонтов совершенно так же вел себя относительно человеческого существования, особенно женского. И это демоническое сладострастие не оставляло его до горького конца. Но с годами демон кровожадности слабеет, отдавая большую часть своей силы своему брату, демону нечистоты», — того, что Вл. Соловьев называет «свинством». Эротическую музу Пушкина сравнивает он с ласточкой, которая, пролетая над грязною лужей, не задевает ее крылом и «щебечет что-то невинное»; «порнографическую» музу Лермонтова — с «лягушкою, прочно засевшею в тине». — Здесь любопытно это общепринятое побивание Лермонтова Пушкиным: одному все прощается, другому каждое лыко в строку.

Наконец к первым двум демонам присоединился главнейший и сильнейший демон гордости, так что в душе его «завелось целое демоническое хозяйство». Все доброе, но слишком слабое, что у него еще было — несколько «субъективных усилий» в борьбе с демонизмом, — заглохло окончательно, и он безвозвратно устремился к гибели.

Дуэль с Мартыновым — «этот безумный вызов высшим силам» — была последним и самым «злокачественным поступком» Лермонтова. «Бравый майор Мартынов», как называет его Вл. Соловьев, или попросту «Мартышка», как называл его Лермонтов (это в самом деле «мартышка», обезьяна

Лермонтова, то же для него, что Грушницкий для Печорина, Смердяков для Ив. Карамазова), оказался орудием небесной кары за бесовскую «кровожадность», бесовское «сладострастие» и бесовскую «гордыню» Лермонтова. И небесное знамение подтвердило праведную месть: «в страшную грозу, при блеске молнии и раскатах грома перешла эта бурная душа в иную область бытия».

Конец Лермонтова у Вл. Соловьева напоминает конец Фауста. Потомок шотландского чернокнижника Фомы Лермонтова и предок немецкого антихриста Ницше не мог иметь иного конца.

«Конец Лермонтова и им самим и нами называется гибелью», — заключает Вл. Соловьев. — Выражаясь так, мы не представляем себе, конечно, театрального провала в какую-то преисподнюю, где пляшут красные черти». Оговорка дела не меняет: какого бы цвета ни были черти, нет сомнения, что Вл. Соловьев Лермонтова отправил к чертям. Он дает понять, что конец его не только временная, но и вечная гибель.

Над поэтом произносится такой же беспощадный приговор, как над человеком.

«Осталось от Лермонтова несколько истинных жемчужин поэзии», затерянных в навозной куче «свинства», в «обуявшей соли демонизма, данной на поприще людям, по слову Евангелия; могут и должны люди попить эту обуявшую соль с презрением и враждою, конечно, не к погибшему гению, а к погубившему его началу человекоубийственной лжи».

Спасти Лермонтова от вечной гибели нельзя; но, чтобы «хоть сколько-нибудь уменьшить ужас, на который он обречен и который неизмеримо ужаснее «пляшущих красных чертей», мы должны «обличать ложь воспетого им демонизма», то есть ложь всей Лермонтовской поэзии, чья сущность, по мнению Вл. Соловьева, и есть не что иное, как демонизм, превращенное сверхчеловечество.

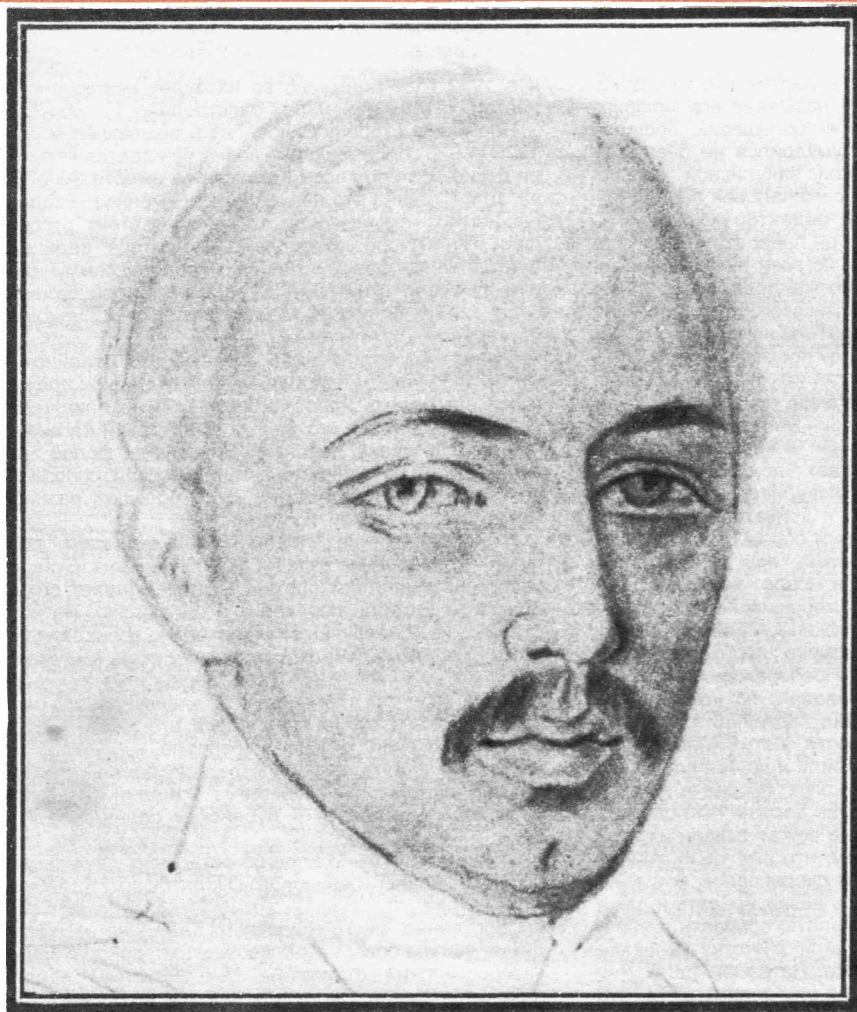
О. Матфей советовал Гоголю сжечь свои писания; Вл. Соловьев почти то же советует нам сделать с писаниями Лермонтова.

В этом приговоре нашла себе последнюю выражение та глухая ненависть, которая преследовала его всю жизнь.

Добрый старичок Плетнев, друг Пушкина, называл Лермонтова «фокусником, который своими гримасами напоминал толпе Пушкина и Байрона». Современный присяжный поверенный Спасович утверждает, что Лермонтову «можно удивляться, но любить его нельзя». Достоевский, так много сказавший о Пушкине, ни слова не говорит о Лермонтове, которому в мистике своей обязан едва ли не более, чем Пушкину, а единственный раз, когда вспомнил о Лермонтове, сравнил его с «бесноватым» Ставрогиным, по силе «демонической злобы»: «в злобе выходил прогресс даже против Лермонтова». Пятигорские враги поэта, натравливая на него Мартынова, говорили, что пора «проучить ядовитую гадину». Одна «высокопоставленная особа», едва ли не император Николай I, узнав о смерти Лермонтова, вздохнула будто бы с облегчением и заметила: «туда ему и дорога!» — а по другому, не психологически, а лишь исторически недостоверному преданию, воскликнула: «собака собачья смерть!»

Таким образом, Вл. Соловьев нанес

ЖЕЧЕСТВА

М. Ю. Лермонтов. Акварель А. Клюндера (Государственный Литературный музей, Москва).

Лермонтову только последний, так называемый «милосердный удар», coup de grâce. Мартынов начал, Вл. Соловьев кончил; один казнил временной, другой — вечною казнью, которую предчувствовал Лермонтов:

*И как преступник перед казнью,
Ищу кругом души родной.*

Казнь совершилась, раздавлена «ядовитая гадина», лучезарному Аполлону-Пушкину принесен в жертву дионисовский черный козел — козел отпущения всей русской литературы — Лермонтов.

Откуда же такая ненависть?

«Смирись, гордый человек!» — воскликнул Достоевский в своей пушкинской речи. Но с полной ясностью не сумел определить, чем истинное Христово смирение сынов Божьих отличается от мнимохристианского рабского смирения. Кажется, чего другого, а смирения всяческого — и доброго и злого — в России довольно.

Смирению учила нас русская природа — холод и голод — русская история: византийские монахи и татарские ханы, московские цари и петербургские императоры. Смирал нас Петр, смирал Бирон, смирал Аракчеев, смирал Николай I; ныне смиряют карательные экспедиции и ежедневные смертные казни. Смирят вся русская литература.

Если кто-нибудь из русских писателей начинал бунтовать, то разве только для того, чтобы тотчас же покаяться и еще глубже смириться. Забунтовал Пушкин, написал оду Вольности и смирился — написал оду Николаю I, благословил казнь своих друзей, декабристов:

*В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.*

Забунтовал Гоголь — написал первую часть «Мертвых душ» и смирился — сжег вторую, благословил крепостное право. Забунтовал Достоевский, пошел на каторгу — и вернулся проповедником смирения. Забунтовал Л. Толстой, начал с анархической синицы, собивавшейся море зажечь, и смирился — кончил непротавлением злу, проклятием русской революции.

Где же, где, наконец, в России тот «гордый человек», которому надо смириться? Хочется иногда ответить на этот вечный призыв к смирению: докуда же еще смиряться?

И вот один-единственный человек в русской литературе, до конца не смирившийся, — Лермонтов.

Потому ли, что не успел смириться? — Едва ли.

Источник лермонтовского бунта не эмпирический, а метафизический. Если бы продолжил этот бунт в бесконечность, он, может быть, привел бы к ино-

му, более глубокому, истинному смирению, но, во всяком случае, не к тому, которого требовал Достоевский и которое смешивает свободу сынов Божьих с человеческим рабством. Ведь уже из того, как Лермонтов начал свой бунт, видно, что есть в нем какая-то религиозная святость, от которой не отречется бунтующий, даже под угрозой вечной гибели, той «преисподней, где пляшут красные черти».

Этой-то метафизической и религиозно утверждающей себя несмирности, несмиримости и не могла простить Лермонтову русская литература. Все простила бы, только не это — не «хулу на Духа», на своего смиренного духа.

*Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами.
Глупец! хотел уверить нас,
Что Бог гласит его устами.
Смотрите ж, дети, на него,
Как он угрюм, и худ, и бледен,
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!*

Вот за что обречен был Лермонтов на страшную казнь в сем веке и будущем.

Вл. Соловьев уверяет, будто бы любил Лермонтова. «Вы мне поверите, что прежде чем говорить о Лермонтове, я подумал, чего требует от меня любовь к умершему». Но уж если любовь такова, что вбивает, так сказать, основной кол в горло покойнику, то какова же ненависть?

Любовь или ненависть, во всяком случае, такая страсть в этой борьбе, которая возможна только тогда, когда враг врагу чересчур близок. Вл. Соловьев и Лермонтов — родные братья, Амель и Каин русской литературы; но здесь совершается обратное убийство: Амель убивает Каина.

Борьба многих смиренных с одним «гордым человеком» происходила до сих пор в темноте, как бы ошупью; слышно было только, что кого-то ловили, давили, душили и никак не могли задушить окончательно. Но кого именно, не было видно. Никто не смел заглянуть в лицо избиваемой нечисти, словно упырю или оборотню. Вл. Соловьев первый осмелился, не опустил глаз перед невыносимо тяжелым взором Лермонтова и, глядя ему прямо в глаза, произнес «сверхчеловек». И слово это, как свеча, вдруг поднесенная к лицу оборотня, осветило его. Верно это или неверно, во всяком случае, дело тут идет именно об этом.

Борьба сверхчеловечества с богочеловечеством для нас не только настоящее, но и будущее, наша вечная злоба дня. Вот почему мы должны были обернуться в ту сторону, откуда уставились на нас эти тяжелые глаза; вот почему незапамятно давний, почти забытый, детский Лермонтов так внезапно вырос и так неотступно приблизился к нам...

«Смирись, гордый человек!» Ну, вот и смирились. Во внешней политике — до Цусимы, а во внутренней — до того, о чем и говорить непристойно, до Ната Пинкертон. Начать Пушкиным и кончить Натом Пинкертоном, — что бы сказал Достоевский о таком смирении?

Нельзя, конечно, обвинять ни Пушкина, ни Достоевского за то, что сейчас происходит в русской литературе и в русской действительности. Но должна же существовать какая-нибудь связь между последним полвеком нашей литературы и нашей действительности, между величием нашего созерцания и ничтожеством нашего действия. Кажется иногда, что русская литература истощила до конца русскую действительность: как исполненный единственный цветок Victoria Regia, русская действительность дала русскую литературу и ничего уже больше дать не может. Во сне мы были как боги, а наяву людьми еще не стали.

Однажды, было, спящий великан проснулся, рванулся к действию, но и действие оказалось продолжением сна — и снова рухнул великан на свой тысячелетний одр.

Что если он уже больше никогда не проснется, если это последний смертный сон?

И баюкает его колыбельная песня всей русской литературы:

*Не для житейского волнения,
Не для корысти, не для битв,—
Мы рождены для вдохновения,
Для звуков сладких и молитв.*

Правда, в последнее время эти «сладкие звуки» перешли как-то незаметно в уныло-веселую песенку чеховского героя, в «тарара-бумбия». Но глубочайшая метафизическая сущность русской литературы, русской действительности и в этой песенке все та же, созерцательная бездейственность, «безпорывность нашей правды», которую прославил в Пушкине сначала Гоголь, а затем Достоевский: «смирись, гордый человек!»

Это пушкинское начало, кажется, именно сейчас достигло своего предела, победило окончательно и, победив, изнемогло. Пушкинское солнце закатилось в кровавую бурю. Когда же и буря прошла, наступила слякоть, серые петербургские сумерки —

Ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет.

И рыщет в этих сумерках единственный деятель среди всеобщего созерцания — Нат Пинкертон, вечный провокатор, «самый обыкновенный черт с хвостом датской собаки».

Как лунатики, мы шли во сне и очнулись на краю бездны.

Что же привело нас к ней?

Созерцание без действия, молитва без подвига, великая литература без великой истории — это никакому народу не прощается — не простилось и нам.

На этой-то страшной мертвой точке, на которой мы сейчас находимся, не пора ли вспомнить, что в русской литературе, русской действительности, кроме услышанного призыва: смирись, гордый человек, — есть и другой, не услышанный: восстань, униженный человек, — кроме последнего смирения есть и последний бунт, кроме Пушкина есть и Лермонтов?

Противоположение пушкинского созерцательного и лермонтовского деятельного начала не эмпирическое, а метафизическое. Никакого действия нет и у Лермонтова, так же как у Пушкина: вся разница в том, что один спасается, другой погибает в бездействии.

Пушкин кажется более народным, чем Лермонтов. Но если русскому народу религиозная стихия родная, то Лермонтов не менее, а может быть, и более народен, чем Пушкин.

*Дам тебе я на дорогу
Образок святой,
Ты его, моляся Богу,
Ставь перед собой.*

Не от «благословенного» Пушкина, а от «проклятого» Лермонтова мы получили этот «образок святой» — завет матери, завет родины. От народа к нам идет Пушкин; от нас — к народу Лермонтов; пусть не дошел, он все-таки шел к нему. И если мы когда-нибудь дойдем до народа в предстоящем религиозном движении от небесного идеализма к земному реализму, от старого неба к новой земле — «Земле Божией», «Матери Божией», то не от Пушкина, а от Лермонтова начнется это будущее религиозное народничество.

Скрытую борьбу с Лермонтовым была, донныне вся русская литература; — не предостит ли нам борьба с Пушкиным?

С вечною истиной бороться нельзя. Пушкин — такая же вечная истина, как Лермонтов, или, вернее, одна из двух половин этой истины. Нельзя бороться с Пушкиным, как с одним из двух, но можно, как с единственным.

Вопрос не в том, как Пушкина победить Лермонтовым, — вопрос, от которого зависит наше спасение или погибель: как соединить себя с народом, наше созерцание с нашим действием, Пушкина с Лермонтовым?

Кремль, 20-е годы

Борис БАЖАНОВ

ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШЕГО СЕКРЕТАРЯ СТАЛИНА

Ш из остальных членов Политбюро ни Рыков, ни Томский лидерами не являются и на лидерство не претендуют. Алексей Иванович Рыков до революции вел и подпольную работу в России, был и с Лениным в эмиграции. После революции он стал министром внутренних дел, но эта работа явно не для него: революции нужна Чека, стенка, «Алмаз». Рыков же человек мирный, толковый и способный технократ. Он становится председателем Высшего Совета Народного Хозяйства, а после смерти Ленина — номинальным главой правительства. У него есть слабость: он любит выпить. Население, впрочем, называет водку «рыковкой». Это его обижает. Выпивши в тесном кругу советских вельмож, он говорит, заикаясь, как всегда: «Не понимаю, почему они называют ее р-рыковкой?». Ни особенных талантов, ни особенных недостатков у него нет. Здравый смысл есть несомненно. Он его и погубит, когда Сталин затеет свою кошмарную коллективизацию. Несмотря на свою умеренность и осторожность, Рыков не может согласиться с таким разгромом деревни и сельского хозяйства. Тогда он вступит на путь оппозиции, а при Сталине этот путь ведет в лубянский подвал: туда он и придет в 1938 году, после всех унижений комедий, которыми Сталин наслаждается при истреблении своих жертв.

Миша Томский стоит во главе советских профсоюзов. В ЦК он входит с 1919 года, в Оргбюро — с 1921-го, в Политбюро — с 1922-го. Он принадлежит к числу осторожных цехистов, в борьбе за власть участия не принимает, переходит на сторону победителей (когда победители уже вполне ясны). У него есть слабое место — он глохнет, слышит плохо, на заседаниях Политбюро по особенно интересующим его вопросам становится перед самым оратором, чтобы слышать то, что он говорит. Он бесцветен, как бесцветно в советской системе представляемое им учреждение. Хотя он вовремя переходит на сторону Сталина, придет момент, когда он начнет стесняться Сталина самым фактом, что он старый член Политбюро ленинских времен, знающий все о Сталине и, несмотря на все внешние признаки подчинения, в душе никаких качеств за «великим и гениальным» вождем не признающий. И хотя Томский будет стараться держаться в стороне от оппозиционной шумихи, наступит момент (1936), когда Сталин решит, что пора ликвидировать и его. Впрочем, он по обычному пути сталинских жертв не пойдет — когда придут его арестовать, он предпочтет застрелиться.

Николай Иванович Бухарин — один из самых способных членов Политбюро. Лицо редькой, живой,

остроумный, он привлекает в партии все симпатии. Даже Ленин в «завещании» называет его «любимцем» партии. Он тоже давний большевик, общался с Лениным за границей, но умудрился не очень погрязнуть в интригах и мелкой закулисной борьбе. Он прежде всего и больше всего человек пера. Журналист, публицист. Главный редактор «Правды» — центрального органа партии, он превратил ее в газету, постоянно задающую тон по всей линии руководства. Член ЦК он давно, но кандидатом в члены Политбюро стал лишь после десятого съезда, в 1921 году. Тогда он был избран третьим кандидатом в Политбюро. Но в следующем году после съезда он стал уже первым кандидатом, и так как с этого времени Ленин практически из Политбюро вышел и на заседаниях отсутствует, то Бухарин участвует в работе Политбюро как полноправный член. В 1924 году, после смерти Ленина, он станет членом Политбюро.

В партии распространена неверная характеристика Бухарина как схоластика и догматика. На самом деле, он совсем не догматик и совсем не теоретик. В первые два года коммунизма, веруя (как и все прочие вожди), что строится новое, коммунистическое общество, он, обладая хорошим пером вулгаризатора, написал труд с изложением всех марксистских благоглупостей «Экономика переходного периода», а затем вместе с Преображенским очень популярную «Азбуку Коммунизма», по которой вся партия, и в особенности новая партийная молодежь учились коммунизму. В сущности, в этих книгах написано то, что в это время говорили и другие вожди, до Ленина включительно. Но когда обозначился быстрый крах коммунизма и Ленин должен был сделать нэповский поворот, остальные вожди вышли из этой истории с тем преимуществом, что они таких трудов не писали, а Бухарина и его скороспелое коммунистическое общество пришлось дезавуировать и даже эти две книги втихомолку скупать, собирать и уничтожать. А к Бухарину приклеили этикетку увлекательного теоретика и догматика. На самом деле, ему просто не повезло. Профессия его — писать. То, что другие думали и говорили, он писал. То, что делалось, изменяли, а «то, что написано пером, того не вырубишь топором». И оппозиционеры грубо остряли: «Замечательное у нас Политбюро: два заикало (это Молотов и Рыков, оба заикаются), один ошибало (Бухарин) и один вышибало» (это, конечно, товарищ Сталин).

Между тем Бухарин человек умный и способный. На заседаниях Политбюро никаких марксистских глупостей он не произносит, а, наоборот, выступает толково и дельно. И дело говорит, и острит, и мыслю играет. Что он умело скрывает, это глубину своих стремлений к власти. Здесь он ленинский ученик, и ленинская школа не прошла для него бесследно. Но в настоящем периоде, когда все решается взятием в руки партийного аппарата, у него никаких шансов, кроме того, чтобы быть на вторых ролях и участвовать в верхушечных партийных интригах. Во всяком случае, первый трудный выбор (между Зиновьевым и Сталиным) удается ему легко — он проходит это узкое место с успехом — в лагере победителя.

В Институте Красной Профессуры, который представляет собой резерв молодых партийных карьеристов, чрезвычайно занятых решением проблемы, на какую лошадь поставят, большинство склоняется в сторону Бухарина. Он импонирует своей талантливостью. Троцкий тоже талантлив, но он явно бит. Зиновьева не считают вождем, к Сталину не питают никакого ни уважения, ни доверия. Вокруг Бухарина образуется группа молодых, довольно культурных и часто способных членов партии. В течение нескольких лет, пока Бухарин близок к вершинам, из них будут щедро черпаться те кадры, где нужна некоторая культурность: отсюда выйдут и заведующие Агитпропом и Отделом печати ЦК, и редакторы «Правды», и руководители советской истории, философии и т. д. Это Стэн, братья Слепковы, Астров, Марецкий, Стецкий, Карев, Ломинадзе, Поспелов, Митин и другие. Оппозиция называет их презрительно и собирательно «стецкие-марецкие». Несколько лет они будут задавать тон в печати, но с падением Бухарина последует их безжалостная чистка,

и в 1932 году большинство их будет исключено из партии, а в 1937—1938-м расстреляно.

Не приняв сторону Зиновьева в решающей борьбе 1925—1926 годов, Бухарин вознаграждается тем, что он становится во главе Коминтерна вместо Зиновьева. Для Сталина это назначение временное. Сталину неприятно, что во главе Коминтерна стоит русский член Политбюро: формально Коминтерн ведь как будто бы высшая инстанция мирового коммунизма и формально стоит над Сталиным. Скоро Бухарин будет заменен послушным Молотовым и, наконец, болгарин Димитровым.

К чести Бухарина надо сказать, что сталинскую мясорубку — идти напролом к коммунизму, и прежде всего разгромить крестьянство — он не принимает. Он бы мог, как все остальные молотовы и кагановичи, дуть в дудку нового хозяина. Тем более что, в сущности, к троцкистско-зиновьевской оппозиции он симпатии не питает, не видя большой разницы между их политикой и сталинской.

И когда Сталин окончательно выбирает свой путь — упразднение нэпа и разгром деревни, Бухарин энергично выступает против. Сталин удаляет его от власти, и Бухарин переходит в оппозицию. Но хотя сталинские сподручные старательно приклеивают его к троцкизму, амальгама эта целиком выдуманна, по существу, Бухарин чужд как троцкистско-зиновьевскому блоку, так, конечно, и сталинской политике. Многие годы Сталин преследует его умеренно: он исключен из ЦК только в феврале 1937 года. Но наступает и бухаринский черед. И после обычной низкой сталинской судебной комедии в марте 1938 года спускается в лубянский подвал и Бухарин...

Скажем несколько слов об остальных двух кандидатах в члены ленинского Политбюро: Калинине и Молотове.

Собственно, много говорить о Калинине не приходится. Фигура совершенно бесцветная, декоративный «всероссийский староста», был Лениным введен в Политбюро зря. Здесь его терпели и совсем с ним не считались. На официальных церемониях он выполнял свои сугубо сусальные-крестьянские функции. Никогда он не имел никаких претензий ни на какую самостоятельность и всегда покорно шел за тем, кто был у власти...

Даже позже, когда Сталин проводил гигантское истребление деревни, Михалыч, хорошо знавший деревню, делал вид, что ничего особенного не происходит, самое большее, не выходил из того добродушно-старческого ворчания, к которому Политбюро давно привыкло как к чему-то, не имеющему никакого значения. Короче говоря, был Михаил Иванович ничтожен и труслив, почему и прошел благополучно все сталинские времена, умер в своей постели и удостоился того, что город Кенигсберг стал называться Калининград. В 1937 году Сталин приказал арестовать его жену. Михаил Иванович и глазом не моргнул: трудные были времена.

О Вячеславе Михайловиче Молотове мне выше не раз приходилось говорить. В истории сталинского восхождения к вершинам власти он сыграл очень крупную роль. Но сам он на амплуа первой скрипки никогда не претендовал. Между тем он прошел очень близко от этой роли. В марте 1921 года он избирается ответственным секретарем ЦК и кандидатом в члены Политбюро. В течение года у него в руках будет весь аппарат ЦК. Но в марте 1922 года Зиновьев, организовав свою тройку, захочет посадить на аппарат ЦК Сталина, сделав его генеральным секретарем и отодвинув в аппарате Молотова на второе место — второго секретаря ЦК. Расчет Зиновьева: нужно сбросить Троцкого, а Сталин — явный и жестокий враг Троцкого. Зиновьев и Каменев предпочитают Сталина. И Молотов не только подчиняется, но и становится верным лейтенантом Сталина, из-под которого он никогда не пытается выбраться; Зиновьеву же и Каменеву он мстит потом с удовольствием, а также Троцкому, который почему-то Молотова невзлюбил (впрочем, не «почему-то»: Троцкий живет абстракциями; из Молотова он создал воплощение «бюрократического перерождения партии»).

Вслед за тем Молотов всегда и постоянно идет за Сталиным; он проводит всю самую серьезную работу

по подбору людей партийного аппарата — секретарей крайкомов и губкомов — и созданию сталинского большинства в ЦК. Он десять лет будет вторым секретарем ЦК. Когда Сталину нужно, он будет председателем Совнаркома и СТО; когда нужно, будет стоять во главе Коминтерна; когда нужно, будет министром иностранных дел.

Замечательно, что и с ним Сталин проделывает тот же прием, что и со многими другими своими лейтенантами, — арест жены, в то время как сам сталинский приближенный продолжает находиться в его милости; мы уже видели, что это было проделано и с Калининым, и с Поскребышевым. Жена Молотова — еврейка. Под партийной кличкой «Жемчужина», она, видная партичка, стоит во главе парфюмерной промышленности. Сталин арестовывает ее и отправляет в ссылку (а ссылка эта совсем не типа царской). Молотов, конечно, терпеливо это переносит. Но это неудивительно. Замечательно другое. Когда Сталин умер и жена Молотова из ссылки вернулась, и она, и Молотов — твердые сталинцы. Молотов неодобрительно относится к предпринятой Хрущевым десталинизацией. И он, и Каганович, и Маленков — убежденные сталинцы, и при первом же удобном случае (1957 г.) пытаются свергнуть Хрущева. Что им не удается и стоит окончательной потери всех постов и мест в партийной иерархии с окончательным выходом в тираж.

Почему Молотов хочет возвращения сталинских методов? Ностальгия по временам, когда в руках была власть чингисхановская, когда все дрожало и никто в стране пикнуть не смел? Может быть, и более реальный расчет...

Чем сильнее террор, тем власть прочнее. В сталинские времена население боялось даже того, чтобы какая-нибудь еретическая мысль пришла в голову, а уж о какой-либо акции против власти и речи быть не могло. А теперь Хрущев отвинчивает гайку; люди начинают думать, говорить, не соглашаться. До чего это может дойти? В сталинские времена таких рисков не было...

Я много работал с Молотовым. Это очень добросовестный, не блестящий, но чрезвычайно работоспособный бюрократ. Он очень спокоен, выдержан. Ко мне он был всегда крайне благожелателен и любезен и в личных отношениях со мной очень мил. Да и со всеми, кто к нему приближается, он корректен, человек вполне приемлемый, никакой грубости, никакой заносчивости, никакой кровожадности, никакого стремления кого-либо унижить или раздавить.

Через десять лет Сталин не только сам будет одобрять списки арестуемых и расстреливаемых. Для своего рода круговой поруки эти списки будут проходить через руки Молотова и Кагановича. Конечно, Молотов их подписывает вслед за Сталиным. Но вот какая-либо фамилия бросается ему в глаза. Он пишет рядом ВМН. Это значит — Высшая Мера Наказания. Этого достаточно — человек будет расстрелян.

Что это? Мимикрия перед Сталиным? Или это опьяняющее чувство своей мощи — вот я написал три буквы, и нет человека? И сколько тысяч смертей в этих списках одобрил спокойный, не волнующийся бюрократ. И никаких сожалений. Наоборот, Сталин умер, хорошо бы вернуть сталинские времена.

Неужели из человека все можно сделать? Дайте его в руки Сталина, возвысьте его в системе, где человек человеку волк, и он равнодушно будет смотреть, как гибнут в жестоких страданиях миллионы людей. Поставьте его рядовым чиновником в хорошей человеческой системе общества, и он ночами будет работать, изыскивая средства помощи пострадавшим от недорода крестьянам деревни Нееловки Алексинского уезда. Эта проблема еще много раз будет передо мной стоять во времена моих странствий по большевистской верхушке. Насчет Молотова персонально у меня есть особое ощущение.

В двадцатых годах я был свидетелем всего, что происходило в большевистском центре. Прошло полвека, и если поставить вопрос, кто еще из живых людей на поверхности земли видел и знает все это, то на этот вопрос один ответ: Молотов (есть Каганович, но он в эти годы стоял от центра событий дальше, чем Молотов). Я говорю только о двадцатых годах. Дальше я в большевистском центре больше не был, а Молотов, наоборот, продолжал в следующие три-четыре десятилетия быть в центре событий, и никто сейчас не знает лучше, чем он, как эти события протекали. Но обо всем этом он не может ни написать, ни опубликовать ни одной строчки, которая была бы в несогласии с официальной ложью. То есть никакую правду ни о чем сказать не может.

СТАЛИНСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

1925 год был годом борьбы за власть между Зиновьевым и Сталиным. Тройка, на время восстановленная для завершения борьбы с Троцким, окончательно распалась в марте. В апреле на заседаниях Политбюро Зиновьев и Каменев энергично нападали на сталинскую «теорию построения социализма в одной

стране». Тройка больше не собиралась. Сталин утверждал сам проект повестки Политбюро. В течение нескольких месяцев Политбюро работало как орган коллегиальный, внешне как будто бы под руководством Зиновьева и Каменева. Такой внешний вид определялся в особенности тем, что Сталин, как всегда (по невежеству), мало принимал участия в обсуждении разных вопросов, Каменев же по-прежнему руководил всем хозяйством страны, а хозяйственные вопросы занимали всегда много места в работе Политбюро. Троцкий делал вид, что корректно принимает участие в текущей работе. И на Политбюро царил худой мир.

Не будучи вполне уверенным, что большинство членов ЦК последует за ним, Сталин не искал окончательного боя на Пленуме ЦК и ждал завершающего решения от ближайшего съезда, вел свою подспудную подготовительную работу и не только ничего не форсировал, но, наоборот, всячески оттягивал дату съезда. Летом, как всегда, было некоторое политическое затишье. Но осенью Троцкий опубликовал брошюру «К социализму или к капитализму?», возобновляя политическую борьбу против большинства ЦК, которое, в свою очередь, начинало делиться. Стараясь удержать позицию политического лидера, Зиновьев сейчас же ответил брошюрой «Ленинизм», в которой проводил свою теорию философии равенства. В самом начале октября на Политбюро решался вопрос о дате съезда и кто будет делать на съезде политический отчет ЦК. Съезд было решено созвать на середину декабря, и по предложению Молотова большинство Политбюро голосовало за поручение политического отчета ЦК на съезде Сталину. Большинство на Политбюро было для Зиновьева и Каменева потеряно. Они немедленно подали заявление в Политбюро с требованием открытия дискуссии. На открывшемся сейчас же после этого Пленуме ЦК выяснилось, что вся подготовительная работа Сталина принесла свои плоды — Пленум подтвердил, что делать политический отчет на съезде поручается Сталину, и отказался открыть дискуссию, которую Зиновьев считал своим главным шансом.

Пленум, кроме того, сделал вид, что главное значение придает сейчас «работе партии среди деревенской бедноты», и, чтобы открыть заблаговременно подготовку кампании против зиновьевско-каменевской группы, осудил и правый уклон, «кулацкий», и левый, «антисередняцкий». На базе этой резолюции партийный аппарат начал энергично грызть «новую оппозицию».

Конечно, как всегда перед съездом, ЦК должен был огласить тезисы к съезду, и по ним должна была быть открыта дискуссия. Всю эту дискуссию Сталин и Молотов полностью смазали (Сталин побаивался политической дискуссии) и заменили ее простой «проработкой» резолюций октябрьского пленума, на основе которой и должны были произойти выборы на съезд. Только 15 декабря предсъездовский пленум ЦК утвердил тезисы к съезду, а 18 декабря открылся съезд. Но, конечно, в декабре в организациях и на партийных конференциях шла полемика. Выборы делегатов на съезд, происшедшие в начале декабря на краевых и губернских партийных конференциях, предприняли и состав съезда, и поражение Зиновьева. Не имея возможности контролировать весь местный партийный аппарат (чем могли заниматься только Сталин и Молотов, сидя в ЦК), Зиновьев и Каменев рассчитывали на поддержку трех основных и ведущих организаций — двух столичных, московской и ленинградской, и самой важной из провинциальных — украинской. Посланный секретарем ЦК КПУ Каганович сделал все нужное, чтобы украинская организация была для Зиновьева и Каменева потеряна. Наоборот, ленинградскую организацию Зиновьев продолжал держать в руках. Хотя Сталин добился снятия секретаря Ленинградского комитета Залуцкого, слишком рано и остро выступившего против Сталина и Молотова и их большинства, обвиняя их в «термидорианском перерождении», но Евдокимов, секретарь Северо-Западного Бюро ЦК, был правой рукой Зиновьева и вел ленинградскую организацию за ним.

Но совершенно неожиданным и катастрофичным для Зиновьева и Каменева был переход на сторону Сталина главной организации — московской. В основе этого перехода лежала хитро и заблаговременно подготовленная Сталиным измена Угланова.

Я рассказывал уже, как в конце 1923 года, когда разразилась правая оппозиция, Политбюро было недовольно первым секретарем Московского комитета партии Зеленским. Летом 1924 года тройка, еще действуя в согласии, перевела его первым секретарем Среднеазиатского Бюро ЦК. Все члены тройки были согласны, что для Москвы он слишком слаб. Но кого посадить на Москву — важнейшую организацию партии? Каменев, как всегда, мало заинтересованный в этих организационных вопросах, предоставил инициативу Зиновьеву. Сталин предпочел бы, чтобы на московскую организацию был посажен Каганович, но Зиновьев, который был в это время номером

первым и задавал тон, хотел, чтобы секретарем МК был его доверенный человек. Он предложил на этот пост Угланова. Разговор об этом шел на тройке, где я присутствовал, как всегда, четвертым.

Угланов работал в 1922 году в Ленинграде у Зиновьева, был ему верным человеком, и, когда встал вопрос о первом секретаре Нижегородского губкома, Зиновьев настоял на том, чтобы туда был выдвинут Угланов. Это было первое время тройки. Сталин не всегда еще поднимал голос и должен был на это назначение согласиться. Но вслед за тем Молотов занялся обработкой Угланова, и летом 1924 года я, как-то прийдя к Сталину и не застав его в кабинете, решил, что он находится в следующем, промежуточном кабинете (совещательная комната между кабинетом Сталина и Молотова). Я открываю туда дверь и вхожу. Я вижу Сталина, Молотова и Угланова. Угланов, увидя меня, побледнел, и вид у него был крайне испуганный. Сталин его успокоил: «Этот тов. Бажанов, секретарь Политбюро — не бойся, от него нет секретов, он в курсе всех дел». Угланов с трудом успокоился.

Я сразу сообразил, в чем дело. Накануне, на заседании тройки, Зиновьев предложил посадить руководителем московской организации Угланова. Сталин возражал: достаточно ли Угланов силен, чтобы руководить важнейшей столичной организацией? Зиновьев настаивал, Сталин делал вид, что он против, и согласился против воли и с большой неохотой. На самом же деле Угланов был подвергнут молотовской предварительной обработке, и сейчас заключался между Сталиным и Углановым тайный пакт против Зиновьева.

В соблюдение этого пакта Угланов почти полтора года вел двойную игру, заверяя Зиновьева и Каменева в своей преданности, а во второй половине 1925 года и в своей враждебности Сталину. На самом деле он подготовил и подобрал соответствующие кадры, и на Московской предсъездовской партийной конференции 5 декабря 1925 года вдруг со всем багажом и со всей партийной верхушкой Москвы перешел на сторону Сталина. Это было окончательный удар, и поражение Зиновьева было предсказуемо.

Как развернулись события на этом съезде (XIV), происходившем до конца декабря, известно. Сталин прочел политический отчет, скучный и тусклый. Ленинградская делегация потребовала содоклада Зиновьева, который и был ему предоставлен. Содоклад ровно ничего не изменил. За Сталина послушно голосовали весь съезд, за Зиновьева — одна ленинградская делегация. Доклад Каменева «Об очередных вопросах хозяйственного строительства» был с повестки съезда снят. За оппозицию высказались, кроме Зиновьева, Каменев, Сокольников, Евдокимов, Лашевич (Евдокимов будет расстрелян в 1936 году, Лашевич покончит самоубийством в 1928 году).

Но даже из ленинградской делегации многие поспешили «сменить вехи» и повернули за колесницей победителя: и Шверник, секретарь Ленинградского комитета, и Москвин, заместитель секретаря Северо-Западного Бюро ЦК, и Комаров, председатель Ленинградского губернского исполкома Советов.

Троцкий на съезде молчал и со злорадством наблюдал, как повергается ниц его главный враг — Зиновьев. Через четыре месяца — в апреле 1926 года — Зиновьев и Каменев избраны в члены ЦК. Конечно, всякие «организационные выводы» все же на первом послесъездовском Пленуме ЦК в январе 1926 года делаются: Каменев удален от руководства советским хозяйством; он снят и с поста Председателя Совета Труда и Оборон, и с поста заместителя Председателя Совнаркома СССР. И он переведен из членов Политбюро в кандидаты Политбюро. Председателем СТО назначается Рыков. Состав Политбюро расширяется: из кандидатов в члены переходят Молотов и Калинин, и сразу членом Политбюро становится Ворошилов. Зиновьев и Троцкий остаются членами Политбюро. Кандидатами Политбюро, кроме Каменева и Дзержинского, бывшего и раньше кандидатом, вводятся Рудзутак, Угланов (в награду за операцию) и Петровский (формальный возглавитель Советской власти на Украине). Сталин переизбран Генеральным секретарем, Молотов — вторым, Угланов — третьим, Станислав Косиор — четвертым. На Ленинград Сталин сажает Кирова, бывшего до этого секретарем Азербайджанского ЦК.

Следующий, 1926 год наполнен постепенным изживанием «новой оппозиции». Всему миру ясно, что в коммунистической России и в мировом коммунизме произошла смена руководства. Но мало кто видит и понимает, что произошел настоящий государственный переворот и к руководству Россией и коммунизмом пришли новые круги и слои. Это требует пояснения.

В России до революции евреи, ограниченные в правах, в большинстве были настроены оппозиционно, а еврейская молодежь поставляла в большом числе кадры для революционных партий и организаций. И в руководстве этими партиями евреи всегда играли большую роль. Большевистская партия не представляла исключения из этого правила,

и в большевистском Центральном Комитете около половины членов были евреи.

После революции довольно быстро получилось так, что именно в руках этой группы евреев в ЦК сосредоточились все главные позиции власти. Тут сказались, вероятно, многовековая привычка еврейской диаспоры держаться дружно и друг друга поддерживать, в то время как у русских чекистов таких привычек не было. Во всяком случае, все важнейшие центральные посты власти были заняты несколькими евреями: Троцкий — глава Красной Армии и второй политический лидер (после Ленина); Свердлов — формально возглавлявший Советскую власть и бывший до своей смерти правой рукой и главным помощником Ленина; Зиновьев — ставший во главе Коминтерна и бывший практически всемогущим наместником второй столицы, Петербурга; Каменев — первый заместитель Ленина по Совнаркому, фактический руководитель советского хозяйства и, кроме того, наместник первой столицы, Москвы. Таким образом, евреи, составляя примерно половину состава Центрального Комитета, имели гораздо больше влияния в нем и власти, чем неевреи.

Это положение длилось от 1917 года до конца 1925-го. На XIV съезде в конце 1925 года Сталин не только отстранил от центральной власти еврейских лидеров партии, но и сделал главный шаг в полном отстранении от центральной власти еврейской части верхушки партии. Но удаленные от главного руководства Троцкий, Зиновьев и Каменев еще все же вошли на этом съезде в состав Центрального Комитета. На следующем съезде (в 1927 году) их уже исключили из партии, и евреи, избранные в состав ЦК, были уже единичными исключениями. Никогда позже еврейская часть верхушки к руководству не вернулась, и отдельные евреи в составе Центрального Комитета стали (теми же) единичными исключениями. Это были, впрочем, тот же Каганович и тот же Мехлис, открыто афишировавшие, что они себя евреями не считают. В последующие (тридцатые) годы Сталин вводил иногда в кандидаты ЦК некоторых из наиболее послушных и преданно исполнявших его волю евреев, как Ягода, но вслед за тем расстрелял и этих нововведенных. И в последние десятилетия никакой еврей не вступил в ЦК партии, а со смертью Мехлиса (1953) и с удалением из ЦК Кагановича (1957) ни одного еврея в ЦК партии нет (есть, кажется, теперь на 400 членов и кандидатов ЦК один кандидат Дымшиц)...

ГПУ

СУТЬ ВЛАСТИ

ГПУ... Как много в этом слове для сердца русского слилось...

Во время моего пребывания на Украине я узнал много фактов о жестоком, кровавом терроре, проводимом чекистами. В Москву я приехал с чрезвычайно враждебными чувствами по отношению к этому ведомству. Но мне практически не пришлось с ним сталкиваться до моей работы в Оргбюро и Политбюро. Здесь я прежде всего встретился с членами ЦКК Лацисом и Петерсом, бывшими в то же время членами коллегии ГПУ. Это были те самые знаменитые Лацис и Петерс, на совести которых были жестокие массовые расстрелы на Украине и других местах гражданской войны — число их жертв исчислялось сотнями тысяч. Я ожидал встретить иступленных, мрачных фанатиков-убийц.

Но никакого фанатизма не было. Это были чиновники расстрельных дел, очень занятые личной карьерой и личным благосостоянием, зорко следившие, как помахивают пальцем из секретариата Сталина. Моя враждебность к ведомству перешла в отвращение к его руководящему составу.

Но дело обстояло не так просто с председателем ГПУ Феликсом Эдмундовичем Дзержинским. Старый польский революционер, ставший во главе ЧК с самого ее возникновения, он продолжал формально ее возглавлять до самой своей смерти, хотя практически мало принимал участия в ее работе, став после смерти Ленина председателем Высшего Совета Народного Хозяйства (вместо Рыкова, ставшего Председателем Совнаркома). На первом же заседании Политбюро, где я его увидел, он меня дезориентировал и своим видом, и манерой говорить. У него была наружность Дон Кихота, манеры говорить человека убежденного и идейного. Поразила меня его старая гимнастерка с заплатанными локтями. Было совершенно ясно, что этот человек не пользуется своим положением, чтобы искать каких-либо житейских благ для себя лично. Поразила меня вначале и его горячность в выступлениях — впечатление было такое, что он принимает очень близко к сердцу и остро переживает вопрос партийной и государственной жизни. Эта горячность контрастировала с некоторым холодным цинизмом членов Политбюро. Но в дальнейшем мне все же пришлось несколько изменить мое мнение о Дзержинском.

В это время внутри партии была свобода, которой не было в стране; каждый член партии имел возможность защищать и отстаивать свою точку зрения. Так же свободно происходило обсуждение всяких проблем на Политбюро. Не говоря уже об оппозиционерах, таких, как Троцкий и Пятаков, которые не стеснялись резко противопоставлять свою точку зрения мнению большинства, — среди самого большинства обсуждение всякого принципиального или делового вопроса происходило в спорах. Сколько раз Сокольников, проводивший денежную реформу, восставал против разных решений Политбюро по вопросам народного хозяйства, говоря: «Вы мне срываете денежную реформу; если вы примете это решение, освободите меня от обязанностей наркома финансов». А по вопросам внешней политики и внешней торговли Красин, бывший наркомом внешней торговли, прямо обвинял на Политбюро его членов, что они ничего не понимают в трактуемых вопросах, и читал нечто вроде лекций.

Но что очень скоро мне бросилось в глаза, это то, что Дзержинский всегда шел за держателями власти, и если отстаивал что-либо с горячностью, то только то, что было принято большинством. При этом его горячность принималась членами Политбюро как нечто сделанное и поэтому неприличное. При его горячих выступлениях члены Политбюро смотрели в стороны, в бумаги, и царилло впечатление неловкости. А один раз председательствовавший Каменев сухо сказал: «Феликс, ты здесь не на митинге, а на заседании Политбюро». И, о чудо! Вместо того чтобы оправдать свою горячность («принимая, мол, очень близко к сердцу дела партии и революции»), Феликс в течение одной секунды от горячего, взволнованного тона перешел вдруг к самому простому, прозаическому и спокойному. А на заседании тройки, когда зашел разговор о Дзержинском, Зиновьев сказал: «У него, конечно, грудная жаба; но он что-то уж очень для эффекта ею злоупотребляет». Надо добавить, что, когда Сталин совершил свой переворот, Дзержинский с такой же горячностью стал защищать сталинские позиции, с какой он поддерживал вчера позиции Зиновьева и Каменева (когда они были у власти).

Впечатление у меня, в общем, получилось такое: Дзержинский никогда ни на йоту не уклоняется от принятой большинством линии (а между тем иногда можно было бы иметь и личное мнение); это выгодно; а когда он, горячо и задыхаясь, защищает эту ортодоксальную линию, то не прав ли Зиновьев, что он использует внешние эффекты своей грудной жабы?

Это впечатление мне было довольно неприятно. Это был 1923 год, я еще был коммунистом, и для меня кто-то, а уж человек, стоящий во главе ГПУ, нуждался в ореоле искренности и порядочности. Во всяком случае, было несомненно, что в смысле пользования житейскими благами упреков ему сделать было нельзя — в этом смысле он был человеком вполне порядочным. Вероятно, отчасти поэтому Политбюро сохраняло его формально во главе ГПУ, чтобы он не позволял подчиненным своего ведомства особенно расхотиться: у ГПУ, обладавшего правом жизни и смерти над всем беспартийным подсоветским населением, соблазнов было сколько угодно. Не думаю, что Дзержинский эту роль действительно выполнял: от практики своего огромного ведомства он стоял довольно далеко, и Политбюро довольствовалось здесь скорее фикцией желаемого, чем тем, что было на самом деле.

Первый заместитель Дзержинского (тоже поляк), Менжинский, человек со странной болезнью спинного мозга, зстет, проводивший свою жизнь лежа на кушетке, в сущности, тоже очень мало руководил работой ГПУ. Получилось так, что второй заместитель председателя ГПУ Ягода был фактически руководителем ведомства.

Первый раз я увидел и услышал Ягodu на заседании комиссии ЦК, на которой я секретарствовал, а Ягода был в числе вызванных к заседанию. Все члены комиссии не были еще в сборе, и прибывшие вели между собой разговоры. Ягода разговаривал с Бубновым, бывшим еще в это время заведующим Агитпропом ЦК. Ягода хвастался успехами в развитии информационной сети ГПУ, охватывавшей все более и более всю страну. Бубнов отвечал, что основная беда этой сети — все члены партии, которые нормально всегда должны быть и являются информаторами ГПУ; что же касается беспартийных, то вы, ГПУ, конечно, выбираете элементы, наиболее близкие и преданные Советской власти. «Совершенно нет», — возражал Ягода, — мы можем сделать сексом кого угодно, и в частности людей, совершенно враждебных Советской власти». — «Каким образом?» — любопытствовал Бубнов. «Очень просто, — объяснял Ягода. — Кому охота умереть с голоду? Если ГПУ берет человека в оборот с намерением сделать из него своего информатора, как бы он ни сопротивлялся, он все равно в конце концов будет у нас в руках: уолим с работы, а на другую нигде не примут без секретного согласия наших органов. И в особенности, если у человека есть семья, жена, дети, он вынужден быстро капитулировать»...

Через некоторое время я прямо столкнулся с Ягодой на заседаниях Высшего совета физической культуры. Так как я был представителем ЦК в Высшем совете, то я без труда провел линию, противоположную мнению ГПУ. Ягода был бит и унижен. Но и, кроме того, имея определенное мнение о коллегии ГПУ, я не скрывал своего чрезвычайно недружелюбного отношения ко всей этой публике. Это вызвало в коллегии ГПУ переполох. Иметь врага в лице помощника Сталина, который к тому же секретарь Политбюро, коллегия ГПУ нашла для себя крайне неудобным. Обдумывали, как быть. В конце концов решили, что выгоднее эту обоюдную вражду сделать открытой и официальной, ставя этим под подозрение всякий удар, какой я мог бы им нанести. Конечно, они справедливо опасались, что, секретарствуя на заседаниях тройки и Политбюро, будучи постоянно в контакте с секретарями ЦК и членами Политбюро, я могу быть им очень опасен. Кроме того, они решили сыграть и на чрезвычайной подозрительности Сталина. Ягода написал Сталину письмо от имени коллегии ГПУ. В письме коллегия ГПУ считала своим долгом предупредить Сталина и Политбюро, что секретарь Политбюро Бажанов, по их общему мнению, — скрытый контрреволюционер. Они, к сожалению, не могут еще представить никаких доказательств и основываются больше на своем чекистском чутье и опыте, но считают, что их обязанность — довести их убеждение до сведения ЦК. Письмо подписал Ягода.

Сталин протянул мне письмо и сказал: «Прочтите». Я прочел. Мне было 23 года. Сталин, считавший себя большим знатоком людей, внимательно на меня смотрел. Если здесь есть доля правды, юноша смутится и начнет оправдываться. Я, наоборот, улыбнулся и вернул Сталину письмо, ничего не говоря. «Что вы по этому поводу думаете?» — спросил Сталин. «Товарищ Сталин, — ответил я с легким оттенком укоризны, — вы ведь знаете Ягodu — ведь это же сволочь». — «А все-таки, — сказал Сталин, — почему же он это пишет?» — «Я думаю, по двум причинам: с одной стороны, хочет заронить какое-то подозрение насчет меня; с другой стороны, мы с ним сталкивались на заседаниях Высшего совета физической культуры, где я, как представитель ЦК и проводя линию ЦК, добился отмены его вредных позиций; но он не только хочет мне отомстить вот этим способом, но, чувствуя, что я к нему не испытываю ни малейшего уважения и ни малейшей симпатии, хочет заранее скомпрометировать все, что я о нем могу сказать вам или членам Политбюро».

Сталин нашел это объяснение вполне правдоподобным. Кроме того, зная Сталина, я ни секунды не сомневался, что весь этот оборот дела ему очень нравится: секретарь Политбюро и коллегия ГПУ в открытой вражде; можно не сомневаться, что ГПУ будет внимательно следить за каждым шагом секретаря Политбюро и чуть что — немедленно его известит; а секретарь Политбюро, со своей стороны, не упустит никакого случая поставить его в известность, если узнает что-либо подозрительное в практике коллегии ГПУ.

На этой базе и установились мои отношения с ГПУ: время от времени Ягода извещал Сталина об их уверенности на мой счет, а Сталин равнодушно передавал эти цидулки мне.

Но я еще должен сказать, что я был доволен, прочтя первый донос Ягоды.

Дело в том, что открытая вражда обеспечивала мне безопасность в одном отношении. У ГПУ огромные возможности устроить несчастный случай — автомобильную катастрофу, убийство будто бы с целью ограбления (с подставными бандитами) и т. д. После объявления открытых враждебных действий ГПУ все эти возможности отпадали — теперь за несчастный случай со мной Ягода заплатил бы головой...

Я знаю Сталина и вижу, куда он идет. Он еще мягко стелет, но я вижу, что это аморальный и жестокий азиатский сатрап. Сколько он будет еще способен совершить над страной преступлений — и надо будет во всем участвовать. Я уверен, что у меня это не выйдет. Чтобы быть при Сталине и со Сталиным, надо в высокой степени развить в себе все большевистские качества — ни морали, ни дружбы, ни человеческих чувств — надо быть волком. И затратить на это жизнь. Не хочу. Но тогда что мне остается в этой стране делать? Быть винтиком машины и помогать ей вертеться? Тоже не хочу.

Остается единственный выход: уйти за границу... Сначала надо уйти из Политбюро, сталинского секретариата и из ЦК. Это решение я принимаю твердо. На мое желание уйти Сталин отвечает отказом. Но я понимаю, что дело совсем не в том, что я не желаю, — для Сталина незамеченных или очень нужных людей нет; дело в том, что я знаю все его секреты, и если я уйду, надо вводить во все эти секреты нового человека; именно это ему неприятно.

Для техники ухода я нахожу помощь у Товстухи: он очень рад моему желанию уйти. Он хочет прибрать к рукам весь секретариат Сталина, но пока я секре-

тарь Политбюро, у меня все важнейшие функции и аппарат, канцелярия Политбюро, которые мне подчинены. Товстуха видит, как для него все устраивается моим уходом.

Я пишу работу об основах теории конъюнктуры. Такой работы в мировой экономической литературе нет. Я делаю вид, что мне очень нужны материалы Кильского института мирового хозяйства в Германии (они на самом деле очень ценны) и устраиваю себе командировку от Наркомфина на несколько дней в Германию. Но здесь у меня две возможности: или провести поездку через постановление Оргбюро ЦК, что слишком помпезно для такого маленького дела и едва ли выгодно, или просто зайти к Сталину и осведомиться, нет ли у него возражений. Я захожу к Сталину и говорю, что хочу поехать на несколько дней в Германию за материалами. Спрашиваю его согласие. Ответ неожиданный и многозначный: «Что это Вы, товарищ Бажанов, все за границу да за границу. Посидите немного дома».

Это значит, что за границу я теперь в нормальном порядке не уеду. В конце концов что-то у Сталина от всех атак ГПУ против меня осталось. «А что, если в самом деле Бажанов останется за границей; он ведь начинен государственными секретами, как динамитом. Лучше не рисковать, пусть сидит дома».

Месяца через три я делаю еще одну косвенную проверку, но устраиваю это так, что я здесь ни при чем. На коллегии Наркомфина речь идет о профессоре Любимове, финансовом агенте Советов во Франции. Он беспартийный, доверяя к нему нет никакого, подозревается, что он вместе с советскими финансовыми делами умело устраивает и свои. Кем бы его заменить? Кто-то из членов коллегии говорит: «Может быть, товарищ Бажанов съездил бы туда навести в этом деле порядок?» Я делаю вид, что меня это не очаровывает, и говорю: «Если ненадолго, может быть». Нарком Брюханов поддерживает это предложение. Он согласует это с ЦК. Судя по тому, что это не имеет никаких последствий, я заключаю, что он пробовал говорить с Молотовым (едва ли со Сталиным) и получил тот же ответ: «Пусть посидит дома».

Теперь возможности нормальной поездки за границу для меня совершенно отпадают. Но я чувствую себя полностью внутренним эмигрантом и решаю бежать каким угодно способом.

Прежде всего надо, чтобы обо мне немного забыли, не мозолила глаза Сталину и Молотову. Из ЦК я ушел постепенно и незаметно, уваливая от всякой работы там, теперь нужно некоторое время поработать в Наркомфине, чтобы все привыкли, что я там тихо и мирно работаю, этак с годик. А тем временем организовать свой побег.

ПОДГОТОВКА БЕГСТВА

Уйдя из ЦК, я имею гораздо больше времени. В Наркомфине я беру еще на себя редактирование «Финансовой газеты». Это ежедневная газета финансового ведомства, специально занимающаяся финансово-экономическими вопросами. Меня очень интересует газетная техника, а к стати, и типографская. Здесь можно многому научиться. Само руководство газетой для меня затруднений не представляет — финансовую политику власти я знаю превосходно; к стати, замена Сокольников Брюхановым в ней ничего не меняет.

Кроме того, я беру на себя руководство Финансовым издательством.

Теперь выехать мирно, по командировке, я за границу не могу. Я могу только бежать через какую-нибудь границу. Через какую? Их изучение приводит к довольно безотрадным выводам. Польская граница совершенно закрыта. Ряды колючих проволок, всюду пограничники с собаками, здесь ГПУ постаралось, чтобы сделать границу непроницаемой. Так же невозможно бежать в Румынию: границей является Днестр, под пристальным наблюдением круглые сутки. Гораздо труднее охранять финскую границу, она тянется по лесам и тундрам. Но к ней невозможно приблизиться...

Я решаю бежать в Персию из Туркмении. Но сначала надо попасть в Туркмению, которая подчинена Среднеазиатскому Бюро ЦК партии...

К счастью, Молотову уже надоело, что я упираюсь и не хочу работать в ЦК, и он отвечает: «Ну что ж, если он так уж очень хочет, пусть едет». И я получаю путевку «в распоряжение Среднеазиатского Бюро ЦК на ответственную работу».

С этой путевкой я приезжаю в Ташкент и являюсь к секретарю Среднеазиатского Бюро ЦК Зеленскому. Я ему говорю: «Товарищ Зеленский, будем говорить откровенно: я не для того оставил работу помощника Сталина и секретаря Политбюро, чтобы быть вашим секретарем. Я хочу на совсем низовую работу, подальше, в глухие места. Вот в Туркмении секретарем ЦК Ибрагимов; я его знаю по аппарату ЦК — пошлите меня в его распоряжение». Зеленский быстро соглашается, и я получаю новую путевку — «в распоряжение ЦК Туркмении».

Здесь я должен сделать отступление и познакомить

читателей с товарищем Блюмкиным, тем самым Блюмкиным, который во время восстания левых эсеров в 1918 году убил германского посла в Москве графа Мирбаха, чтобы сорвать Брест-Литовский мир.

Еще в 1925 году я часто встречался с Мункой Зорким. Это была его комсомольская кличка; настоящее имя Эммануил Лифшиц. Он заведовал Отделом печати ЦК комсомола...

Мы шли с ним по Арбату. Поравнялись со старинным роскошным буржуазным домом. «Здесь, — говорит Мунька, — я тебя оставлю. В этом доме третий этаж — квартира, забронированная за ГПУ, и живет в ней Яков Блюмкин, о котором ты, конечно, слышал. Я с ним созвонился, и он меня ждет. А впрочем, знаешь, Бажанов, идем вместе. Не пожалеешь. Блюмкин — редкий дурак, особой, чистой воды. Когда мы придем, он, ожидая меня, будет сидеть в шелковом красном халате, курить восточную трубку в аршин длины, и перед ним будет раскрыт том сочинений Ленина (кстати, я нарочно посмотрел: он всегда раскрыт на той же странице). Пойдем, пойдем». Я пошел. Все было, как предвидел Зоркий, — и халат, и трубка, и том Ленина. Блюмкин был существо чванное и самодовольное. Он был убежден, что он — исторический персонаж. Мы с Зорким потешались над его чванством: «Яков Григорьевич, мы были в музее истории революции; там вам и убийству Мирбаха посвящена целая стена». — «А, очень приятно. И что на стене?» — «Да всякие газетные вырезки, фотографии, документы, цитаты; а сверху через всю стену цитата из Ленина: «Нам нужны не истерические выходки мелкобуржуазных дегенератов, а мощная поступь железных батальонов пролетариата». Конечно, мы это выдумали; Блюмкин был очень огорчен, но пойти проверить нашу выдумку в музей революции не пошел.

Об убийстве Мирбаха двоюродный брат Блюмкина рассказывал мне, что дело было не совсем так, как описывает Блюмкин; когда Блюмкин и сопровождавшие его были в кабинете Мирбаха, Блюмкин бросил бомбу и с чрезвычайной поспешностью выбросился в окно, причем повис штанами на железной ограде в очень некомфортабельной позиции. Сопровождавший его матросик не спеша ухлопал Мирбаха, снял Блюмкина с решетки, погрузил его в грузовик и увез. Матросик очень скоро погиб где-то на фронтах гражданской войны, а Блюмкин был объявлен большевиками вне закона. Но очень скоро он перешел на сторону большевиков, предав организацию левых эсеров, был принят в партию и в Чека и прославился участием в жестоком подавлении грузинского восстания. Дальше его чекистская карьера привела его в Монголию, где во главе Чека он так злоупотреблял расстрелами, что даже ГПУ нашло нужным его отозвать. Шелковый халат и трубка были оттуда — воспоминание о Монголии. ГПУ не знало, куда его девать, и он был в резерве.

Когда он показал мне свою квартиру из четырех огромных комнат, я сказал: «И вы здесь живете один?» — «Нет, со мной живет мой двоюродный брат Максимов — он занимается моим хозяйством». Максимов был мне представлен. Он был одессит, как и Блюмкин. Максимов — была его партийная кличка, которой он, в сущности, не имел права пользоваться, так как в Одессе он был членом партии и заведовал хозяйством кавалерийского полка, но проворовался, продавая казенный овес в свою пользу, и был исключен из партии и выгнан из армии. Настоящая его фамилия была Биргер. Он жил у кузена, и Блюмкин пытался его устроить на службу, но это было нелегко: человека, исключенного из партии за кражу казенного имущества, никто не жаждал принимать.

Максимов был вызван к начальнику Административного управления ГПУ Флексеру и нашел наконец нужную работу: шпионить за мной и поставлять рапорты ГПУ. Чем он и кормился до лета 1927 года.

По-прежнему не зная, куда девать Блюмкина, ГПУ пробовало его приставить к Троцкому. Троцкий в 1925 году объезжал заводы с комиссией по обследованию качества продукции. Блюмкин был всажен в эту комиссию. Как ни наивен был Троцкий, но функции Блюмкина в комиссии для него были совершенно ясны. В первый же раз, когда подкомиссия во главе с Блюмкиным обследовала какой-то завод и на заседании комиссии под председательством Троцкого Блюмкин хотел делать доклад, Троцкий перебил его: «Товарищ Блюмкин был там оком партии по линии бдительности; не сомневаемся, что он свою работу выполнил. Заслушаем сообщения специалистов, бывших в подкомиссии». Блюмкин надулся, как индюк. «Во-первых, не Блюмкин, а Блюмкин; вам бы следовало лучше знать историю партии, товарищ Троцкий; во-вторых...» Троцкий стукнул кулаком по столу: «Я вам слова не давал!» Из комиссии Блюмкин вышел ярым врагом Троцкого...

Но настоящее призвание Блюмкина все же нашел, когда его отправили резидентом ГПУ (шпионаж и диверсии) в странах Ближнего Востока. Мы с ним еще встретимся.

Когда осенью 1927 года я прощался с Москвой, Максимов был очень грустен. С моим отъездом он

терял легкую и хорошо оплачиваемую работу. Я решил созорничать. Я знал, что он поставляет обо мне рапорты в ГПУ, но он не знал, что я это знаю. Наученный разнообразным советским опытом, я считал, что если враг хочет иметь о вас информацию, то удобнее всего, если вы ее поставяете сами — вы выбираете то, что надо. Так я и сделал.

Встретив Максимова у Германа перед отъездом в Ашхабад, я спросил его: «А как у вас с работой?» — «Да по-прежнему плохо». — «Хотите, я вас возьму с собой в Среднюю Азию?» О да, он бы с удовольствием, разрешите, он завтра даст мне окончательный ответ — надо прервать какие-то начатые переговоры. Я очень хорошо понимаю, что он побежит в ГПУ спрашивать, что делать. Ему говорят — превосходно, конечно, поезжай, продолжай давать рапорты. И в Ашхабад я приехал с Максимовым.

В Ашхабаде я явился к первому секретарю ЦК Туркмении Ибрагимову. Я его знал по ЦК. Когда я был секретарем Политбюро, он был ответственным инструктором ЦК и рассматривал меня как большое начальство. Тем более он был удивлен моим приездом. Первая идея — я приехал на его место. Я его разубедил, объяснив, что я хочу на маленькую, низовую работу. «Вот назначь меня для начала заведующим секретным отделом ЦК (это то, от чего я отказался у Зеленского). Я буду у тебя в подчинении, и будет ясно, что у меня нет никаких претензий на твое место». Это и было проделано.

Через несколько дней я заявил, что я страстный охотник, но на крупную дичь (должен сказать, что охоту ненавижу). Позвонил Дорофееву, начальнику 46-го пограничного отряда войск ГПУ, который нес там охрану границы, и сказал ему, чтоб он мне прислал два карабина и пропуска на право охоты в пограничной полосе на меня и Максимова. Что я сейчас же и получил.

В течение двух-трех месяцев я изучал обстановку, а Максимов, которого я устроил на небольшую хозяйственную работу, исправно посылал обо мне донесения в Москву.

Ибрагимов был хороший человек, и у меня с ним установились прекрасные отношения. Я заведовал секретной канцелярией ЦК, секретарствовал на заседаниях бюро и пленумов Туркменского ЦК партии и был опять, хотя и в небольшом местном масштабе, в центре всех секретов. Часто, разговаривая с Ибрагимовым, я расспрашивал его о Персии. Меня смущает, что железная дорога — наша главная связь со страной — проходит все время по самой персидской границе. В случае войны персам ничего не стоит перерезать нашу главную коммуникационную линию. Ибрагимов смеется. А наш 46-й пограничный отряд на что? Я возражаю — я говорю ведь об армии. Ибрагимов говорит: «Ты помнишь историю? Когда век тому назад произошел мятеж в Тегеране и был убит наш русский посол Грибоедов, что сделал царь? Послал из России сотню казаков, и она навела в Персии порядок; не думай, что сейчас намного иначе».

В другой раз я говорю: здесь у вас граница совсем рядом; наверное, часты случаи бегства через границу. Наоборот, говорит Ибрагимов, чрезвычайно редки. Конечно, граница очень велика, и линию границы охранять было бы очень трудно. Но, чтобы приблизиться к границе, надо добраться до какого-то населенного места, а именно за ними сосредоточено постоянное наблюдение. Никакой новый человек не может быть незамеченным.

Хорошо, говорю я, но это не относится к партиям. Ответственный работник без труда может приблизиться к границе и перейти ее. У вас бывали такие случаи? Два, говорит Ибрагимов, они не представляют никаких затруднений. Ответственного партийца, бежавшего в Персию, мы хватаем прямо в Персии и вывозим его обратно. «А персидские власти?» — «А персидские власти закрывают глаза, как будто ничего не произошло».

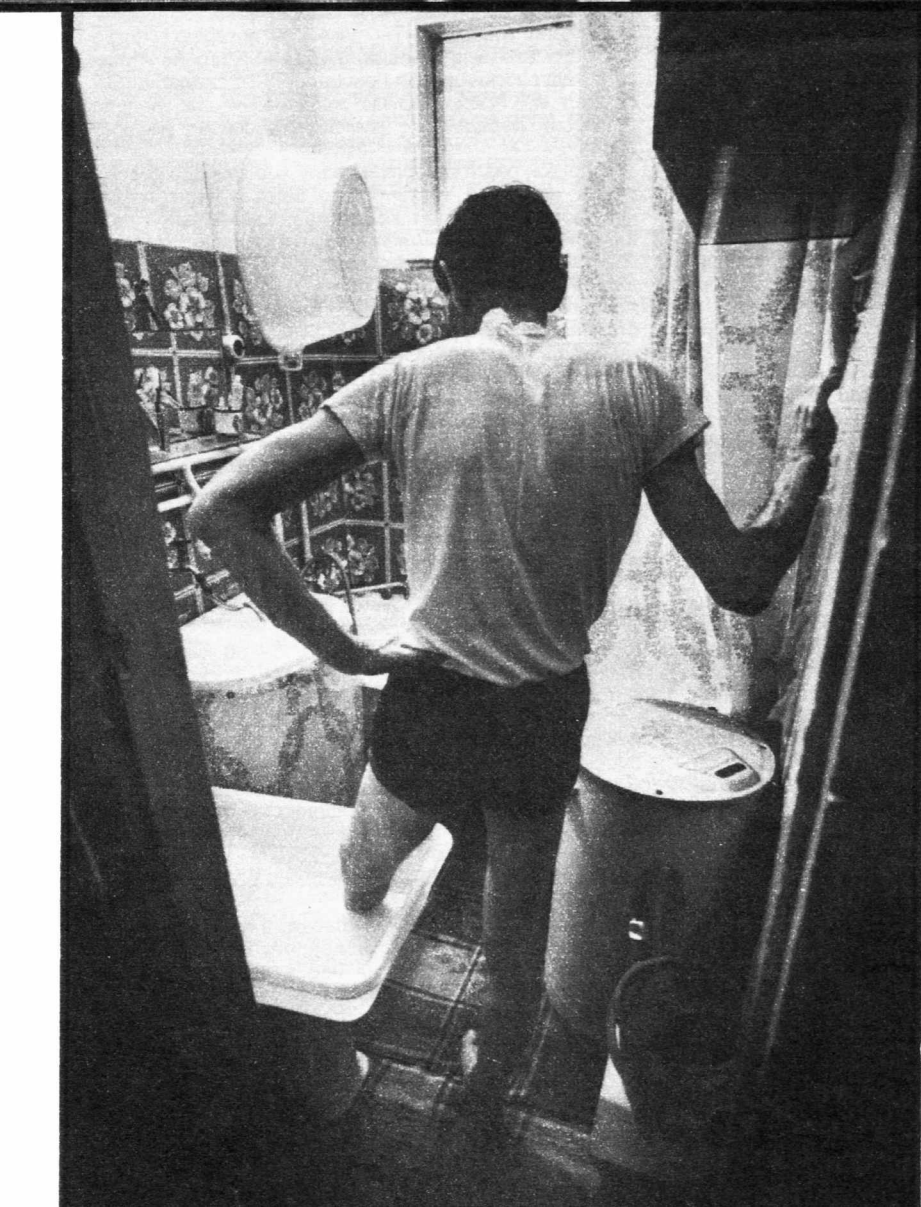
Это выглядит довольно неутешительно. Значит, перейти границу здесь легко. Трудности начинаются дальше. Что ж, будем рисковать.

Я делаю разведку границы. В 20—30 километрах от Ашхабада, на самой границе с Персией и уже в горах, находится Фирюза, дом отдыха ЦК. Мы, несколько сотрудников ЦК, охотников, делаем в воскресенье туда охотничью экскурсию. Я прохожу очень далеко по горному ущелью — кто его знает, может быть, я уже в Персии. Убеждаюсь, что место для перехода границы совершенно не подходит: перейдешь, а откуда-то из ущелья покажется спрятанная там пограничная застава, которая скажет: «Товарищ, это уже Персия, что ты здесь делаешь? Поворачивай обратно!»

Я выбираю по карте Лютфабад, в сорока — пятидесяти километрах от Ашхабада; это железнодорожная станция, прямо против нее в двух километрах через чистое поле — персидская деревня того же имени. Я решаю перейти границу 1 января (1928 года). Если я сейчас жив и пишу эти строки, этим я обязан решению перейти границу именно 1 января.

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

Эдуард ЭТТИНГЕР,
специальный
корреспондент «Огонька»
Фото автора

Трудно было поверить, что эти крохотные, допотопные «аннушки» могут добраться из Челябинска в Париж и Лейпциг.

— А мы летаем не только туда. И в Берлин, и в Варну, и в Порт-Артур...— Гуго Петрович улыбнулся.— И все эти населенные пункты в нашей области. Так называли еще в прошлом веке. Жаль, нет Гааги и Амстердама. Я ведь по национальности голландец.

— Как же вы попали в Россию?
— Я не «попал». Я здесь родился. А вот предки мои приехали сюда еще при Петре Первом. И прижились. И трудились честно, пока Берия не увидел в моем отце английского шпиона. Как можно было такое придумать: в глухой киргизской деревне, где мы до войны жили, отец будто бы собирал сведения в пользу Англии и Японии. Только после десяти лет лагерей и пятилетней ссылки он был полностью реабилитирован. А мама умерла, когда мне было семь лет. Оказался я в детском доме. Именно здесь увидел игрушечный самолет и «заболел». Это было какое-то наваждение. Решил: буду летчиком...

...Но в шестнадцать Гуго пришлось поступить на курсы трактористов. Здесь-то во время одного из практических занятий произошло несчастье. Очнувшись от наркоза, он уз-

нал, что ногу спасти не удалось. После больницы сначала учился ходить без палки, потом бегать. В колхозе потребовал работу не инвалидскую, и его «посадили» на конную сенокосилку. Работа стоячая: тряска, резкие удары. Гуго в кровь стирал о протез незаживавшую культю, но терпел.

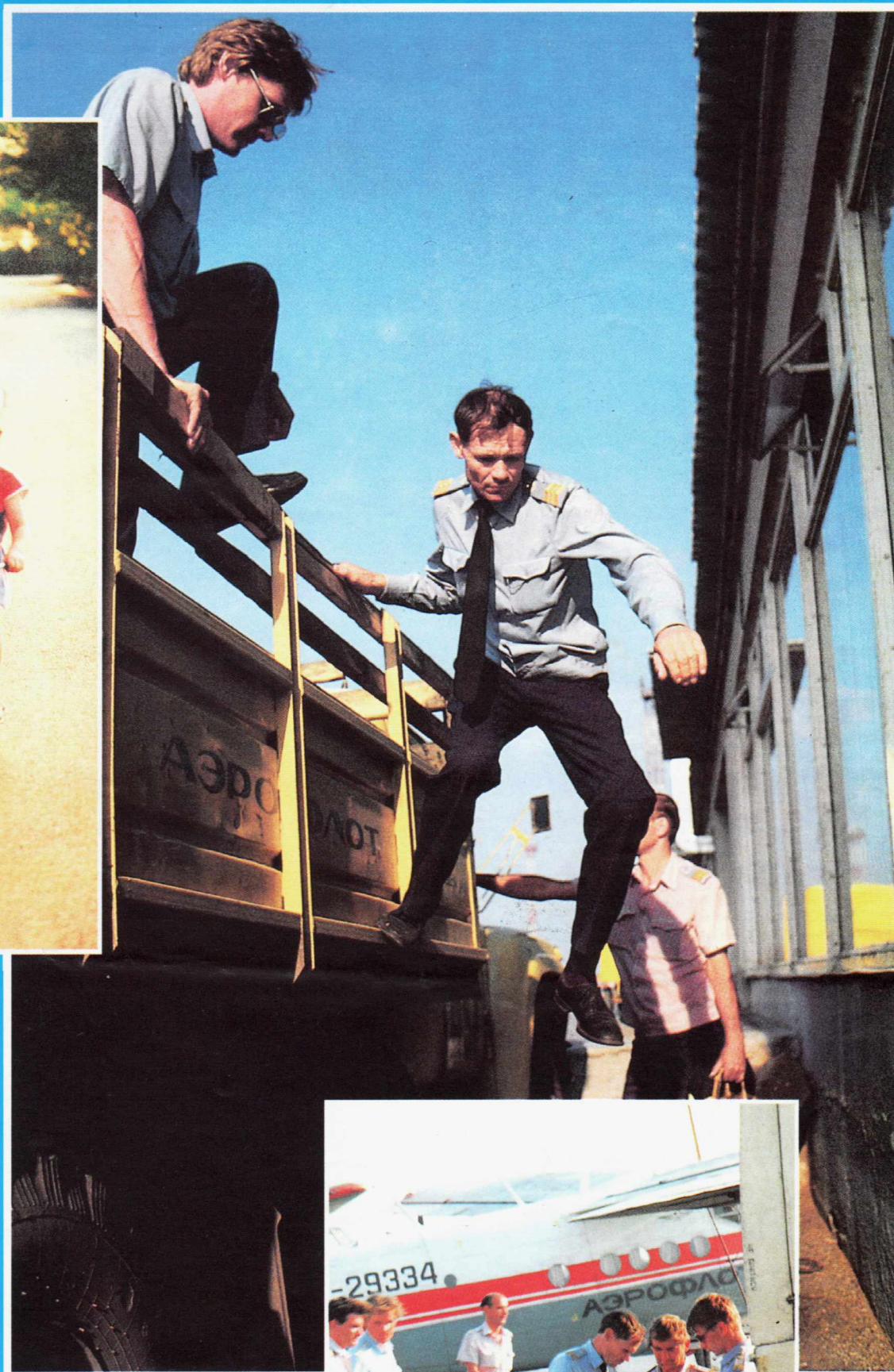
Однажды кто-то ему сказал, что в поселке Илек есть аэродром. Он долго не раздумывал. Переехал в поселок и тут устроился на курсы счетоводов. Все свободное время проводил Гуго у единственного в этом сельском аэропорту самолета. Даже просто потрогать, протереть ветхий ПО-2 было для него счастьем. Неземным. Пилот Иван Пономаренко не прогонял, а однажды взял с собой в воздух.

Самолет был открытый. Мороз под тридцать. Но Гуго не чувствовал холода. Он летел!

А вскоре он уже летал сам. Пускай на стареньком планере БРО-11, который способен только взлетать и тут же приземляться. Пусть всего 100 метров. Но теперь-то он, инвалид, знал, что и ему небеса подвластны.

Несколько лет Гуго Петрович проработал инструктором по планеризму в Златоусте, где подружился с руководителем местной авиасекции ДОСААФ летчиком Львом Александровичем Комаровым. Именно Комаров рекомендовал Петерса авиаконструктору Антонову. И тот взял Петерса испытателем новых моделей планеров в свое киевское КБ.

— Это были самые интересные годы моей жизни,— вспоминает Петерс.— Дружелюбная атмосфера, доверие, взаимопомощь. И все-таки я продолжал мечтать о самолете.

Но чтобы стать профессиональным летчиком, необходимо иметь несколько парашютных прыжков, а их-то как раз и запрещали выполнять врачи. «Забудь о парашюте,— говорили они,— или хочешь потерять вторую ногу?»

Но он не терял надежды. Каждый день пробегал или проходил 25 километров, прыгал с двухметровой высоты. И опять атаковал просьбами врачей.

Десятки поездок в Москву во всевозможные инстанции, десятки медицинских осмотров. Надоедал и надоедал, ходил и ходил по кабинетам. Наконец его отправили в военный госпиталь, начальник которого полковник В. Р. Грайфер давал «добро» самому Маресьеву.

— Доктор отнесся ко мне очень строго. Но после всех испытаний сказал: «Ладно, возьму на себя еще один грех».

И вот в семьдесят восьмом сбылась-таки мечта Гуго Петерса. Он стал вторым пилотом «аннушки». А всего через два года — первым пилотом и командиром звена.

Каждое утро, надев форму, идет он к своему самолету, прогревает моторы и поднимает машину в воздух. Потом берет курс на Казахстан или к Уралу, летит в уральские Лейпциг или Париж. Здесь, в небе, он чувствует себя легко и свободно, так же, как и много лет назад, когда впервые оторвался от земли. От земли, на которой так много страдал, любил и верил провинциальный летчик «Аэрофлота», инвалид голландец Гуго Петерс.

Анатолий СМЕЛЯНСКИЙ

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ ВАЦЛАВА ДВОРЖЕЦКОГО

Дворжецкий, как у нас любят говорить, родоначальник актерской династии (сам он это словечко терпеть не может, слишком отдает официозом). Не дожидаясь сорока его сын Владислав Дворжецкий (помните превосходного Хлудова в фильме по булгаковскому «Бегу»?). Хорошо начал свою актерскую биографию в Центральном детском Евгений Дворжецкий — его младший сын. Сам же «родоначальник», когда ему стукнуло шестьдесят, немедленно вышел на пенсию, поразив этим и город, и театр. И вот уже восемнадцать лет живет в полную душевную меру природного человека. Рыбак, охотник, пасечник, автомобилист, мастер на все руки. А между этими важными серьезными занятиями успевает сняться в десятках фильмов. Он полон сил, неистребимого остроумия. Выжил, сохранил себя, не согнулся. «Польша не сгинела». Красивый высокий седой старик с ясными голубыми глазами сочинил записки о лагерном театре, том самом, что неотделим от большого исторического театра нашего небывалого времени и небывалого государства.

«Записки» актера Вацлава Дворжецкого повествуют не об истории театра, не о блеске столичной рампы, взлетах и падениях артистической славы. Они окунают нас в кровавый и мрачный мир этапов, лагерей, изоляторов, погружают в мир придурков и стукачей. Мы наблюдаем волчью схватку жизни на том ее подпольном уровне, когда людям оставлены, казалось бы, только животные инстинкты. Удержаться на краю, любой ценой и любым способом, но так, чтобы «сначала ты, а потом я». Река по имени ГУЛАГ дает возможность припасть «воспаленной губой» к новым и обжигающим фактам нашей истории. В случае с Дворжецким поражает сам взгляд и способ воспоминания: в сущности, Вацлав Янович рассказывает о том, как актерская природа спасла его в лагерях, помогла остаться человеком. Искусство «строить и жить» помогает... Здесь оно помогло выжить. Не Брехт, но лагерь научили Дворжецкого «отстраняться», воспринимать свою жизнь как чужую. Не Станиславский, а лагерь научил его основным элементам «системы», зрелищу, вниманию и полной сосредоточенности. Надо было развить богатое воображение, внутреннюю веру и иметь великую «сверхзадачу», чтобы выдержать то, что выдержал восемнадцатилетний киевский студент, попавший в ГУЛАГ в год «великого перелома», 1929-й, и покинувший его уже после войны, в декабре 1945 года (их было пятеро студентов, создавших свою неформальную Группу освобождения личности — ГОЛ — и приговоренных к Соловкам за то, что собирались вместе и читали философов, в том числе работы Маркса и Ленина).

Я познакомился с ним в Горьком, где он в конце концов осел в своей свободной, относительно свободной жизни. Могу свидетельствовать: тогда, в 60-е годы, это был не только замечательный артист нижегородской сцены, но едва ли не крупнейший актер всей театральной периферии России. Его артистические способности, получившие неожиданное развитие в тюремном быте, его человеческий состав и некое устойчивое «зековское» мировоззрение ставили его особняком в театре. О его прежней жизни мы знали мало, сам он никогда особенно не распространялся на эту тему, но это был, что называется, артист с биографией. Внутренний запас прочности и какой-то лагерьный подмалевок непременно присутствовал в лучших его ролях. Он играл, например, горьковского Луку так, что можно было понять, через какие этапы прошел этот старик. «Мяли много, потому и мягкий», — за школьной фразой у Дворжецкого стояло не театральное содержание. В каждую роль он вносил запас своих наблюдений, которые выделяли артиста среди зычных и гладкобритых народных и заслуженных товарищей по цеху. Он был, конечно, меченым, но душа его имела внутренний стержень. Он всегда в какой-то внутренней обороне, всегда настороже, его остроумие разит, как бритва. Он знает про жизнь нечто важное и умеет ценить уходящее время.

В ОРЕОЛЕ ТАЙНЫ?

Большой интерес у читателей вызвали статья Я. Карповича «Стыдно молчать!», опубликованная в № 29 «Огонька», и ответ ему сотрудников УКГБ по Москве и Московской области («Огонек» № 34).

Я, Пушкарев Г. Т., после окончания Отечественной войны по путевке комсомола в апреле 1946 года добровольно пошел на службу в органы КГБ и не жалею, что стал чекистом, и если бы, как говорят, жить начал заново, я бы повторил свою чекистскую жизнь.

Я, Горлач Ю. П., после окончания Высшей партийной школы работал заворгом в РК КП Украины в Днепропетровске и по направлению партии пошел в органы КГБ по своему собственному желанию и вырос до начальника областного отделения.

Нам стыдно за нашего коллегу Я. Карповича, статья которого была опубликована в «Огоньке», за бывшего чекиста-коммуниста в звании полковника.

Как можно компрометировать самую уважаемую и авторитетную на сегодняшний день организацию, которая в самые тяжелые годы могла с честью выйти из того периода, не запятнав себя ни единым черным пятнышком, а, наоборот, показала себя честной, добросовестной и преданной нашей великой Родине организацией. КГБ — единственная отрасль в стране, которая пока еще пользуется авторитетом. Мы сейчас среди простого народа и слышим, как люди говорят: «Вот смотрите, и до вас, чекистов, добралась пресса и ваши же сами компрометируют вас».

Мы знаем людей, которые пришли на службу в КГБ из партийных органов и прекрасно показали себя в работе с бандами украинских националистов, рискуя ежедневно своей личной жизнью. Прекрасно себя показывали, погибали от рук бандитов, сохраняли честь и достоинство чекиста. Мы знаем и, если надо, назовем фамилию бывшего следователя УКГБ по Днепропетровской области, который пришел из органов прокуратуры и за взятки был осужден.

В своей статье вы, уважаемая редакция, вместе с Карповичем пишете о каких-то «черных дырах» в истории ЧК. Чепуха это, никаких «черных дыр» в истории ЧК не было и нет, мы, чекисты, прекрасно помним, что во все годы своей деятельности выполняли волю народа, волю партии. Мы, чекисты, не виноваты, что в руководстве стояли некомпетентные люди, причем не в руководстве КГБ, а в партийном руководстве. Мы, чекисты, в рамках идеологической работы проводили в народе указания партии.

Чекисты в эти периоды «черных дыр» занимались пресечением деятельности агентуры немецких и других антисоветских центров, занимались и занимаются в настоящее время поиском шпионов, террористов, наркоманов и многих других категорий отщепенцев, их, к сожалению, немало бродит по нашей грешной земле. В эти периоды мы занимались поиском карателей, немецких прихвостней, предателей и их пособников, мы боролись с бан-

дами Бандеры и Мельникова, проводили большую, кропотливую работу — профилактическую.

Очень жаль нам, пенсионерам-чекистам, что, возможно, и сейчас в органах КГБ есть карповичи, которые потом, уйдя на пенсию, будут обливать грязью своих друзей, коллег, соратников, сослуживцев. Об этом должны помнить все работники кадров органов КГБ и в центре, и на местах.

Г. ПУШКАРЕВ, Ю. ГОРЛАЧ
Днепропетровск

КГБ долго был зоной, недоступной для критики. Почему? Только благодаря Съезду народных депутатов заговорили вслух о его роли в нашей многострадальной жизни. На советских НКВД — КГБ страшные и тяжкие преступления, которые не уместятся в человеческом сознании. Никакие чингисханы не принесли нашей стране столько горя, сколько принесли эти «борцы». Но не только они, весь партийно-административный аппарат прежних времен повинен в гибели миллионов: лучшей части рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, командного состава армии, старых партийцев-ленинцев.

Когда же состоится всенародный суд над палачами? До каких пор они преспокойно будут писать мемуары, как верой и правдой служили народу? Как мы можем говорить о перестройке, если не дана юридическая квалификация всем этим преступлениям? Почему никто на высшем партийном и государственном уровне не дал принципиальной и откровенной оценки факту создания такой организации, как ВЧК?

И еще много вопросов. Кто осуществляет контроль над КГБ? Разрабатываются ли правовые нормы, гарантирующие неприкосновенность личности, ее защищенность от органов? Или наши права существуют только на бумаге? Впрочем, какие права? Продолжают действовать цензура, крепостное право в виде прописки, кабальных анкет, паспортной системы и т. д.

Писать об этом — не значит быть против своего государства, а наоборот — участвовать в его демократизации. Говорить об этом надо не только в прессе: по всем важным проблемам в демократическом, правовом государстве должны проводиться референдумы и подлинно научный опрос общественного мнения.

Т. РЕПРИНЦЕВА,
преподаватель техникума
Львов

На одном дыхании прочитал историю Я. Карповича «Стыдно молчать!» в № 29 «Огонька», проткнувшую занавес над деятельностью органов госбезопасности в хрущевско-брежневские времена. Ста-

тья правдивая, объективная и в высшей степени актуальная: идет обновление нашего общества и создание правового государства.

Сам я работал несколько лет в органах госбезопасности в Житомирской, Львовской и Ровенской областях. В 1947 году после демобилизации меня, как фронтовика, райком партии и райвоенкомат направили для работы в органы. Не скрою, я был польщен, но, столкнувшись с практической «работой», в которой заранее планировалось количество арестов, допросов, вызовов и т. д., я стал прозревать. Помню, как выселяли семьи бандеровцев. Под эту категорию попадали многие, не брали во внимание ни больных, ни стариков, ни детей. Уже позже, работая в управлении МГБ — КГБ с 1950 по 1970 год в Ровенской области, я понял, что наша работа оценивается по количеству арестов антисоветчиков, а это порождает пороковую практику — марфонскую гонку за объектами ареста.

При брежневско-сусловском административно-командном режиме объектом гонки стали так называемые украинские буржуазные националисты. Под эту категорию попадали в основном писатели, творческая интеллигенция, которая подняла свой голос в защиту родного языка. По директивной палочке началась травля О. Гончара, Г. Тютюнника, Р. Иванчука. Органы перешли к выявлению лиц, рассказывающих анекдоты, слушающих «Голос Америки», «Свободу» и т. д.

Тов. Карпович в своей обстоятельной статье не осветил такой вопрос: при Н. Хрущеве органы МГБ — КГБ были сокращены на 40—50 процентов, отделы КГБ были ликвидированы в районах.

Возникает законный вопрос: для чего нам сейчас иметь такой огромный высокооплачиваемый штат КГБ? Народные депутаты А. Собчак, Ю. Власов, Б. Ельцин, писатель В. Кондратьев (в «Литгазете») правильно ставят вопрос о сокращении огромного штата до разумных пределов, о том, что сотрудники КГБ не должны заниматься не своими функциями.

И. ПРИСЯЖНЮК,
ветеран войны и труда
Ровно

Думаю, тяжело было читать отставному полковнику КГБ Я. Карповичу отповедь своих бывших сослуживцев, которым «не стыдно».

Ярослав Васильевич Карпович запрашивал меня 20 марта 1964 года в неизвестном здании по поводу перепечатки стихов О. Мандельштама. Он вел вопрос жестко, но корректно, не унижительно. Помню, заходил еще в комнату старший по должности тов. Зайцев, направленный на укрепление из парторганов. Тот разговаривал со мной беззлобно-неприязненно и агрессивно.

Были у нас и споры с Ярославом Васильевичем. С жаром не соглашался он с моей оценкой морального облика его сослуживцев и «пользы» стране, народу и делу социализма от их рьяной работы. Показался он мне тогда человеком искренним, но заблуждающимся. С приятствием прочитал его покаяние. Хоть теперь...

Однако мы видим, что остальные — не стыдно. Они всегда готовы! И если снова прикажут...

Их письмо и заметка Н. Егорычева подтверждают правоту выступления на Съезде народных депутатов Юрия Власова.

Ох, не скоро дадут нам жить по-человечески!

С. ПОРАДЕК,
кандидат технических наук,
зав. отделом дорожного
Всесоюзного
научно-исследовательского
института
Москва

Уважаемый тов. Карпович, ваша статья может быть поставлена рядом с великодушными выступлениями на Съезде народных депутатов Емельянова, Попова, Сахарова, Власова, Ельцина, Ю. Афанасьева, Ефтушенко и других. О том, что КГБ воюет со своим народом, знают все, и поэтому нового вы ничего не сообщали. Но громко сказано бояться. Вы это сделали.

Пишет вам ветеран КГБ, член партии. Если вы помните, при обсуждении кандидатуры Крючкова выступил тов. Ельцин: «Я десять лет был первым секретарем Свердловского обкома КПСС, и за это время органы КГБ в области не выловили ни одного шпиона». Могу добавить, что после отъезда Ельцина в Москву (апрель 1985 г.) обстановка не изменилась. За последние десять лет в Свердловске тоже, как и в Уфе, выросли новые здания для сотрудников КГБ.

Область наша для туристов закрыта, и настоящей работы нет, приходится ее выдумывать, то есть выполнять роль «тайной полиции». На предприятия, учреждения идет активный поиск сотрудников, пополняется штат в основном за счет партийных функционеров.

Безусловно, КГБ в глазах народа — одиозная организация в основном за прошлые беззакония. Чтобы КГБ стал настоящей разведкой и контрразведкой, нужно оградить его от некавалифицированного руководства со стороны аппаратчиков. Ибо опыт показал, к чему это приводит.

И хотя я верю, что дойдет перестройка и до органов, фамилию свою не сообщаю даже вам, тов. Карпович, ибо в нашем Свердловском управлении ничего не изменилось. Спасибо за честность.

Т — В
Свердловск

КЛЯНУСЬ НА ЗНАМЕНИ ВЕСЁЛОМ

У многих
журналов

сейчас
само содержание —

сюжет и роман.

А полтора,

два —

что уж и вспоминать, —

три года

назад

я писала:

вот нечего

похвалить,

нечего посоветовать

людям почитать,

что ж,

подождет

следующих

номеров,

может,

будут счастливее.

Как все переменялось...

Татьяна ИВАНОВА

Конечно, я и сейчас встречаю в журналах достаточно чепухи: и бездарные романы, и графоманские стихи, и длинные пустопорожние статьи. Но абсолютно невозможно тратить на разговоры о них время, драгоценную огоньковскую площадь. Невозможно, потому что публикаций, достойных самого пристального читательского внимания, очень много.

В апреле «Вопросы литературы» опубликовали довольно большую подборку «непричесанных мыслей» Станислава Ежи Леца (перевод с польского В. Россельса). Где бы и при каких бы обстоятельствах ни возникло имя Леца, в моей голове оно мгновенно сопрягается с таким его афоризмом, опубликованным в том же журнале много перестроечных и застойных лет назад: «Хорошо. Предположим, ты пробьешь лбом стену. Что ты будешь делать в соседней камере?» Три эти фразы — опубликованы?! По тем временам почти невероятная смелость. В память мне они врезались потому, что уж очень точно формулировали мое тогдашнее мироощущение. И, как мне кажется, в этом мироощущении я вовсе не была одинока.

Теперь, только увидав имя Леца в журнале, я прямо автоматически выдала сама себе те же три фразы. И подумала, что это отвратительное мироощущение переменялось. Стучание в стенку лбом сейчас не кажется бессмысленным занятием.

На этот раз я выписала из подборки в «Вопросах литературы» такой афоризм Леца: «Используйте опыт орнитологов. Чтобы писатели могли развернуть крылья, надо дать им свободу пользоваться перьями». Похоже, что опыт орнитологов если и не взят нами на вооружение, то, во всяком случае, больше не отрицается у нас как абсолютно чуждый нам и ошибочный.

К сегодняшнему дню я прочла только два номера «Невы» с романом Анатолия Злобина «Демонтаж» и еще не знаю, чем кончится дело. Скажу вам, что каждую следующую страницу, до того самого момента, пока гигантская статия Старика не рухнула наземь, я переворачивала, отчаянно боясь, что демонтаж сорвется. Потому что вся наша надежда ведь покоилась на трех лицах. На довольно интеллигентном, но вяловатом партийном работнике, на репрессированном

и реабилитированном инженере, да еще, может быть, на сварщике Терентии Дзюбе, у которого, судя по его лексике, ни малейшего почтения к Вождю и Учителю нет сейчас, когда ему доверено statue поджилки подрезать, но ведь не было и тогда, когда ему же было доверено приварить великую голову к великому туловищу. Кроме этих троих, все остальные многочисленные лица в романе недвусмысленно свидетельствовали: Сталин жив.

Конечно, я обязательно прочитаю следующую часть... Но вообще-то ведь ясно, что тогда демонтаж все-таки сорвался: сталинизм уцелел, на несколько лет притаился и постепенно поднимался, креп духом, наливался чуть не прежней силой...

Надеюсь, вы читали или сейчас читаете «Демонтаж». Удивительное произведение! Настоящая, в классическом русском стиле сатира. Успокоиться и прийти в душевное равновесие — тоже в классическом русском стиле — естественно, не даст. Но и посмеетесь, и призадумаетесь, и будете волноваться, «что дальше», хотя и сами прекрасно знаете, «что дальше»...

Один очень хороший и знаменитый публицист посоветовал мне недавно: «Знаешь, ты больше не пиши вообще слово «Сталин», потому что он всем надоел и люди просто перестанут читать». Один замечательный редактор задумчиво молвил: «Больше нельзя писать о Сталине: получается опять культ личности, только с обратным знаком». Читатели иногда пишут: «Вам не надоело там, в «Огоньке», все «Сталин» да «Сталин»?..»

Ну, давайте его, друзья дорогие, переименуем, как переименовал Злобин. Будем писать, как Злобин, «Старик». Или еще какие-нибудь изобретем хитрости, эвфемизмы, синонимы... Но писать про феномен сталинизма, по моему глубочайшему убеждению, мы еще только начали. Только приступаем к его осмыслению. Демонтаж в самом начале. И если мы поддадимся сейчас поверхностному чувству: «надоело», «намелькало», хочется чего-то иного, если мы чему-нибудь поддадимся и не завершим демонтаж, Старик опять схватит нас за ноги и не даст двинуться с места. Активные читатели приустиали? Пусть отдыхают, благо есть что читать и без антикультовских публикаций. Но негоже этим активным читателям превращаться в снобов. Сталинистов слишком много вокруг. Разве вы не слышали их бурные овации, их рев и топот, их охранительные речи даже и с прекрасной депутатской трибуны? Многие из них и самим себе не признаются, что

сталинисты. А некоторые о себе этого и не знают.

Люди не отличают свободу от несвободы. Вы ведь читали об этом и в повести «Все течет» (о ней речь впереди), вы ведь не можете не видеть этого и сами. У сталинизма на вооружении были все виды искусств — от романа до пубки. Потому что различно человеческое восприятие, различен уровень культуры. Он внедрялся в общественное сознание десятилетиями. Так вот и у антисталинизма должны быть на вооружении все виды искусств, все жанры. И наивно думать, что антисталинизм управится с общественным сознанием в более сжатые сроки. Интеллигенции надо бы это понимать. Ведь ее заботы, разумеется же, не о том только, чтобы друг друга умно развлекать.

Хотя статья Л. Баткина из журнала «Знание — сила» под заголовком «Сон разума» угодит самому изысканному вкусу. Она о безмерной пошлости и скудоумии сталинизма (пожалуй, еще не бывший предметом исследования аспект феномена)... И еще одна статья примерно на ту же тему в майском номере «Вопросов литературы». Вениамин Каверин, «Литературная Москва». Ее не должны пропустить читатели, интересующиеся историей новейшей литературы, не только потому, что она интересна, но и потому, что это предсмертные записки одного из наших достойных почтения старейшин.

В том же номере люди, считающие себя серьезными читателями, не должны пропустить еще одно замечательное произведение: воспоминания С. Макашина, посвятившего свою жизнь Салтыкову-Щедрину. На этих страницах встречаются и Луначарский, и сын Салтыкова, Константин Михайлович, вдова Плеханова и Ольминский, инициатор «Литературного наследства» Зильберштейн и известный литературовед «сексот ГПУ» Эльсберг, Вера Фигнер и Игорь Северянин, который был, оказывается, большим поклонником Щедрина... Прочтем и его стихотворение, видимо, мало кому известное:

...Гниет, смердит от движущихся трупов
Неразрушимый вечно город Глупов —
Прорусенный, повсюдный, озорной.
Иудушки из каждой лезут щели.
Страну одолевают. Одолели.
И нет надежд. И где удел иной?

С. Макашин рассказывает, как дорого обошлась литературе, а стало быть, нам с вами, нашим детям, внукам и правнукам вопиющая некомпетент-

ность «идеологической редакции» 20-томного собрания сочинений Салтыкова-Щедрина. «Самое печальное, что присылавшиеся в редакцию текстологические материалы можно считать погибшими». Работали с ними так: то, что редактор считал нужным опубликовать, он вырезал ножницами, остальное кидал в корзину...

Предельно сдержанные, даже суховатые воспоминания нашего замечательного современника интересны и поучительны.

Об одной из величайших бед современности — «Чернобыльская тетрадь» Григория Медведева в июньском «Новом мире». Здесь исследование главной причины беды — тотальной некомпетентности. Думаю, что компетентность — едва ли не ключевое, поворотное слово среди всех самых часто употребляемых сегодняшних слов. Или мы признаем руководящую роль компетентности во всех областях нашей жизни, и тогда можно будет надеяться на лучшее будущее наших детей. Или «идеологические редакции» по-прежнему будут вырезать ножницами куски из текстов классика, «идеологические отделы кадров» по-прежнему будут подбирать для работы на атомных станциях людей, для которых специальность куда менее важна, чем лояльность? Тогда жаль мне наших детей.

Повесть Григория Медведева я рассениваю как событие в нашей жизни и не боюсь преувеличения, хотя жизнь наша именно сейчас, может быть, как никогда прежде, богата событиями. Повесть написал специалист-атомщик, знающий станцию и всех, кто был на ней в роковую ночь, как свои пять пальцев. Не пугайтесь, не откладывайте в сторону журнал, если вам вдруг покажутся сложноватыми некоторые страницы. Надо только внимательно читать, автор написал максимально просто, но ему ведь было нужно, чтобы мы все поняли, что тогда произошло и почему. Глаз наткнется на «инженеризмы» — но не всем словам в языке есть общепонятные синонимы. И не всем явлениям в Чернобыле можно дать толкования элементарные, потому что сама атомная энергетика — явление для человечества новое, плохо познанное, непривычное. И такое, как в Чернобыле, случилось на Земле впервые.

В июльском номере «Звезды» статья «Как это было» Михаила Рослякова. Вначале скажу о том, кто такой Росляков. Он был одним из ближайших помощников Кирова в Ленинграде. Он первым оказался рядом с убитым Сергеем Мироновичем. Он многое знает об этом «убийстве века». В 1937 году его, естественно, посадили. В 1956-м, тоже естественно («естественности» нашего бытия к общечеловеческому часто не имеют ни малейшего отношения), полностью реабилитировали. Вот с тех пор он со всеми своими знаниями, догадками, предположениями и стучался лбом во все возможные двери. И что же? Какие бы высшие постановления о неопходности расследовать, наконец, тайну убийства Кирова ни принимались, к той информации, которой располагает Росляков, настоящего интереса не возникает. Предполагаю, что, публикуя этот материал, «Звезда» преследовала не единственную цель — дать читателю интересные воспоминания, но и другую — привлечь к делу об убийстве Кирова внимание тех, кто обязан это внимание проявлять.

А вот глава из книги воспоминаний Анатолия Горелова «Сосед по камере», опубликованная «Звездой» в мае, знакомит нас еще с одним деятельным участником антисталинского сопротивления. Его имя Николай Кузьмич Беляков. Он был членом первой делегации, на-

правленной Советским правительством вести переговоры с немецким командованием о Брестском мире. Питерский рабочий Беляков от имени русских революционных солдат говорил с немецким генералом на немецком языке. После смерти Свердлова Ленин среди кандидатов на пост председателя ВЦИК называл и Белякова...

Беляковеленны, хотя и очень кратки, воспоминания Николая Кузьмича о встречах с Лениным. Один сюжет представляется мне настолько злободневным, что, боясь, как бы и вся публикация мимо вас не прошла, я все-таки его приведу.

Однажды Ленин спросил Белякова: «А знаете ли вы, товарищ Беляков, кто для нас нынче злейший враг?» Тот, не задумываясь, отвечает: «Хозяйственная разруха». Ну, — то есть примерно — как бы мы сейчас ответили: острейшие экономические, горчайшие национальные проблемы... А вот прочтите теперь, что ответил Белякову Ленин. «Махнул рукой и говорит: «Нет, я не об этом, злейшие враги внутри нас — поддакивающие товарищи... Революция — стремительное действие истории, до того стремительное, что не всегда можно уловить все обстоятельства движения. Поэтому всем революциям, в том числе и нашей, свойственно ошибаться, делать глупости. А поддакивающие товарищи, прущие в гору бюрократы убавкивают нас и почтительнейше закрепляют наши ошибки...» Беляков тогда заспорил. Какие же, мол, «поддакивающие товарищи», возразил Ленин, если и ваши предложения сколько раз проваливались. А Ленин ему ответил: «То, что и мои предложения иногда проваливаются, товарищ Беляков, субъективно неприятно, а объективно — явление положительное. Беда начнется, если и в руководящих органах расплодятся поддакивающие товарищи. А мы с вами, товарищ Беляков, давайте продолжать с ними борьбу, иначе поддакивающие товарищи подберутся и к горлу революции. Извольте не забывать этого».

Для тех, кто прежде относился к «Звезде» без особого интереса (что было и справедливо), сообщаю: журнал именно сейчас начинает меняться, да простится мне примелькавшееся слово — перестраиваться. Так, в майском же номере, где поклонники Набокова наслаждались большой подборкой рассказов, есть заметка и прокламационного типа.

Андрей Арьев, «Ностальгия и кулак». Рассказывая историю публикации в «Звезде» романа Е. Туинова «Человек бегущий», автор объясняет, чем была вызвана публикация произведения, по стилю и духу близкого изо всех ныне выходящих в свет журналов, пожалуй, единственно «Нашему современнику». Статья Арьева написана так откровенно и прямо, что ясно: «Звезда» решительно порывает с прошлым. Порадуемся за нее.

И обратимся к журналу, который, как я вижу по читательским письмам, слышу на встречах в разных аудиториях, многие читают от корки до корки. К «Знамени». Здесь по-прежнему нет пустых страниц, «проходных» материалов, случайных публикаций. Невозможно не упомянуть, например, статью Отто Лациса «Термидор считать броне-ром...» в майском номере.

Конечно, нельзя пройти мимо рассказов и эссе Василия Гроссмана (май) и повести Фазила Искандера «Стоянка человека» (публикация началась в июле). Но о романе Камила Икрамова «Дело моего отца» надо говорить отдельно. Это документальный роман, в нем, как и в «Чернобыльской тетради» Медведева, все факты, все документы, все — от настоящего, невыдуманного

первого лица. Но это про другой Чернобыль — про сталинизм, сталинщину. На сколько лет (послушать бы ученых) в случае с этим Чернобылем — сталинщиной — рассчитан процесс распада?..

Жизни, о которых рассказывает Икрамов, трагичны, а сам рассказчик так замечательно искренен, так сострадателен, и столько горя и муки вместила его судьба, его душа...

А вот произведение, к которому я припала всем сердцем, всей душой, с первых строк почуяв чистый русский классический язык, предвкушая полнейшее погружение в причудливую стихию большого старинного романа. «На углу Малой Бронной студент покупал моченые яблоки и шел домой в Гирши, локтем прижимая распавшиеся листы Римского права... Звенел трамвай неистово и напрасно, и городской белой нитяной перчаткой законополагал движение двух пролетов и одного ломовика. В этот день семинарист, уже полгод думавший о самоубийстве, решил отложить еще, а женщина врач, одинокая и некрасивая, краснея, купила недорогую шляпу, все равно какую; одна-ко сегодня ее не надела, а вышла в старой, так как с юности выработала в себе сильную волю... Это был вообще — замечательный день...»

Речь о романе Михаила Осоргина «Сивцев Вражек», спустя шестьдесят лет после зарубежного издания явившегося нам на страницах журнала «Урал» (публикация началась в мае). Ожидания, возникшие во мне на первых строках этого замечательного произведения, ничуть не были обмануты. И я уверенно советую вам потратить усилия, раздобыть роман и прочесть. Недаром за границей он имел огромный успех, был переведен на многие языки, в 1930 году получил в США премию за лучшую книгу на иностранном языке. Вот дошел и до нас, до соотечественников... Это пока у нас считались писателями Бубеннов с Бабаевским, там, значит, издавался в числе других русских писателей Михаил Осоргин. Все перепуталось... Ну, хоть теперь, возьмите, прочтите, если есть хоть малая возможность, перепечатайте, переплетите, поставьте на полку, детям...

Им, детям, нужно читать другие книги, не только те, что читали мы и наши родители. Ведь ни мы, ни наши родители не можем похвастаться хорошим воспитанием, если уж быть перед собой до конца правдивыми. Людей судят по их делам и поступкам, а наши дела и поступки у всех, в том числе и у наших детей, перед глазами. Мы жили, строили свою страну, свое общество так, как умели. Вот, построили. Хвастаться особенно нечем. Перед детьми нечем так уж гордиться. Не нравится молодежь? Но она — наше порождение, наше продолжение и плод нашего воспитания. Будем растить детей так и на том, на чем растили нас, они и будут похожи на нас, такие же будут совершать или не совершать поступки, так же будут строить... Нет уж, пусть они поют не только те песни, которые пели мы, пусть читают другие книжки, тогда, может быть, внуки...

«Одлян, или Воздух свободы» («Новый мир», июнь, июль). Это произведение Леонида Габашева о самых несчастных из наших детей — об узниках детских колоний. Чтобы читать это произведение, нужны очень крепкие нервы. Признаюсь: моих не хватает... Это очень страшно. Это так страшно, что перед этим бесконечным унижением, кошмаром, садизмом, безнадельностью, пожалуй, тушует даже и лагерная проза, начинает казаться, что узникам сталинских лагерей жилось, во всяком случае, не хуже, чем нашим детям, которых мы сочли нужным лишить сегодня свободы.

В компетентности автора сомневаться не приходится.

А вот другие, абсолютно свободные и счастливые наши дети. Их увидим в повести «Крутые дела» Валерия Попова («Аврора», май, июнь, июль).

Попова я вообще читаю везде, где удастся встретиться. Несколько лет назад я писала, что он, ленинградец, давно переострил всех столичных остряков. Но его рассказы и повести хороши не только и не единственно остроумием (хотя это замечательная черта, разумеется). Начните читать «Крутые дела», уверена — не оторветесь. Это про сегодняшних нас, про то, что скудоумие у нас стало нормой, про то, как презирают нас приемщики пустых бутылок и заведующие макулатурными пунктами со всеми нашими высшими образованиями, демократиями, перестройками и литературами. Про то, как наши дети в школах дружат со своими зарубежными сверстниками — и сколько лжи в слове «дружба» в этом контексте, и какого омерзительного качества эта ложь.

Где все-таки книжки Валерия Попова? Где книжки Виктора Некрасова? В майской «Дружбе народов» его «Маленькая печальная повесть». Тоже про нас, про сегодняшних, только написано и напечатано в Париже, в 1984 году... Не знаю. Похоже, что страх, посеянный в нас сталинизмом, дружить нас тоже разучил, и не только «с зарубежными сверстниками». Славные молодые люди у Некрасова. И уж такие, кажется, друзья, не разлей вода. Но вот встречаются они за границей через несколько лет. И один из них очень богат, может, даже миллионер. А другой... говорит: «Дай мне триста». И друг дает — безо всяких, легко и молча. Но при этом не спрашивает, как вообще-то спросил бы друг старинного, давно не виденного, наверняка неважно (а может быть, и очень скудно) живущего друга: ну, а почему именно «триста», да и как у тебя вообще дела, может, тебе еще нужны деньги, может, еще что-то надо... Но вот и сам Некрасов уезжает за границу. И старинный его друг, с юношеских еще, восторженных лет из опаски не приходит его даже на вокзал проводить. А другой, тоже старинный, глотая слезы, просит не писать, потому что отвечать все равно не будет. Мы ненормальные стали... Как будто нам все человеческое сделалось чуждо...

Но и, говоря по чести, человеческое в себе нелегко сохранять в античеловеческих обстоятельствах. Обыкновенному — не слишком сильно, не слишком независимому — человеку, каких все-таки большинство на белом свете, до чрезвычайности трудно. В летописной повести «Декада» Семена Липкина («Дружба народов») «в наказание за измену» высылают из родных мест целый народ. Настоятельно рекомендую прочесть. Именно сейчас, когда национальные проблемы так у нас остры, нам необходимо стремиться как можно лучше понять друг друга. Чтобы быть сострадательнее, участливее, милосерднее друг к другу. Что пережито теми, кого выселяли? Что сломано в тех, кто выселялся? Какой у этого Чернобыля процесс распада, долго ли будет длиться? Как смыть с себя эту радиоактивную грязь?..

Я знала, что у нас есть хороший поэт и переводчик Семен Липкин. Но не знала, что у нас есть такой хороший прозаик — Семен Липкин. По-моему, его «летописная повесть» достойна самых высоких похвал. Она остроумна, в ней действуют яркие личности, она драматична, колоритна, психологически точна. И — что особенно удивительно — можно говорить, что в ней есть образ целого народа, обаятельный, немножко странный, печальный... Среди огромно-

го количества произведений, прочитанных мною в последнее время, я ни об одном не могла этого сказать. А восхититься повестью Василия Гроссмана «Все течет» в июньском «Октябре» я уж и не буду. После «Жизни и судьбы» мне ясно, что это писатель великий. Все, что публиковалось потом, я так и воспринимала, как прозу великого писателя. По-студенчески, наверное. Рассказы Льва Толстого... Рассказы Чехова... Я не умею понимать, что у них есть рассказы прекрасные, а есть и похуже. Мне как-то кажется, что «похуже» у них нет совсем.

Вот теперь такое случилось с Гроссманом.

Несколько лет подряд в разных статьях я повторяю одно и то же: мы свою литературу не знаем. Постулат этот становится от месяца к месяцу все фундаментальнее, все бесспорнее, наполняется все новым смыслом. Мы не знаем свою литературу двадцатого века. Мы не знаем советскую литературу. Мы не знаем русскую литературу советского периода. К сегодняшнему дню я сформулировала для себя суть четырех пластов литературы, которые только что — причем частично, причем неизвестно, велика ли часть! — становятся нам доступны.

Итак, первый пласт — наша литература, оказавшаяся за пределами Родины. Второй — репрессированная литература (отдадим себе отчет: какое-то количество репрессированных книг публикуется, будет опубликовано, но мы никогда даже не узнаем, у нас просто нет шанса когда-либо узнать, какие книги мы уже никогда не прочитаем, потому что они безвозвратно погибли, а какие даже и не были написаны; вдруг они были еще лучше тех, что чудом спаслись...). Третий пласт — мы только начинаем узнавать тех, кого, как нам казалось, знали всегда (давно прочитанные нами, любимые произведения, оказываются, публиковались с такими купюрами, в таком безжалостно искаженном виде, что были только отдаленно похожи на авторские создания). И, наконец, четвертый пласт — самый непознанный. Молодые, которые не могли пробиться через редакционную и издательскую рутину, как о бетонную стену, разбиравшиеся о непрофессиональных, бездарных редакторов, переставшие писать. Они пропадали для литературы десятилетиями, исчезали поколениями. И все это не кончилось, все продолжается по сей день. По сей день у нас молодым поэтам за тридцать, а то и за сорок, а молодым прозаикам за пятьдесят.

Так что же мы принимаем за свою литературу? Без чего же пришлось нам вырасти и приходится стареть? С чем же мы что-то сравниваем, что сравниваем, что могли бы мы читать при иных обстоятельствах, и какими бы мы были, если бы с нами была наша литература, настоящая наша, неизвестная нам, задуманная для литературы десятилетиями, исчезавшая поколениями. И все это не кончилось, все продолжается по сей день. По сей день у нас молодым поэтам за тридцать, а то и за сорок, а молодым прозаикам за пятьдесят.

И опять я о детях. Их бы дальше не обездоливать. Дать бы им свободу узнавать то, чего старшие уже никогда не узнают, с чем вряд ли сумеют освоиться, впитать, воспользоваться благородным, просвещающим влиянием — дать бы им свободно читать свою родную литературу. Сбудется ли, станет ли когда-нибудь так?..

Мои сверстники, выросшие в шестидесятых годах, не без удовольствия перелистывают юмористическую повесть Василия Аксенова «Золотая наша Железка», вспоминая свои песенки, словечки, шутки, щедро по всей повести рассыпанные. Но мне не кажется, что, обмениваясь впечатлениями об этом про-

изведении, они будут слишком многогречивы. Видимо, сразу все сойдется на одном: как жаль, что мы не прочитали это вовремя, когда хотели именно про это читать... И какой нас тогда лишили радости неизвестно почему...

А вот рассказы Анатолия Гаврилова в том же, июньском номере «Юности», совсем короткие, в память мне запали и не отпускают. Жаль, что их только два. Я впервые, кажется, читаю этого владимирского прозаика, и очень хотелось бы знать, что у него есть еще. И есть ли книги?..

Этот его незабываемый мальчик, мечтающий стать юристом, каждый божий день записывающий в свой дневник «жара, пыль, мухи», этот мальчик, прогуливающийся по берегу реки Пиваяки, тайком пьющий яйца в курятнике («мать никогда не жарит и не варит яйца — все на рынок, все на продажу»), этот провинциальный зануда, изъясняющийся на мерзком новоязе («так как никакой договоренности относительно автобуса у меня не было»), этот несчастный, никем не облаканный, почему-то не такой, как все, ребенок, которому, конечно, не стать юристом, а если вдруг и стать, то там же, в Шлаковом, и видеть все те же драки у пивного ларька, друзей, делающих кастеты, мать, которая с кем-то бьется за место в автобусе, — этот мальчик так жалок, что сердце щемит, и надо бы прийти к нему на помощь. Но ведь спасать надо целый Шлаковский, с матерью мальчика и соседкой, с Р. И. и В., которым не выдают рукавицы, с Г., который недавно сбил «Жигулями» З... Как спасать, как помочь?

И все-таки. Что еще написал Анатолий Гаврилов из Владимира? Есть ли у него книги? Не надо ли нам спасать самих себя от того, что мы до сих пор не знали такого хорошего писателя?

Рядом с «Юностью» передо мной «Донбасс». В Донецке выходит. В нем повесть Михаила Колосова «Платонов тупик». Нашла она, горемычная, себе наконец приют.

Я люблю честную прозу Колосова, тихую, серьезную, сдержанную. Очень похожую на него самого. Как он стойко держался на посту главного редактора «Литературной России», чтобы уберечь газету от упреков в не порядочности... Вот только теперь, когда после выступления на страницах «Огонька» его сняли, стало видно, какие он сдерживал страсти...

Травля Михаила Колосова началась после того, как «Литературная Россия» высказала свое несогласие с некоторыми речами на секретариате СП РСФСР. Это была попытка газеты выразить свое мнение, а не мнение секретариата. Страшнейшее нарушение всех наших застойных и предзастойных традиций! Ведомственный орган может выражать только мнение ведомства и беспрекословно ему подчиняться. Если Закон о печати, который сегодня готовится, не ломает эту традицию, мощнейший тормоз на пути перестройки не будет устранен. Потому что именно ведомственная газета, как никакая другая, знает проблемы ведомства, именно она может основательно и грамотно, со знанием дела и конструктивно разобраться в них. Она, и никакая другая, поскольку для любой другой данное ведомство только одно из многих, а статья о его проблемах только эпизод. Но подчинение газеты ведомству — нерушимая заповедь. Ее-то и пытался преодолеть Колосов...

Кстати, читатели обратили внимание, что уже давно в обзорах я перестала спорить с «Нашим современным», с «Москвой», с «Молодой гвардией»? Многие недовольны этим, считают, что длинный ряд статей просто невозможно оставлять без ответа. Но я делаю это

сознательно. Много раз объясняла, почему, но, видимо, всякий раз невнятно. Придется еще.

С идеями, которые я понимаю как сталинские и антиперестроечные (в эти два термина плавнo и без нажима входит национализм), многие публицисты и критики борются постоянно, каждый по-своему. Отвечать же на вранье, сплетни, оспаривать, оправдываться в несуществующих грехах (сказано ведь: без толку покаешься — без числа согрешишь), требовать сатисфакции за оскорбление от людей, которые не считают для себя унижительным подписывать собственным именем вранье, сплетни, доносы, оскорбления, — все это представляется мне занятием бесплодным, к литературе и журналистике отношения не имеющим и неинтересным. Вот как вы поведете себя, например, в трамвае, если к вам пристанет хулиган и начнет вас поносить? «Ну, шляпа, ты что же не отвечаешь? Вот я тебе на салог плюнул. Отвечай, да? А теперь я тебя толкну, подвинуся... Ну, а ты меня толкни! Слабо?» Вы как себя поведете? Позовете милицию? Дадите сдачи? Наверное, так и надо, не знаю. Я выйду из автобуса.

Из этого автобуса я выхожу еще и потому, что, помня фамилии авторов, выдающих свои пасквили за литературную критику, «Огонек», по-моему, создает им известность, которой они никогда не имели бы в своих изданиях. Вот и пусть не имеют.

А «Платонов тупик» М. Колосова я читала еще в рукописи, несколько лет назад. Уж и погуляла она по столичным журналам, повалывалась в редакторских столах! А дело в том, что эта повесть о жизни в оккупации. И — подумайте сами — повестей о жизни в оккупации у нас почти не было. У нас на «временные оккупированные территории» бываю только предатели, полиция или партизаны. Соответствовать действительности такая лихая установка, естественно, никак не может. Люди оставались под немцами на годы — не забудем, что не по своей вине или воле. Целые города и поселки. Они должны были работать, растить детей, жить. И вот вообразить себе эту повседневность, эти будни в рабстве в собственном доме, ежедневный приход на работу, детей, которые не умеют держать язык за зубами, собственное самолюбие, которое нужно спрятать далеко-далеко, а лучше вообще забыть. На сколько? На годы? Так вот, вообразить себе эту повседневность пока что, на мой взгляд, лучше Колосова никто не смог.

А ведь и это наша история, урок, память, боль... Будете вы искать по библиотекам «Донбасс» с тиражом в 13 тысяч экземпляров? Вряд ли. Нет, нам надо незамедлительно спасать себя от всяческой некомпетентности. Ведь мы с вами даже не читаем то, что имеем полное право читать, — только и единственно потому, что некому признать достойным читательского внимания то, что достоин читательского внимания... Анатолий Гаврилов на фотографии в «Юности» далеко не мальчик. Повесть Михаила Колосова «Платонов тупик» мы должны были прочесть еще три года назад...

Много говорят о повести Юрия Полякова «Апофегей» из майского номера «Юности». Я слышала и голоса ее ярых сторонников, и не менее ярых противников. Признаюсь, мне не очень понятно, о чем здесь спорить. Добротная, бережная к современным реалиям, ехидная повесть. Читается легко, все в ней узнаваемо. Года три да, пожалуй, и два назад никто бы ее не опубликовал — крамола, посягательство на незыблемый авторитет работников парт-аппарата и вообще слишком много на-

смешек... Ну, так и порадуемся, что теперь это все для нас не крамола и даже не открытие. И насмешек мы больше не боимся. Вас раздражает некоторый искусственный поворот сюжета? Вам кажется, что в жизни так не бывает, как у Нади с Бусыгиным? Ну, может, и в самом деле, не так уж часто бывает... Но все-таки бодрой и динамичной повести я бы простила натяжку.

Этот майский номер весь очень неплох. Тут и Рой Медведев о Лазаре Кагановиче, и — для общего развития — юношеские стихи Юрия Олеси, и Андрей Синяевский со статьей «Диссидентство как личный опыт», и славный рассказ Александры Ланиной (почему эта молодая писательница появляется так редко, исчезает после каждого рассказа на годы?).

И вот молодые поэты со страниц «Юности» опять пропадают. Не могу не сказать об этом с грустью.

«Даугава» из номера в номер публикует «Оканные дни» великого Бунина.

«Вопросы философии», как я уже неоднократно писала, помещают на своих страницах из номера в номер замечательно интересные статьи. Назову только две: «Восстание масс» Хосе Ортеги-и-Гассета (март), Ф. Ницше «По ту сторону добра и зла» (май). Видимо, было бы странно, если бы я стала высказывать свое мнение об этих работах. Вы составите собственное.

Некоторые читатели весьма резко отчитывают меня за то, что обзоры появляются редко, нерегулярно... Это очень трогательно. Видимо, люди не догадываются, что дело это для меня не служебное, а добровольное. И, признаюсь, невероятно трудное. Труднее, чем журнальный обзор, ничто не пишется. Причем с каждым месяцем читать и осмысливать сейчас нужно все больше и больше. Конечно, это благословенные, счастливые трудности. Безусловно, самые счастливые из всех трудностей жизни. Единственное, чего еще недавно боялась (а сейчас окончательно бояться перестала), что трудности поумнешатся, читать опять станет нечего... Не станет — мы только начали открывать, узнавать свою собственную литературу. Она предстоит нам — прежняя, до нас по разным причинам недопущенная; настоящая — хранящаяся в столах у писателей и поэтов, которых мы думаем, что знаем, а на самом деле совсем не знаем (вспомните самый простой и всем известный пример: «Сандро из Чегема», как мы его читали прежде и как прочли теперь); новая — пока не пробившаяся к нам через всеобщую редакционно-издательскую дедовщину и вкусовщину. Подписываться?.. Да не теряя времени подписываться! Столько хороших журналов... И помнить: книга когда-то еще выйдет, да и как еекупить, а «самиздат» из журнальных публикаций — не для книголюба, конечно, а для книгочея — великолепной становится библиотекой.

Подписываться, переплетать, давать почитать друзьям, соседям, учителям той школы, где учатся дети, обязательно детям. Просвещаться и просвещать. Это существенный вклад в цивилизацию общественного сознания.

...Клянусь на знамени веселом сражаться праведно и честно, что будет путь мой крут и солон, пока исчадие не исчезло, что не сверну и не покаюсь, и не скажусь в бою усталым, пока дышу я и покамест не умер Сталин.

Так я поклялась перед вами строфой из стихотворения Бориса Чичибабина («Нева» № 5) — одного из поэтов, которых по-настоящему нам только еще предстоит узнать.

ДЕЛА НАУЧНЫЕ...

Торговля учеными степенями и званиями — наше отечественное изобретение. Нигде в мире не получишь барыша от такой торговли, ибо нигде в мире не прилепишь табличку «доктор наук» или «профессор» на неподходящий лоб. Мигом отклеится табличка. У нас прилепить не составляет труда. И все будут послушно верить: раз наклеено, значит, так оно и есть — доктор и профессор, не важно, какие у него на самом деле знания и квалификация. А потому таблички эти — товар, предмет купли-продажи, спекуляции, жульничества.

КАК ПЕКУТ «УЧЕНЫХ»

В официальном заключении Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР ничего не сказано о детских годах И. Карачарской. Зато чрезвычайно подробно, день за днем, — о ее сознательной жизни, которую она начала в Ташкенте и посвятила изучению воды, источника жизни в тех краях. Ее первая кандидатская диссертация называлась вполне научнообразно: «Пути повышения экономической эффективности использования оросительной воды в хлопковой зоне на примере оросительных систем и хозяйств-водопользователей Ферганской области». Но диссертация эта так и осталась ненаписанной. По прошествии некоторого срока Карачарская возникла в Москве во ВНИИ гидротехники и мелиорации имени А. Н. Костякова. Здесь она принимается за настоящую работу. Четыре года два месяца живя в Москве и терпеливо изучая столичный метрополитен (весьма запутанный), Карачарская всю себя отдаст поддержанию жизни в Голодной степи, находящейся как раз там, откуда она приехала, — в Узбекской ССР. Тема ее второй кандидатской: «Исследование экономической эффективности реконструкции оросительных систем в старой зоне Голодной степи». Тяга Карачарской к экономической эффективности всего, что ни попадет в поле ее зрения, конечно, требует своего исследования, просто сейчас не до этого.

Научного руководителя совсем еще юной, двадцатичетырехлетней аспирантки доктора экономических наук, профессора В. Дмитриева и научного консультанта, кандидата технических наук В. Штыка, вероятно, смутила некоторая угрюмость названия. Поэтому они его слегка отредактировали, не испугавшись нанизывания родительных падежей: «Экономическая эффективность реконструкции оросительных систем старой зоны орошения Голодной степи». Как видим, мрачноватое «в старой зоне Голодной степи» сменилось на несколько более оптимистичное «старой зоны орошения Голодной степи». Дескать, хоть она и старая, но орошается.

Наконец, специализированный совет ВНИИ гидротехники и мелиорации выделил для Карачарской официальных оппонентов — доктора экономических наук В. Лисичкина и кандидата технических наук И. Куприянова. Доктор и кандидат отозвались на кандидатскую диссертацию единодушно положительно. А вскоре Карачарская вышла на трибуну и успешно защитилась. Так специализированный совет при ВНИИ гидротехники и мелиорации дал стране еще одного кандидата экономических наук.

Да, дипломированной, да, ученой, но Карачарской все же пришлось возвращаться в свою степь. Сидела она, сидела скромным м.н.с. в Среднеазиатском НИИ ирригации, но потом вспомнила, что друзья познаются в беде. И вот через три года кандидат экономических наук Карачарская переезжает в Москву, бедную экономистами (согласно телефонному справочнику, в Москве всего девятнадцать экономических НИИ). И с ходу начинает делать докторскую. Только уже не по воде для Голодной степи и вообще не по воде, а по бытовому обслуживанию населения. Тема, которая утверждает ее на ученом совете ЦНИИбыта, на этот раз сформулирована так: «Разработка экономико-математических моделей оперативно-календарного планирования на серийных промышленных предприятиях». Забегая вперед, скажем, что когда после успешной защиты диссертации в это дело вмешался старший уполномоченный службы ВХСС В. Нестеров, то выяснилось, что никто в ВАК не может объяснить, о каких «серийных промышленных предприятиях» идет речь и вообще в чем там дело.

ЛИПА

В аттестационном деле Карачарской были выявлены подложные протоколы заседаний ученого совета ЦНИИбыта и его экономической секции, фальшивые свидетельства полноценности докторской диссертации, иначе называемые экспертизами, лживые заключения, отзывы, ходатайства, подтасовка научных трудов и результатов внедрения основных положений диссертационной работы на предприятиях системы Минбыта РСФСР и на отдельных предприятиях и в организациях других отраслей — полный набор документов оказался липой. За исключением подписей. Их ставили (приготовьтесь к обильным перечислениям высоких научных званий, дальше их будет еще больше) доктор экономических наук В. В. Волков, бывший тогда заместителем председателя экономической секции ученого совета ЦНИИбыта, уже упомянутый доктор экономических наук, профессор В. Лисичкин, доктор экономических наук, профессор Ленинградского финансово-экономического института В. Войтоловский, доктор технических наук, профессор Селивасов (инициалы и место работы неизвестны), кандидат экономических наук Г. Панов, ученые секретари ученого совета О. Горицкова и М. Ясенева, секретарь партбюро ЦНИИбыта В. Турин, председатель профкома Л. Петрова...

Но защищалась Карачарская отнюдь не в ЦНИИбыта. Защита проходила в специализированном совете при НИИ экономики и комплексных проблем связи (ЭКОС). Здесь соискательница попадает в новую обойму докторов наук и профессоров — самого директора НИИЭКОС и председателя специализированного совета К. Шихаева, Ю. Михеева из Госснаба СССР, В. Серебрякова из Всесоюзного заочного политехнического института, Б. Пряникова из Ленинградского финансово-экономического института, Ю. Агафонова, директора ЦНИИ, но уже не быта, а управления и экономики, В. Квасниченко из ВНИИ проблем организации и управления, Е. Курочкина из ЭКОС же, Е. Маквцова из Пензенского политехнического института, П. Стукалова из Министерства электронной промышленности СССР.

Надо сказать, что специализированный совет при НИИЭКОС вообрал в себя 19 членов. Из них 19 — члены КПСС, 16 — доктора технических или экономических наук, 10 — профессора, 1 — доцент, 3 — кандидаты технических наук. Эти ученые люди работают директорами научно-исследовательских институтов, начальниками главков, заместителями директоров НИИ, начальниками и заведующими лабораториями и отделами, есть даже первый заместитель председателя Государственного комитета СССР по народному образованию (министр СССР) Ф. Перегудов (он доктор технических наук, профессор), есть и еще один наш герой (о нем речь впереди) — В. Малеев, тоже и доктор технических наук, и профессор, и ученый секретарь ученого совета НИИЭКОС... Все они также поставили свои подписи под липой, проложившей соискательнице дорогу к высокой ученой степени.

Сейчас самое время напомнить, что над своей кандидатской диссертацией Карачарская корпелась четыре года два месяца. А над докторской — с момента приезда в Москву и до момента защиты — всего полтора года.

Защитилась она прекрасно.

НА УРОВНЕ ВТОРОГО КУРСА

В свое время Малеев, как и Карачарская, потянул в науку. Кандидатскую защитил во ВНИИ медицинского приборостроения на тему «Вопросы теории методов технологического контроля радиоустройств,

построенных на гибридных микросхемах». Потом, уже в НИИЭКОС, возвысился до доктора технических наук, но защищался не в ЭКОС, а в далеком от Москвы и медицинской научно-производственном объединении «Кибернетика» в том самом Ташкенте, где пребывала в то время и Карачарская. «Основы теории создания и технической реализации интегрированных АСУ гибкими производствами машиностроительных отраслей промышленности» — так называлась его докторская диссертация. Подлог разных документов, подделанные подписи, печати, ложные свидетельства и экспертизы, фальсификация должностей, званий — все есть и в деле Малеева. Только фактов, которые говорили бы о выполнении диссертации Малеевым в НИИЭКОС, проверкой не установлено. Не обнаружила проверка и материалов об экспериментальных результатах его научных исследований. Кроме того, экспертиза показала, что значительная часть диссертации «представляет собой стандартную учебную расчетно-графическую работу студента второго-третьего курса специальности АСУ».

А теперь снова пойдут имена людей, которые участвовали в присвоении Малееву степени доктора технических наук, и, поверьте, что и сами они доктора и профессора: В. Митрофанов из Московского станкоинструментального института, С. Копейкин из Куйбышевского института инженеров железнодорожного транспорта, уже упоминавшийся член специализированного совета при НИИЭКОС В. Квасницкий, В. Луговский из Севастопольского приборостроительного института, В. Евдокимов из ЦНИИ «Монолит», Солодов из НИИЭКОС, Б. Колочков из Госплана СССР.

* * *

Два конкретных дела... На их примере, а также на некоторых других хорошо видны типичные приемы хорошо организованного научного жульня.

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ

Есть фальсификация тонкая, есть гроссмейстеры фальсификации. В делах, о которых у нас тут идет речь, никакого гроссмейстерства нет. В нем отсутствует нужда. Ставка делается на другое: что никто копать не будет, а если копнут и что-то отыщут — скромно потупят глаза (об этом особая забота). Берут, скажем, лист бумаги, вставляют в машинку и выстукивают на ней:

«Выписка из протокола № 10 заседания кафедры «Экономика и организация управления в городском хозяйстве» Московского института управления имени Серго Орджоникидзе.

Слушали: сообщение соискателя кафедры Шихмагомедова М. Н. о результатах выполненной им диссертационной работы, представленной на соискание ученой степени кандидата наук... Тема диссертации «Вопросы совершенствования планирования и управления ремонтно-строительными работами в сфере жилищного хозяйства». Научный руководитель — доктор экономических наук профессор Лисичкин В. А. ...»

Совсем не важно, что никакого такого слушания в указанный день на кафедре не было. Не важно и то, что профессор Лисичкин В. А. научным руководителем Шихмагомедова М. Н. не назначался. Достаточно сунуть бумажку в аттестационное дело, и все пойдет как по маслу.

Потом можно снова сесть за машинку и сочинить другую бумажку — выписку из протокола заседания совета одного из факультетов МИУ. Здесь у Шихмагомедова будут уже два научных руководителя — профессор Лисичкин В. А. и доцент Волков В. А. Оба эти листка окажутся в деле Шихмагомедова рядом, но никого этот разный не ударит по глазам.

Наконец, можно написать и третью бумажку, в которой Волков В. А. заменить на Волкова В. В.

История, как понимаете, невыдуманная. Все три бумажки, соседствуя друг с другом, благополучно миновали все аттестационные инстанции, не зацепившись ни за чей внимательный взор. Архитектору из Дагестана М. Шихмагомедову была присуждена ученая степень. Это при том, что единственной подлинной бумагой был приказ о прикреплении его к одной из кафедр Московского института управления (МИУ) для сдачи кандидатских экзаменов. Известно, что экзамены он провалил. Тем не менее — кандидат...

Еще один род фальсификации — подделка явных листов. Когда идет липовая диссертация, понятное желание, чтобы защита совершалась в тесном кругу «своих». Беда, однако, что требуется этот самый квorum — две трети членов специализированного совета. На защите Карачарской было восемь человек из девятнадцати. По бумагам, однако, все как положено, — тринадцать.

Распространенная фальсификация — бумажки

о внедрении. Внедрении результатов, полученных в диссертации. Получить такую бумажку нетрудно. Она никого ни к чему не обязывает. Заместитель министра промышленности средств связи Г. Корнеев, например, взял и подмахнул липовый протокол о заседании научно-технического совета министерства, где речь шла об экономическом эффекте от внедрения диссертации М. Кудрика. Подмахнул его в качестве заместителя председателя совета. На самом деле совет никакого такого заседания не проводил. А Г. Корнеев никогда не был его зампредом.

ВОСПИТАЙ УЧЕНИКА...

Самым почетным в ученом мире было когда-то звание профессора. За рубежом оно и теперь почет-

но. Наше профессорство ничего не стоит. Чтобы получить его, довольно представить бумажку о пяти-шести «остепенившихся» учениках. Делается это очень просто. Та замена Волкова В. А. на Волкова В. В. в роли научного руководителя Шихмагомедова как раз и имела целью испечь для Волкова В. В. одного из пятидесяти полагающихся на сей случай учеников.

Точно такая же процедура была проделана с А. Ендуревым. В отличие от Шихмагомедова у него имелся истинный научный руководитель. Однако, чтобы предоставить профессорское звание Малееву, истинного руководителя записали как официального оппонента, а Малеева — как научного руководителя.

Вообще «учеников» тасуют, точно колоду карт,

берут друг у друга напрокат. Например, Малеев часть своих «учеников» передал Волкову В. В. — Бражникова, Васильченко, Савицкого, Шихмагомедова... Никого не смутило, что один из «учителей» проходил по разряду технических наук, а другой — экономических.

ОТКРЫТИЯ «ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ»

Распространенный прием сокрытия диссертационной липы — присвоение диссертации грифа «Для служебного пользования» (ДСП). Гриф сей сразу резко сужает круг лиц, допущенных к ученому труду. С момента, когда он вспархивает на титульный лист фолианта, автору дышится вольно, жизнь улыбается ему. Он ничего уже не боится, ничего не опасается. Нам самим не однажды давали от ворот поворот, когда мы пытались полюбопытствовать, какие такие открытия скрываются под этим грифом.

Сколько липовых диссертаций прошло под грифом ДСП? Сотни? Тысячи? Вероятно, никто никогда о том не узнает.

Гриф «ДСП» был присвоен и докторской диссертации Карачарской. Специализированный совет засекретил ее от того самого населения, на улучшение бытового обслуживания которого она была нацелена. Она не поступила в библиотеки, сообщение о ней не напечатали в «Бюллетене ВАК СССР», диссертацию не направили во Всесоюзный научно-технический информационный центр. Секрет, понимаете. Военная тайна.

Та же самая история — с диссертацией Малеева. Не хотим поставить под подозрение все диссертации, украшаемые упомянутым грифом, но все же, если он имеется на работе, не связанной с заведомо секретной тематикой, — это уже некий знак, некая родовая отметина...

ИСЧЕЗНУВШИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Не единожды говорилось, что от диссертаций толку мало. Хотя бы потому, что их всего-то три экземпляра. Кто их прочтет? Но бывает, что не оказывается и трех. Даже одного экземпляра. Диссертация рассеивается как дым. Остается только ученая степень как вещественное доказательство, что диссертация все же была.

Так исчезла, например, докторская диссертация Волкова В. В. Растворилась в пространстве. Канула в четвертое измерение.

Загадочная история. Никаких следов. От диссертации осталось одно название, в точности совпадающее, кстати, с названием его же, Волкова В. В., кандидатской диссертации.

Сразу же после защиты исчезла и диссертация Карачарской. Так что мы напрасно написали выше, что она не поступила туда да сюда. Она вообще никуда не поступила.

Вот так проваливаются в небытие плоды многотрудных дней и бессонных ночей. Поди-ка теперь проверь, что там было в этой диссертации.

ВНЕДРЕНИЕ «СВОИХ»

Главный их принцип — повсюду рассадить «своих».

— Если бы я стоял во главе преступной группы и был связан с коррумпированными чиновниками, — говорит старший оперуполномоченный ОБХСС Владимир Викторович Нестеров, — я бы в первую очередь на ключевые должности постарался протолкнуть тех из них, которые этим должностям не соответствовали бы. Они всегда были бы мне благодарны, что я их поставил на эти посты. Знаю, что реальные жулики именно так и поступают.

Нет никакого сомнения, что немало «своих» у них и в спецсоветах, и в самом аппарате ВАК.

Тот же Малеев чуть было не стал заместителем начальника одного из отделов ВАК. Вопрос был уже согласован, имелась рекомендация Бауманского райкома КПСС. Никаких сомнений, если бы не скандал, разразившийся вокруг его аттестационного дела, он благополучно занял бы это место.

В ВАК для них зеленый свет. Просто чудеса творятся. После того как Волков В. В. получил доктора, он захотел получить еще и профессора, а потому попросил оставить в ВАК его аттестационное дело, пока не подоспеют с защитой его «ученики». И что вы думаете — оставили. Оно пролежало там год и девять месяцев и дождалось-таки нужного момента.

Если вы, уважаемый читатель, после защиты попросите ваковских чинов о подобной услуге, можете поверить, результатом будет лишь ваше испорченное настроение.

Над некоторыми диссертациями ВАК учреждает прямо-таки опеку. Так было с диссертацией Малее-

ва. Начальник аттестационного отдела Н. Рассохин направил в Ташкент особое письмо с просьбой к соотвествующему начальнику принять к защите эту диссертацию. Такое письмо — знак особый, редко кто его удостоивается. А удостоившийся застрахован от провала.

Ну, а после защиты в самой ВАК дело Малеева, естественно, прошло как по маслу. Тут и говорить нечего. «Черный» рецензент быстренько накатал положительную рецензию. В рекордный срок — через две недели после поступления! — дело попало на экспертный совет. Там тоже не было задержек. А ведь мы помним — докторская диссертация соответствовала уровню студента второго-третьего курса.

БЛОКИРОВКА

Они знают: если начнут копать — докопаются до любого. Главное — не позволить копать, заблокировать это дело. Застраховать себя.

Впрочем, если копка началась, еще не все потеряно. На любой стадии можно развалить дело. Спустить на тормозах. Сдать в архив. Расследованием прекратить. Связи у них повсюду.

Некоторое время назад проверяли Институт комплексных исследований развития Москвы при Моссосвете. Из тридцати четырех защищенных там диссертаций комиссия признала несостоятельными тринадцать. Ангелина Владимировна Егорова, госинспектор ВАК, доложила об этом своему начальству. «Не может быть!» Решили дать на проверку другим экспертам. Те выставили семнадцать двоек. Диссертация — десятиклассник лучше напишет. Диссертанты — республиканские министры, секретари обкомов... И что же? Ликвидировали спецсовет? Дисквалифицировали экспертов? Ничуть не бывало. Экспертный совет, эти диссертации пропустивший, вызвали на президиум ВАК, пожурили, и на том дело кончилось. Все остались при своих.

— Сколько материала лежит у руководства! — говорит Егорова. — Лежит и нигде не идет. Если бы я могла их вам показать, у вас волосы встали бы дыбом!

Особое беспокойство научных коррупционеров вызвала госинспекция ВАК. Сейчас ее повязали по рукам и ногам. Ни одного шага теперь она не может предпринять самостоятельно — ни комиссию создать, ни направить бригаду для проверки.

По делу о спецсовете при НИИЭКОС Нестеров столкнулся в ВАК с настоящим саботажем. Дело это тянется с октября прошлого года, хотя все расследование можно было бы провести месяца за три. Для этого требуется привлечение двух-трех госинспекторов. С грехом пополам привлекли все ту же Егорову, пребывающую ныне на пенсии. Постоянно чинятся помехи с выдачей документов. Нестеров идет к председателю ВАК Е. Шемякину. Тот дает команду: выдать, предоставить. Однако за его спиной команда кем-то отменяется...

В квартире Егоровой раздаются ночные звонки. Анонимные. «Вы все еще занимаетесь этим делом? Советуем прекратить. Для вас же лучше...» Или еще прямее: «Мы сейчас к вам приедем. Вы ведь живете по адресу...» Называется точный адрес.

Нельзя посчитать все это шуткой. Бывшего начальника аттестационного отдела А. Шихина — фигуру, правда, далеко не светлую — три месяца назад во дворе задавила машина. Загадочная история.

В самой ВАК Егорову заставляют регулярно давать полный отчет обо всем, что она делает для ОБХСС. Кто-то хочет быть полностью в курсе дела...

Сейчас срок трудового соглашения, заключенного с Егоровой, истек, и работа вовсе застопорилась.

Мы пытались встретиться с Е. Шемякиным, поговорить обо всех этих делах. Не удалось. Накануне того дня, когда на президиуме ВАК должны были рассматривать дело Малеева, один из нас отвез председателя ВАК письмо:

«Уважаемый Евгений Иванович! Из-за того, что в течение нескольких дней не могу связаться с вами по телефону, вынужден прибегнуть к помощи почты.

Нам, журналистам, стало известно, что вами выявлен случай незаконного присвоения звания профессора и степени доктора наук В. Н. Малееву. На завтра назначен президиум ВАК, где будет рассматриваться дело В. Н. Малеева. Редакция поручила мне рассказать об этом случае. Однако я встретил странное в пору гласности препятствие со стороны начальника Государственной инспекции А. С. Старостина, который, беря на себя труд редколлегии, считает, что дело, о котором идет речь, журналистам «не интересно».

Настоящим письмом подтверждаю, что этот случай редакцией интересен.

Буду признателен, если вы либо по телефону... либо иным способом пригласите меня на завтрашнее заседание. Если вы тоже сочтете присутствие кор-

респондента лишним, редакция хотела бы знать причины этого».

Ни ответного звонка, ни ответного письма в редакцию не поступило. Президиум ВАК прошел без корреспондентов.

Малеева лишили докторской степени и профессорского звания. Но лишили своеобразно: не на основании анализа липовой диссертации, а только в связи с фальсификацией профессорского дела. Тем самым вывели из-под удара «черного» рецензента и экспертный совет, пропустивших липу. Так что причина, почему на заседание президиума не пустили корреспондента, сделалась вполне прозрачной.

Так обстоит дело в ВАК. Надежды, что она, в здоровой своей части, сможет хоть сколько-нибудь эффективно противостоять мафии, — никакой.

Тогда, быть может, понадеяться на ОБХСС? На прокуратуру?

В телевизионной серии «Следствие ведут знатоки» все бывает счастливым, когда удается найти преступника. В реальной жизни, если следователь наткнется на крупное дело, никто особенно не радуется. Все знают: у крупных людей большие связи.

Тут как в игре в жмурки. Там, если правильно берешь направление, кричат: «Тепло! Тепло!» Тут вызывают в разные начальнические кабинеты. Уговаривают не копать особенно глубоко. Угрожают. Появляются какие-то люди, обещают златые горы. Рост по служебной лестнице. Переход на другую, прекрасную работу. Все в том случае, если следователь умерит свой пыл. Нестеров нисколько не сомневается, что в их силах осуществить обещания. Как не сомневается и в том, что они способны направить все в обратном направлении. Просто выкинуть человека за борт.

— В одном кабинете нас сидело трое сотрудников, — говорит Нестеров. — Из этих троих остался лишь я. Один ушел в ГАИ, другой вообще уволился из МВД. Люди бегут. Профессионалы. На их место приходят дилетанты.

Нестеров пока сидит. Но чувствует он себя куда как неуютно. Дважды без оснований ему задерживали очередное звание...

— Мне тридцать семь лет. Фактически я не работаю. Я пытаюсь вложить свою энергию, свои знания, свои способности в борьбу с преступностью. Но все, что я делаю, в конечном счете летит в корзину...

Однажды его пригласил к себе некий высокий партийный начальник и тоже стал увещевать вести расследование не так прытко. Совсем недавно этот начальник был кандидатом в народные депутаты. Выступал в теледебатах. При этом выглядел необычайно порядочным, демократичным. Не прошел, правда, но не потому, конечно, что избиратели испытывали к нему особое отвращение. Оснований для того у них не было. Способность к мимикрии у таких людей исключительная.

Чтобы блокировка действовала надежной, в «связку» непременно втягивают кого-либо из высоких чиновников. Расчет точный. Когда Нестеров попытался побеседовать по поводу Карачарской с членом спецсовета Перегудовым (он же, как помните, зампреда Госкомобразования), тут же последовала команда: «Дело прекратить!» Нестеров отказался. Тогда в его отсутствие закрыть дело заставили молодого сотрудника. После Нестеров возобновил его, но момент был упущен.

— У нас есть ряд сфер полностью бесконтрольных, — говорит Нестеров. — Наука, например. Куда идти? Где искать помощи? Прорваться в Верховный Совет? Там заорать с трибуны: «Товарищи, что же у нас делается?» А если уж, как в том анекдоте, ограничить одним словом, — крикнуть во все легкие: «Караул!!!»?

* * *

Точно метастазы, они проникают во все поры нашей общественной жизни. Кто оценит в точности, какую лепту они внесли в развал нашей экономики? Кинешь взгляд окрест: вроде бы тот специалист и этот, а на самом деле — одна только видимость.

Стоит ли удивляться также столь обильным, особенно в последнее время, всевозможным взрывам, катастрофам, крушениям? Там недорассчитали, здесь недооценили, там провели некомпетентную экспертизу, здесь дали некавалифицированное заключение. Смотришь на подписи — по подписям все в порядке. Кто из них просто-напросто купил диплом?

Именно в этом главная опасность научной мафии — в тотальном метастазировании. Хотя, конечно, и в том, что она просто разлагает науку, разрушает ее изнутри.

Как с этим бороться? Не знаем. Знаем только, что нужны решительные действия, нацеленные прежде всего на то, чтобы взять под эффективный контроль систему аттестации. Очередная перетряска ВАК, очередная перемена ее ведомственной принадлежности ничего не дадут. Через ВАК идут мафиозные связи. Для начала надо их разорвать.

75 лет Театральному училищу имени Б. В. Щукина

Пять Монологов в день Юбилей

23

октября 1914 года в Мансуровском переулке Вахтангов прочел свою первую лекцию слушателям новой театральной школы. Это была не столько лекция, сколько целая программа, откровение. «Мы пришли сюда учиться настоящему искусству театра переживания, искусству выявлять себя, свою душу перед публикой. Нет задачи научить играть, задача — подготовить почву для будущего творчества». Все, кто слышал тогда эти слова, сразу и навсегда почувствовали себя людьми театра.

Учебное заведение, начавшее в тот день свое существование, хотя и меняло не раз свое название, всегда оставалось первой частью триптиха «школа — студия — театр», завещанного Вахтанговым.

Возник дом, в котором потом родился не только сам Вахтанговский театр, но и немало других.

Нина РУСЛАНОВА, заслуженная артистка РСФСР:

— Училище было для меня домом. Домом, которого я лишена с рождения. И все, населявшие этот дом, были и остаются моими родными, братьями и сестрами. Это родственное отношение к ним остается до сих пор, несмотря на всякие шероховатости жизни. ...И складывалось все как бы по-семейному: когда я училась в харьковском институте, меня благословили ехать в Москву поступать в Щукинское мои преподаватели Н. В. Богомолова и Т. К. Ольховский. Осенью был «добор» у Веры Константиновны Львовой — просматривали только мальчиков. Но Б. Е. Захава, тогдашний ректор, сказал, чтобы я шла к ней, потому что на предыдущих показах ей понравилась. В фойе Вахтанговского театра я ждала своей судьбы, которая спускалась сверху по лестнице. Ею оказалась маленькая, сухонькая старушка с бутербродом в трясущихся руках — она была очень больна. Я ужасно испугалась, потому что никогда такого не видела. «Наверное, это ведьма», — пришло мне в голову. И тут раздался голос: «Я вас беру». Так эта «ведьма» — одна из учениц Вахтангова — стала мне второй матерью, а первой я в общем-то не имела. Благодаря ей я не только не умерла с голоду, но и узнала в ее доме ту культуру, которой мне по жизненным обстоятельствам очень не хватало. Благодаря, конечно, не только ей, но и Л. М. Шихматову, Л. В. Ставской, Ю. А. Стромову, Ю. В. Катину-Ярцеву, В. Г. Шлезингеру, В. А. Этушу. Я не могу всех перечислить, как это делается в письме, когда передается привет всем родным и близким. Но помню всех.

Гарри ЧЕРНЯХОВСКИЙ, режиссер:

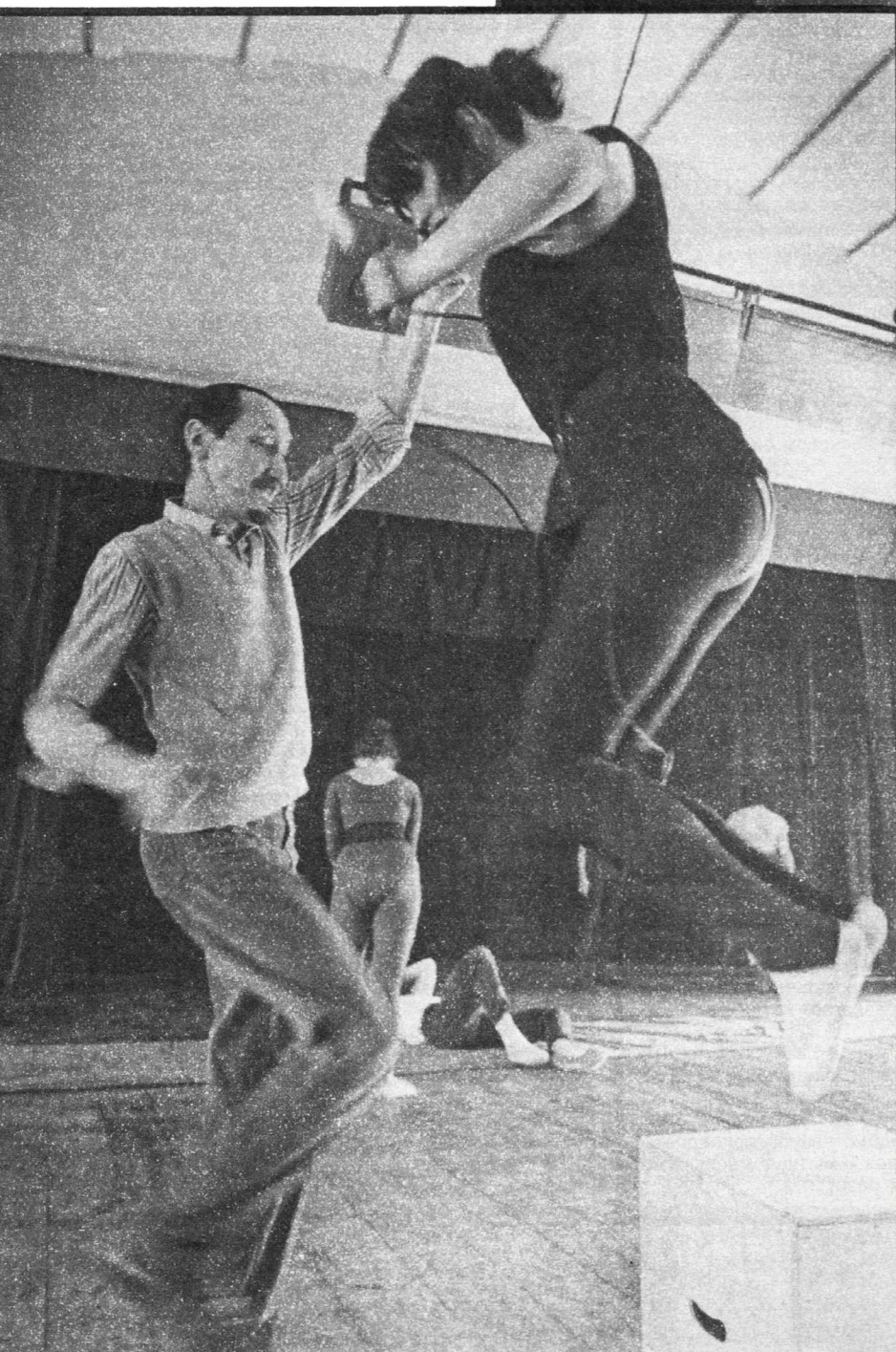
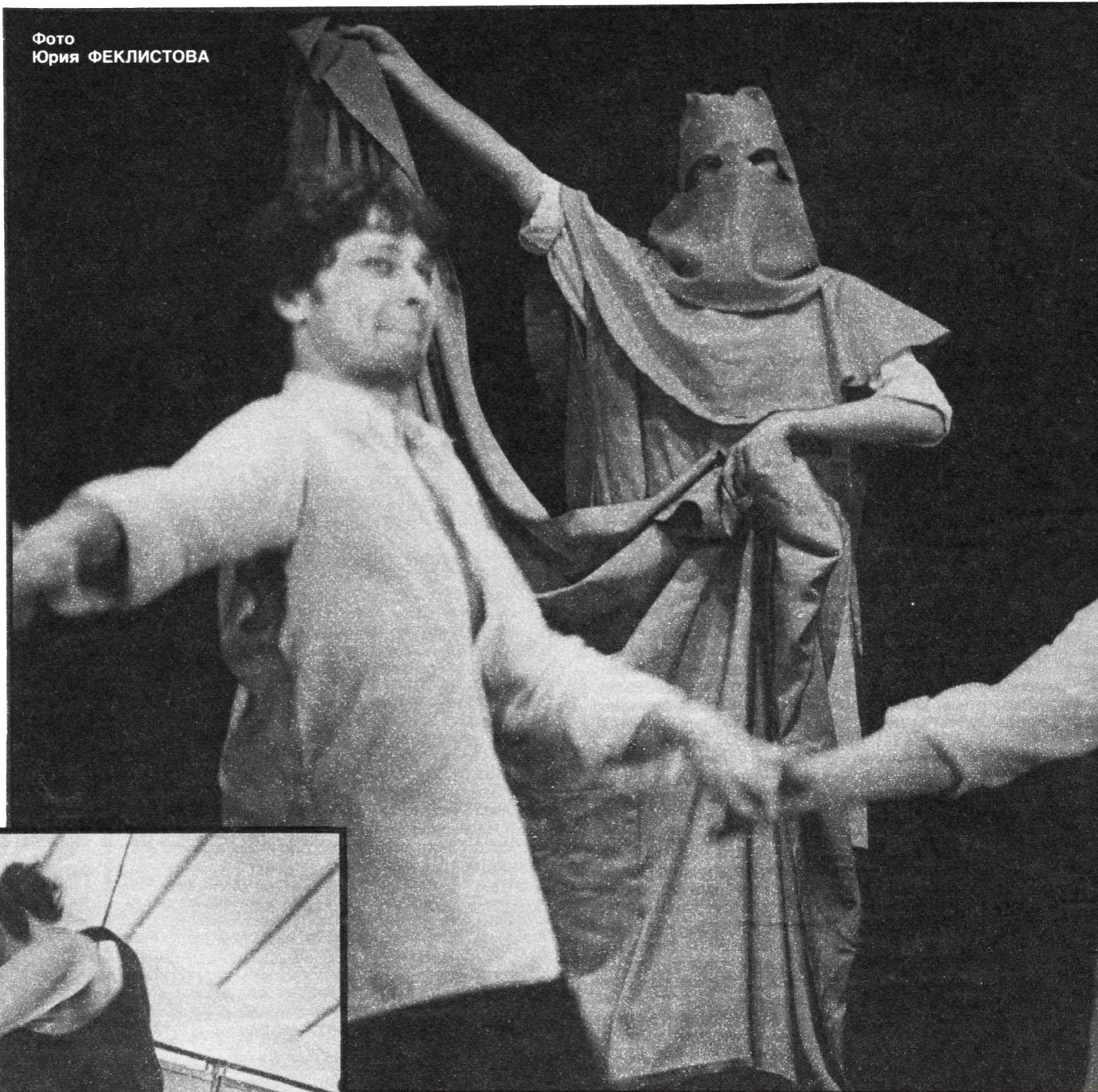
— Если вы сегодня спросите меня, какой лучший театр на свете, то я отвечу, что самый лучший театр — училище. И не только потому, что я его окончил и в нем работаю, а потому, что это — театр живой. В него приходят люди, еще не окунавшиеся в сложность театральной жизни. Они вне амбиций и интриг, на их желание быть артистами, художниками не наложима еще отпечаток та накипающая театральная жизнь, которая позволяет сегодня говорить о кризисе. Они хотят только работать и ничего больше. Они жизнь приносят с собой, и с ними проще понять сегодняшний день — ведь они оттуда. И, как ни странно, в училище гораздо легче сохранить традиции, чем в сложившемся театральном организме. Я имею в виду не то, что превратилось в догму и мешает, а тот естественный, чистый воздух искусства, который свойственен вахтанговской школе. Раньше училище и студия были адекватными понятиями. Сейчас многое изменилось. На мой взгляд, в нашем училище есть тот уровень культуры, которого не всегда хватает сегодняшним студиям. Может быть, потому что здесь всегда есть Учитель, который тебя приобщает и к лите-

ратуре, и к истории, и к театру, и к жизни. Последнее не менее ценно: именно Щукинское училище воспитывает в талантливом человеке умение выжить и постоять за себя, как бы подпитывает его жизненной энергией. Ну, и конечно, для меня, как режиссера и педагога, важно, что будущие режиссеры существуют в той среде, где могут понять, что такое театр, еще не будучи в театре. Щукинское училище — это такое плодотворное сочетание студенческой вольницы с приобщением к высокой культуре.

Наталья ГУНДАРЕВА,
народная артистка РСФСР:

— Время идет. Все дальше уходит училище. Остаются уже не воспоминания, а память сердца. Щукинское училище для меня всегда ассоциировалось с Лицеумом. Прежде всего потому, что там всегда была какая-то удивительная атмосфера. И, конечно, такие педагоги, которые не только великолепно знали свой предмет, не только демонстрировали высокую культуру во всем, но и просто отличались друг от друга, были индивидуальностями. Достаточно вспомнить Бориса Евгеньевича Захаву, окончившего кадетский корпус, владевшего несколькими языками, строгого, не разрешавшего студентам сниматься в кино. После первой моей успешной премьеры он сказал: «Никогда никому ничего не доказывайте, потому что тогда вы перестанете работать». Очень много можно перечислить имен моих учителей... Что они доставали из тайников, из глубин своей души, чтобы научить нас чувствовать и играть на сцене! Да, это была такая вольница, истинно

Фото
Юрия ФЕКЛИСТОВА

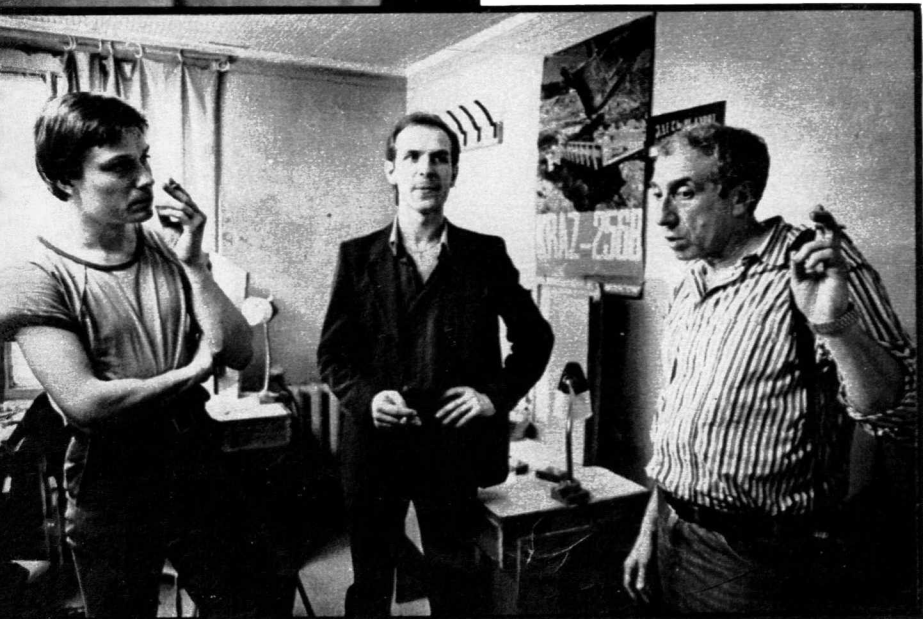

улице, где родилась, объезжаю стороной, хотя живу недалеко. Правда, была в моей жизни попытка преподавательской работы — несколько лет я вела занятия в училище со студентами, но поняла, что это — дело не мое... А воспоминание об училище осталось такое, как о детстве. Это одна из самых светлых страниц в моей жизни.

Александр ЗБРУЕВ,
народный артист РСФСР:

— Училище — это начало творческой жизни любого актера, это надежды сбывшиеся и не сбывшиеся. Все слова в превосходной степени о нем уже сказаны, и можно к ним только присоединиться... Я родом с Арбата, и другого театрального училища для меня просто не могло существовать, потому что все это едино: Арбат, Театр Вахтангова, 200 метров за углом — Училище имени Щукина, в котором учился мой брат. В течение многих лет я проходил мимо него, идя в школу. Будущие актеры-студенты, которых я там видел, — это была некая тайна. Я очень часто ходил в Театр Вахтангова и в ту пору знал некоторые роли из его репертуара наизусть, разыгрывая их среди своих друзей. А когда поступил в училище, то и влюбился в него, и в преподавателей, и в нянечек, и в профессоров, и в уборщиц... Преподаватели и сокурсники — это было бесконечное открытие в жизни, в театре, в любви, в товариществе. Это могло быть только в том училище, которым руководил Б. Е. Захава, преподавали В. А. Этуш, Ю. В. Катин-Ярцев, П. И. Новицкий, В. Г. Шлезингер, Ц. Л. Мансурова... Это были те прекрасные мгновения, которые не так часто бывают в жизни. Я и до сих пор влюблен, хотя порой боюсь к нему подходить, потому что для меня очень важно все, что я там пережил. Но мне хочется верить, что дух училища сохранился, хотя нет его души — Бориса Евгеньевича Захавы, нет истинного вахтанговца Владимира Георгиевича Шлезингера, нет очень многих замечательных педагогов. Но есть, к счастью, Владимир Абра-

демократичное учебное заведение. К примеру, у нас раз в году было общее собрание, в день которого все могли говорить друг с другом напрямую, независимо от возраста и положения, — педагоги, студенты, буфетчицы, монтировщики. И не было после никаких обид, потому что во всем этом была особая атмосфера, особый дух этого дома, который воспитывал душу.

Алла ДЕМИДОВА,
народная артистка РСФСР:

— Щукинское училище для меня — это ностальгия по юности, в которую невозможно вернуться. Поэтому я не хожу туда ни на юбилейные вечера, ни на собрания выпускников, ни даже на какие-то интересные спектакли. По той же причине, по которой не бываю на

мович Этуш, нынешний ректор, — это прекрасно и очень важно. Я ему очень благодарен за то, что он был терпелив ко всем нам и доверил такую мучительную-прекрасную профессию.

Это те щукинцы, кого удалось поймать в Москве перед началом театрального сезона. К актерам-вахтанговцам мы не обращались — нелегко было бы выбрать кого-то одного в театре, где практически все выпускники — щукинцы.

Несмотря на различия в характере, темпераменте, актерской индивидуальности, в этих монологах многое сходится, и это хорошо. Значит, все — правда. Еще раз спасибо этому дому!

Ирина МОРОЗОВА

«ОГОНЕК-ВИДЕО»

НА ПРОШЛОЙ НЕДЕЛЕ
МОСКОВСКАЯ КИНОКОПИРОВАЛЬНАЯ ФАБРИКА
ПРИСТУПИЛА К ТИРАЖИРОВАНИЮ ПЯТОГО
ВИДЕОВЫПУСКА ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» ЗА 1989 ГОД.
В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ НАШИ ВИДЕОПОДПИСЧИКИ
ПОЛУЧАТ НОВУЮ КАССЕТУ.
В ПЯТОМ ВЫПУСКЕ ВЫ УВИДИТЕ:

«Поездка, о которой говорят». Народный депутат СССР Б. Н. Ельцин рассказывает о своей поездке в США, о перестройке и о том, что ждет нас завтра.

«Сталкер Саша». Размышления о феномене Чернобыля спустя три года после катастрофы.

«Я съем меньшого брата». О человеческой жестокости, пустых полках мясных магазинов и о печальной судьбе обитателей Московского зоопарка.

«Посещение». 12 июня с. г. город Харовск Вологодской области посетили неопознанные летающие объекты...

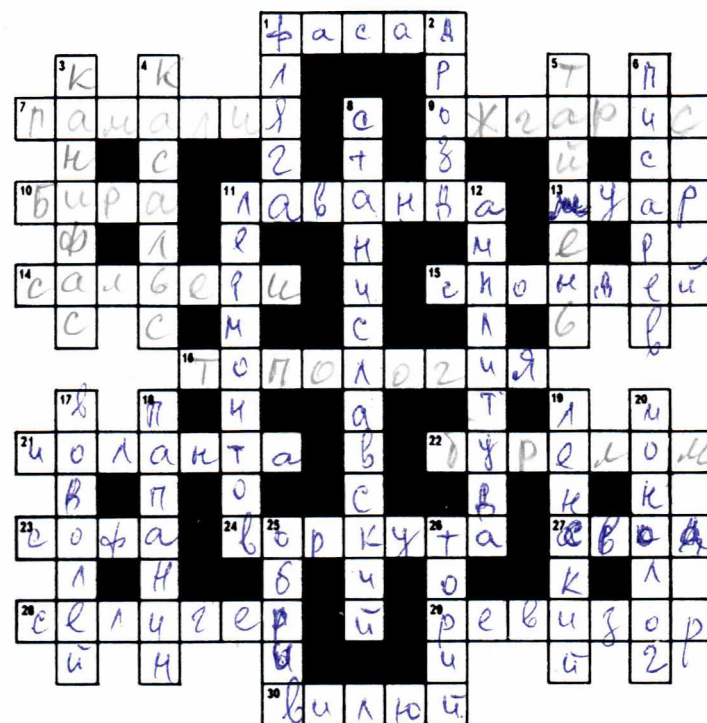
«Исповедь манекенщицы». Одна из лучших манекенщиц страны Дина Тарасова рассказывает о своей нелегкой профессии, и не только о ней.

«Москва — Петушки». Встреча с писателем-шестидесятиником Вениамином Ерофеевым.

Мы получили несколько сот писем от наших читателей, имеющих свои личные видеомагнитофоны и желающих смотреть наши кассеты у себя дома, с просьбой о приобретении видеовыпусков. Вынуждены вас огорчить. В связи с ограниченным тиражом «Огонек-видео» распространяется только организациям. Частным лицам наша кассета не продается. Советуем обращаться в видеосалоны, пункты видеопроката вашего города, там в ближайшее время вы можете получить очередной, пятый выпуск «Огонька-видео».

А для видео- и кинопрокатных организаций, профсоюзных, хозрасчетных, молодежных клубов, кооперативов, для всех, кто не успел еще познакомиться с нашими кассетами, напоминаем: по вопросам приобретения и подписки на видеовыпуски журнала «Огонек» следует обращаться по адресу: 117317, Москва, аб. ящик 843, тел. 212-15-79.

КРОССВОРД

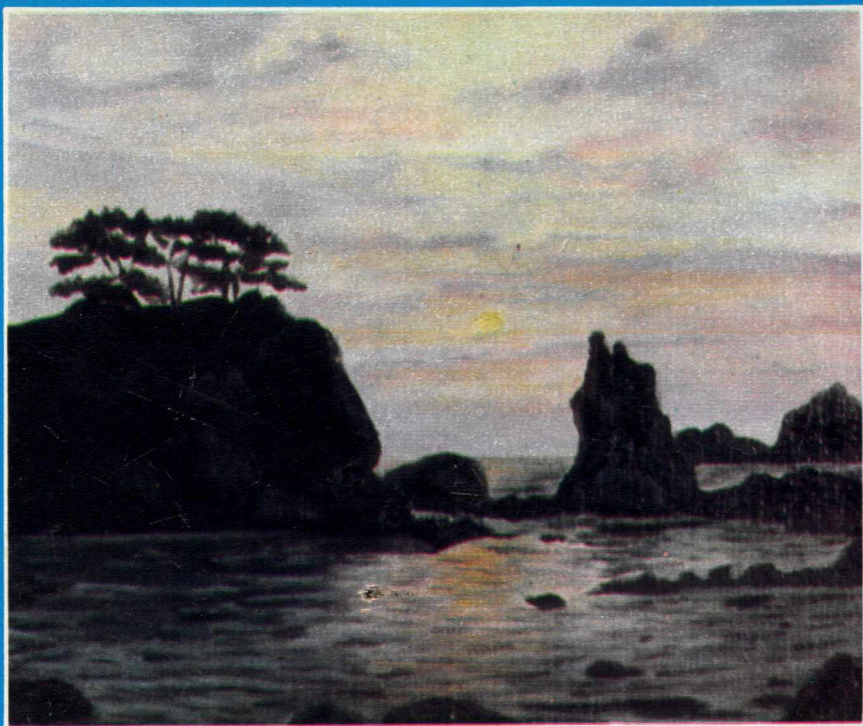
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Передняя часть здания. 7. Спутник Юпитера. 9. Литовский духовой музыкальный инструмент. 10. Приток Амура. 11. Растение, возделываемое для получения эфирного масла. 13. Плотная шелковая ткань с переливающимися оттенками. 14. Итальянский композитор, дирижер и педагог XVIII—XIX веков. 15. Двусложная стихотворная стопа. 16. Раздел математики. 21. Опера П. И. Чайковского. 22. Картина И. И. Шишкина. 23. Широкий низкий диван. 24. Город в Коми АССР. 27. Дугообразное перекрытие. 28. Озеро на Валдайской возвышенности. 29. Комедия Н. В. Гоголя. 30. Приток Иртыша.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Походная плоская бутылка. 2. Лесная певчая птица. 3. Хлопчатобумажная ткань с рельефным рисунком. 4. Испанский виолончелист, дирижер, композитор. 5. Лососевая рыба. 6. Русский публицист и литературный критик, революционный демократ. 8. Режиссер, актер, педагог, теоретик театра, народный артист СССР. 11. Выдающийся русский поэт. 12. Размах колебания. 17. Зодиакальное созвездие. 18. Один из первых Героев Советского Союза. 19. Персонаж романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин». 20. Форма речи, высказывание одного лица. 25. Роман И. А. Гончарова. 26. Радиоактивный химический элемент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 41

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. «Ореол». 6. Статус. 7. Огарев. 9. Текст. 11. Окорок. 13. Штраух. 14. Равенство. 17. Ягода. 18. Радда. 19. Комитет. 20. Плато. 21. «Оплот». 23. Облицовка. 25. «Стансы». 26. Алушта. 27. «Пряха». 29. Кряква. 30. «Прибой». 31. Регби.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Мост. 2. Флот. 3. Створ. 5. Барто. 6. Секция. 8. Втулка. 10. Конституция. 12. Катакомбы. 13. Швартовка. 15. Лобан. 16. Удиль. 20. Порттик. 22. Тритий. 23. Осока. 24. Аллия. 27. Парк. 28. Апия.

Валентин Дикунь — единственный человек, подаривший художницам надежду. Трехмесячный курс лечения, зарядки, растяжки, таблетки, фрукты, овощи — таково предписание врача. «А где все это в наших краях?» — вздыхают сестры.

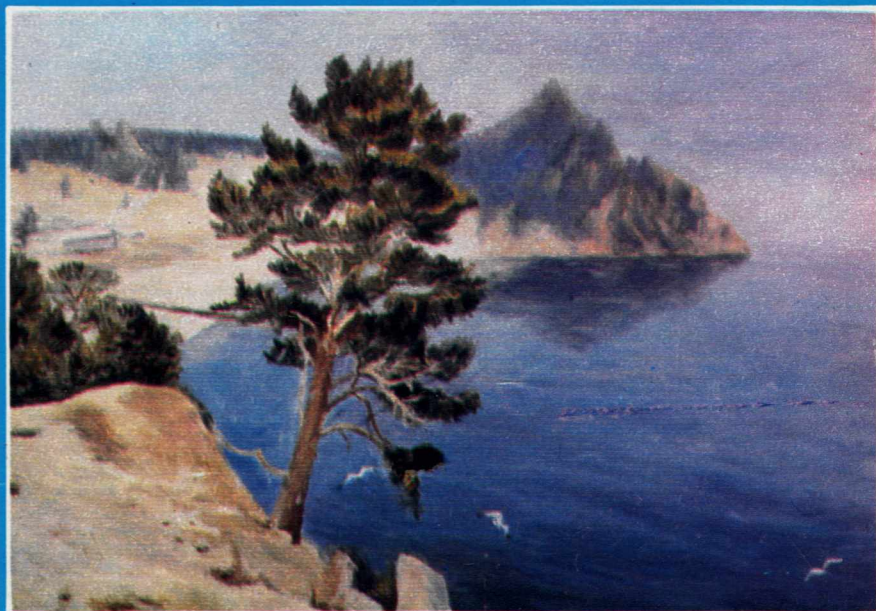
О возвращении домой Сергеевы стараются лучше не думать: их ожидает одиночество, равнодушие, бытовая нестроенность. Самое больное — их картины в поселке никому не нужны. И они никому не нужны. Вспоминаются слова Ирины: «Одно пугает, чтобы одним не остаться в будущем, без друзей...»

Что с нами происходит? Почему мы в своем здоровом эгоизме не делаем того, что обязаны делать как люди. А у этих немощных сестер

с душой-то все в порядке: они терпимы, добры, великодушны. Около них спокойно и уютно, как с близкими друзьями. А как им около нас живется? Несладко, мягко говоря. После одной из публикаций Сергеевых завалили письмами с выражением сочувствия: «Дорогие девочки, плачу вместе с вами...» Но только ли сочувствие нужно им сейчас? Сестрам Сергеевым необходимы инвалидные коляски, сделанные по индивидуальному проекту, автомашина для поездок, хороший стационар с квалифицированной помощью. Им нужна выставка в Москве, может быть, с частичной продажей работ. Им нужно наше с вами участие: не на словах, а на деле.

Ирина ЧЕРКОВСКАЯ

(См. в номере материал «Взгляд из неподвижности».)

40 коп.
Индекс 70663

ОГОНЁК

